BJ 72
.R4517
1862
Copy 1

LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class

Book

YUDIN COLLECTION

GPO

НАЧАЛА
НРАВСТВЕННОСТИ.

Сочиненіе

АМВРОСІЯ РАНДЮ,

старшаго совѣтника парижскаго университета, коммандора ордена почетнаго легіона.

Сочиненіе принятое для преподаванія въ училищахъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія во Франціи.

Переводъ съ Французскаго

ЧЕТВЕРТАГО ИЗДАНІЯ.

МОСКВА.

—

1863.

НАЧАЛА НРАВСТВЕННОСТИ.

Rendu, Ambroise Marie Modeste
"
Nachala nravstvennosti

НАЧАЛА
НРАВСТВЕННОСТИ.

СОЧИНЕНІЕ
Rendu
АМВРОСІЯ РАНДЮ,

СТАРШАГО СОВѢТНИКА ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, КОММАНДОРА ОРДЕНА ПОЧЕТНАГО ЛЕГІОНА.

СОЧИНЕНІЕ ПРИНЯТОЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ УЧИЛИЩАХЪ СОВѢТОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Переводъ съ Французскаго

ЧЕТВЕРТАГО ИЗДАНІЯ.

Дѣлай должное.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К°.
1862.

BJ 72
.R4517
1862

Одобрено цензурою. Москва 11 іюня 1862 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Съ книжкой, предлагаемою нами нынѣ въ переводѣ, мы имѣли случай ознакомиться по указанію просвѣщенной и глубоко уважаемой нами особы, получившей ее въ даръ изъ заграницы, и такъ какъ книга эта не была еще извѣстна у насъ, и ея не было въ продажѣ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, намъ представилось полезнымъ сдѣлать ее достояніемъ нашихъ соотечественниковъ.

Въ настоящее время, когда у насъ столько заботятся о распространеніи просвѣщенія, и обращается столько вниманія на составленіе учебниковъ и руководствъ для преподаванія, существенный недостатокъ бросается въ глаза, почти совершенное отсутствіе книгъ, въ которыхъ ученіе нравственности изложенное въ нѣкоторой системѣ, но притомъ не сухо и не слишкомъ схоластически — по формѣ, излагалось бы для юношества на твердомъ основаніи христіанскихъ началъ. Правда у насъ существуютъ и употребляются въ учебныхъ заведеніяхъ руководства по этому предмету весьма хорошо составленныя духовными лицами, но они наз-

начены исключительно для преподаванія закона Божія, и въ нихъ едва ли разсматривается нравственное ученіе древнихъ мудрецовъ до пришествія Спасителя, съ достойною оцѣнкою услугъ ими оказанныхъ, выставляя притомъ высокое превосходство христіанскаго ученія по сему же самому предмету; между тѣмъ это было бы не безполезно, дабы показать до какой точки разумъ человѣческій могъ довести человѣка и чего ожидать отъ него нельзя. Къ тому же извѣстно, что по несчастному предубѣжденію есть люди болѣе расположенные принимать о подобныхъ предметахъ свидѣтельство свѣтскаго писателя, чѣмъ духовнаго, обязаннаго, по мнѣнію ихъ, уже долгомъ званія своего говорить въ пользу ученія христіанскаго. Здѣсь же мы видимъ члена ученаго сословія парижскаго университета, слѣдовательно поборника науки, свидѣтельствующаго объ истинѣ, въ странѣ вовсе неотсталой, а которая напротивъ можетъ считаться передовою на пути просвѣщенія, лица притомъ не принадлежащаго къ сословію духовенства и вполнѣ сочувствующаго развитію наукъ, искусствъ и литературы.

Вотъ почему мы сочли, что это сочиненіе можетъ служить полезнымъ пособіемъ въ дѣлѣ нравственнаго образованія нашего юношества, а нравственное образованіе безъ сомнѣнія желательно видѣть тѣснѣе связаннымъ съ научнымъ преподаваніемъ, и проводимымъ

черезъ весь кругъ ученія. Когда то и другое будутъ идти рука объ руку, когда главнѣйшее вниманіе будетъ обращено на нравственность, и на ней основаны будутъ успѣхи въ просвѣщеніи, тогда мы пойдемъ путемъ истиннаго прогресса.

Изъ словъ нашихъ читатели ясно могутъ усмотрѣть, что чтеніе и изученіе издаваемой нами книги въ училищахъ не входитъ въ составъ религіознаго преподаванія, которое, будучи поручено духовнымъ лицамъ, должно остаться во всемъ своемъ объемѣ. Употребленіе нашей книжки въ часы свободные отъ уроковъ закона Божія не только не повредитъ религіозному преподаванію, но послужитъ еще къ утвержденію и какъ бы къ оживленію въ умахъ и сердцахъ учениковъ высокихъ истинъ и правилъ внушаемыхъ имъ законоучителемъ, истинъ и правилъ, нынѣ къ сожаленію весьма часто почитаемыхъ исключительнымъ достояніемъ богословскаго класса, и внѣ онаго даже приходящихъ въ забвеніе. Мы желали бы, чтобы преподаватели свѣтскіе и надзиратели надъ классами, имѣя въ рукахъ нашу книжку, прониклись ея духомъ въ своихъ собесѣдованіяхъ съ учениками, и придали бы тѣмъ новый интересъ и новое значеніе въ глазахъ ихъ высокимъ внушеніямъ христіанской нравственности, безъ которой не могутъ они сдѣлаться ни истинно благородными людьми, ни истинно честными гражданами. Книжка наша могла

бы также войдти въ число сочиненій, раздаваемыхъ въ награду ученикамъ за ихъ успѣхи, и при этомъ назначеніи и употребленіи въ семействахъ и домашнемъ воспитаніи могла бы оказать не малую пользу. Этой пользы скромной, но существенной, мы и желали-бы достигнуть, заранѣе отлагая всякое притязаніе на литературное значеніе нашего труда.

Замѣчательно, что не вдругъ можно узнать къ какому именно обществу христіанъ принадлежитъ писатель: такъ далекъ онъ отъ всякой исключительности въ предметахъ вѣрованія и вовсе на зараженъ ультрамонтанизмомъ. Въ одномъ мѣстѣ предисловія опредѣленіе духовенства сословіемъ, глава котораго находится на небесахъ, заставило насъ даже усомниться, принадлежитъ ли онъ къ Римско-католическому исповѣданію; насъ поразило также и то, что онъ приводитъ въ числѣ лицъ прославившихся высокою ученостію и вмѣстѣ съ тѣмъ явившихъ себя вѣрующими христіанами, безъ различія исповѣданій, римско-католиковъ и протестантовъ: Боссюэта и Ньютона, Фенелона и Эйлера. Впрочемъ какъ бы то ни было мы сочтемъ себя счастливыми, если эта книга заслужитъ одобреніе тѣхъ лицъ, мнѣніемъ которыхъ мы наиболѣе дорожимъ, и признана будетъ полезною для образованія нашего юношества, особенно же если она вызоветъ кого либо къ составленію подобнаго, по духу и направ-

ленію сочиненія, съ извлеченіями преимущественно изъ отцевъ православной восточной церкзи, святителей и іерарховъ нашихъ, и изъ свѣтскихъ писателей отечественной литературы, только съ постояннымъ стремленіемъ къ главной цѣли ученія нравственно-христіанскаго, ибо единственно въ тѣсномъ соединеніи съ нимъ заключается, по убѣжденію нашему, залогъ благонадежнаго развитія и преуспѣнія, даже и научнаго образованія.

Кромѣ прямой упомянутой выше сего цѣли, намъ показалось, что предлагаемое нынѣ въ переводѣ сочиненіе заслуживаетъ вниманія еще какъ благородное усиліе изъ числа дѣлаемыхъ въ настоящее время во Франціи, для опроверженія вредныхъ ученій, столько распространенныхъ на западѣ, гдѣ они успѣли такъ сильно поколебать вѣрованія въ святѣйшее христіанское ученіе, единую прочную основу всякаго порядка общественнаго, и блага временнаго и вѣчнаго государствъ и народовъ. У насъ въ Россіи, благодареніе Богу, эти вѣрованія еще держатся, но тлетворное дыханіе невѣрія и разврата доходитъ и до насъ въ формѣ романовъ, и другихъ, большею частію легкихъ сочиненій, жадно читаемыхъ нашею молодежью, тогда какъ серіозныя сочиненія даровитыхъ писателей въ настоящее время, пишущихъ въ пользу религіи, у насъ мало извѣстны. Почему же, черпая ядъ у нихъ, не

воспользоваться и противоядіемъ, которое многіе благонамѣренные писатели составляютъ и стараются распространять, чтобы тѣмъ противодѣйствовать злу издавна уже у нихъ зародившемуся? Если мы не можемъ совершенно предохранить себя отъ заразы, то не слѣдуетъ ли заимствовать у нихъ и средства къ изцѣленію, приложенныя къ тому виду, въ которомъ она появляется первоначально у нихъ, и къ намъ уже оттуда проникаетъ?

ВСТУПЛЕНІЕ.

Весь законъ нравственныхъ обязанностей, вся наука о нравственности, всѣ правила жизни заключаются всецѣло для каждаго изъ насъ въ томъ отвѣтѣ, который мы даемъ себѣ на слѣдующіе два вопроса: кто я? откуда и куда иду?

Философія долго и жарко обсуживала эти вопросы: она и теперь еще ихъ разбираетъ. Авторитетъ религіи разрѣшилъ ихъ окончательно и навсегда.

Впрочемъ,—и мы охотно это высказываемъ,—философія и религія равно необходимы какъ путеводители человѣчества къ высокому его назначенію; обѣ освѣщаютъ путь, хотя не въ одинаковой мѣрѣ, обѣ указываютъ цѣль. Достигнувъ предѣла, первый изъ этихъ путеводителей останавливается удивленный, недоумѣвающій; другой съ Евангеліемъ въ рукѣ дѣлаетъ шагъ впередъ, переступаетъ за преграду и поставляетъ насъ въ полное обладаніе истиною.

Настоящее время благопріятно для напоминанія юношеству о великомъ законѣ обязанностей.

Христіанская Франція подала образованному міру спасительный примѣръ, когда она торжественно провозгласила, что одна изъ главнѣйшихъ потребностей об-

щественныхъ есть преподаваніе нравственное и религіозное. И дѣйствительно мудро сочетаніе этихъ двухъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за нравственность, которая не опирается на религію, да и сама религія не есть ли таже нравственность облагороженная, освященная, обоженная такъ сказать, въ своей исходной точкѣ и въ своей цѣли?

Исполненіе обязанности какъ выраженіе воли Божіей — вотъ предметъ двойственнаго преподаванія, который, по намѣренію законодателя, долженъ предшествовать всякому другому ученію и сопровождать его. Законъ въ согласіи съ природою, съ обществомъ, съ религіею, требуетъ, чтобы съ самаго дѣтства умы и произволенія человѣческія были такимъ образомъ предостерегаемы и направляемы.

Сочиненіе это относится наиболѣе къ юношеству, обучающемуся въ нашихъ училищахъ.

Предполагаемъ, что оно получило уже нѣкоторое первоначальное обученіе, предполагаемъ, что въ домѣ родительскомъ, или въ тѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, гдѣ просвѣщенное милосердіе принимаетъ маленькихъ дѣтей лишь вышедшихъ изъ колыбели, въ умахъ воспитанниковъ были уже развиты первыя понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ, что они сознаютъ долгомъ своимъ покоряться нѣкоторымъ обязанностямъ, что эти юные искатели вѣчности вѣруютъ въ свое будущее, что они имѣютъ къ душѣ своей уваженіе и сострадательное участіе, наконецъ что они проникнуты желаніемъ быть угодными Богу и полезными обществу, а въ то же время и себѣ самимъ. Отъ всего

сердца желаемъ содѣйствовать къ тому, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми тѣмъ счастіемъ, которое доставляетъ покойная совѣсть. Мы хотимъ, по словамъ апостола, чтобы они помышляли всегда о томъ, «что есть истинно, что честно, что праведно, что чисто, что прелюбезно, что доброхвально, что составляетъ добродѣтель» (*).

И дабы лучше достигнуть предположенной цѣли, мы думаемъ, что полезно показать въ одно время, на сколько была обязана жизнь нравственная или религіозная боязливымъ совѣтамъ человѣческаго разума, и на сколько она обязана непреклоннымъ заповѣдямъ разума божественнаго.

Благодѣяніе чуднаго свѣта евангельскаго состоитъ существенно въ провозглашеніи истинъ новыхъ, которыхъ умъ человѣческій никогда бы самъ не открылъ, но также и въ томъ что древнія истины, извѣстныя дотолѣ не многимъ, уяснены съ новою силою и сдѣлались всеобщимъ достояніемъ.

Истина уже бывала возвѣщаема устами нѣкоторыхъ людей; по временамъ она пробивалась въ иныхъ странахъ сквозь общій мракъ и заблужденія всякаго рода, но народы не были еще посвящены въ эти частныя откровенія. Самая наука нравственности считалась особеннымъ преимуществомъ, и большое число древнихъ мудрецовъ почло бы униженіемъ для этой высокой науки сдѣлать ее общимъ достояніемъ народной толпы.

Но это должно было прекратиться съ той минуты, когда Богочеловѣкъ Самъ снисшелъ на землю для вод-

(*) Изъ посл. къ Филипп. Св. Ап. Павла.

воренія всякой благодати и истины. Онъ, Который создалъ изъ той же земли, и искупилъ одною же кровію богатаго и бѣднаго, великаго и малаго, сильнаго и слабаго, ученаго и невѣжду, Онъ долженъ былъ хотѣть, и дѣйствительно восхотѣлъ быть Спасителемъ всѣхъ человѣковъ, Онъ призвалъ ихъ всѣхъ къ тому же нравственному благу, Онъ говорилъ со властію, Онъ говорилъ для всѣхъ и всѣ Его услышали, въ этомъ собственно и состоитъ характеръ христіанства.

Между тѣмъ міръ и прежде уже существовалъ, общества были составлены, много правилъ истинныхъ было преподано, великіе примѣры добродѣтели являлись.

Такъ древніе мудрецы, по замѣчанію Роллена и его послѣдователей, весьма основательно признали, что существуетъ Богъ, верховный правитель міра, свободный распредѣлитель благъ и золъ, что провидѣніе Его хранитъ не только всѣхъ людей вообще, но и каждаго изъ нихъ въ особенности, что Ему извѣстны самыя тайныя мысли наши, и что Онъ внушаетъ намъ благія, а худыя осуждаетъ и наказываетъ, что истинное поклоненіе, которое мы обязаны Ему воздавать, состоитъ въ чистотѣ сердца, и что неправедныя желанія столь же не позволительны, какъ и преступные поступки, что Богъ испытываетъ добрыхъ скорбями и даетъ имъ силу переносить ихъ, что благополучіе человѣка не состоитъ ни въ удовольствіяхъ, ни въ почестяхъ, ни въ богатствѣ, но въ добродѣтели, что тѣлу должно дозволять только необходимое для поддержки его, что должно терпѣть обиды, и не воздавать зломъ за зло, но дѣлать добро всѣмъ, даже врагамъ своимъ, что истинная дружба должна имѣть

добродѣтель основаніемъ и цѣлію своею, что должно слѣдовать во всемъ справедливости и правдѣ, что лучше лишиться покоя, свободы и самой жизни, нежели измѣнить долгу.

Хорошо показывать молодымъ людямъ, прибавлялъ благочестивый ректоръ, сколь постыдно для христіанъ, получившихъ неоцѣнимый даръ вѣры, имѣть чувства и нравы хуже язычниковъ.

Таково будетъ и наше заключеніе. Великія начала нравственности не имѣли непоколебимаго утвержденія у древнихъ философовъ, но это утвержденіе они имѣютъ у христіанъ, самое сильное, торжественное, непреходящее, потому что начала эти сливаются съ самымъ словомъ Божіимъ возвѣщаемымъ въ общественномъ преподаваніи Церкви.

Величественно зрѣлище верховнаго Строителя, вызывающаго въ началѣ временъ вселенную къ бытію, съ особою заботливостію устрояющаго одинъ изъ тысячи міровъ, вышедшихъ изъ всемогущей руки Его, съ любовію водворяющаго на немъ человѣка, сотвореннаго по Его подобію, но одареннаго совершенной свободой; потомъ когда это существо, превознесенное такими великими преимуществами, пало, Онъ оставляетъ его блуждать по пути избранному его гордостію, по произволу страстей его, при невѣрномъ мерцаніи ниспадшаго его разума, принуждая его, если онъ искренъ, сознавать глубокую свою нищету и совершенную немощь, и наконецъ посреди мрачной ночи, покрывавшей міръ, во время указанное пророками, Онъ являетъ Сына Своего возлюбленнаго, Предвѣчное Слово, Солнце правды. Лишь

только Іисусъ Христосъ показался, природѣ человѣческой возвращается достоинство, разуму—первоначальная его сила, образъ Божій возстановляется во всей чистотѣ и вѣрности; отнынѣ человѣкъ, вспомоществуемый благодатію Божіею, можетъ безъ дерзости стремиться содѣлаться совершеннымъ, какъ совершенъ Отецъ его Небесный.

Мы сперва думали раздѣлить это сочиненіе на три части. Въ первой мы показали бы разумъ человѣческій, предоставленный самому себѣ, и усиливающійся въ продолженіи четырехъ тысячъ лѣтъ достигнуть до познанія долга и приходившій лишь къ сознанію своего безсилія; во второй части мы представили бы, что народъ, которому Богъ даровалъ свой законъ, несмотря на законъ, или лучше сказать по причинѣ самаго закона, былъ упорнымъ его нарушителемъ, и въ третьей, что народъ христіанскій, получивъ отъ Іисуса Христа, умершаго на крестѣ, законъ совершенный, вмѣстѣ съ закономъ получилъ возможность и силу необходимыя для выполненія его. Не малыя выгоды находились въ подобномъ раздѣленіи, представлявшемъ намъ человѣчество въ послѣдовательной борьбѣ противъ духа зла одними силами природы, при помощи природы и закона, и наконецъ—закона и благодати. Но принимая съ другой стороны во вниманіе, что все въ мірѣ окончательно приводится къ двумъ выводамъ: человѣкъ падшій, человѣкъ искупленный; Іисусъ Христосъ обѣщанный, Іисусъ Христосъ дарованный, и припоминая, что патріархи также жили, вѣруя въ Бога Спасителя, и слѣдовательно религія Христова начинается съ самыхъ первыхъ временъ, и что вѣрующіе іудеи были христіанами

до Евангелія,—мы остановились на этомъ великомъ и главномъ раздѣленіи: истины открытыя мудростію человѣческою у язычниковъ и возвѣщенныя мудростію божественною у христіанъ; для этой второй части мы черпали безразлично изъ двухъ источниковъ столь обильныхъ и столь чистыхъ, каковы Ветхій и Новый Завѣтъ.

Обязанности къ Богу, обязанности къ самому себѣ, обязанности къ ближнему—такъ раздѣляется обыкновенно всякое сочиненіе о нравственности. Мы будемъ слѣдовать тому же порядку.

Въ первой части мы представимъ сокращеніе всего, что древніе написали замѣчательнѣйшаго, потомъ изложимъ то, что заключаетъ въ себѣ ученіе христіанское.

Два пути ведутъ къ наукѣ нравственности также какъ и ко всякой другой наукѣ, разумъ и вѣра. Разумъ, посредствомъ котораго умъ принимаетъ все, что можетъ быть нынѣ понято; вѣра, посредствомъ которой онъ принимаетъ то, чего не можетъ еще ни понять, ни видѣть, но что рано или поздно ему откроется. Всякая наука должна достигать первоначально до нашего ума путемъ авторитета. Этого требуетъ самая природа человѣка, который вступаетъ въ эту кратковременную жизнь съ совершеннымъ невѣдѣніемъ добра и истины, робко и шагъ за шагомъ подвигается впередъ, освѣщая постепенно, и только отчасти, мракъ, облегающій его разумъ, исправляя понемногу нѣкоторыя изъ погрѣшностей своей воли; онъ скоро потомъ достигаетъ предѣла своего теченія, едва уяснивъ себѣ нѣкоторыя понятія о добрѣ и злѣ, объ истинѣ и лживости всѣхъ вещей. Такой

авторитетъ необходимый, непреложный, въ одно время требующій повиновенія себѣ и внушающій его, убѣждающій и заставляющій полюбить себя, мы находимъ, какъ и Отцы наши его находили, въ религіи, которую исповѣдывали *Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій*, блаженный *Августинъ и Амвросій*, въ религіи, рождающейся отъ вѣры, опирающейся на упованіи и живущей любовію, въ религіи, которая испытываетъ глубину всѣхъ скорбей человѣческихъ, и не оставляетъ ни единой изъ нихъ безъ помощи; пораждаетъ всѣ добродѣтели, изъ числа которыхъ нѣтъ ни одной ей чуждой или враждебной; вызываетъ всѣ пороки передъ судилище свое, и не находитъ ни одного могущаго выдержать ея присутствія; возвышаетъ человѣка, не дѣлая его гордымъ, смиряетъ, не приводя его въ отчаяніе, останавливаетъ въ минуту влеченія ко злу страхомъ Бога грознаго въ своихъ отмщеніяхъ, и въ то же время побуждаетъ творить добро изъ желанія угодить тому же самому Богу, столь могущественному и притомъ любвеобильному и благому; наконецъ—религіи, принимающей и подтверждающей все, что мудрость человѣческая когда-либо провозгласила благопріятнаго нравственности и порядку, и за предѣлами мудрости человѣческой показывающей намъ премудрость Божію, самого Бога, возвѣщающаго всѣмъ людямъ ученіе о спасеніи и жизни, обновившее лице земли.

Убѣжденные, что нѣтъ другаго имени, намъ даннаго подъ небесами, которымъ бы мы могли быть исправлены, усовершенствованы, утѣшены и спасены, минутные странники на землѣ, которая для большой ча-

сти людей есть юдоль плача, мы продолжаемъ внимать Господу и Христу Его, какъ Всемірному учителю и лучшему другу дѣтства.

Громко исповѣдуя сіе прекрасное и здравое ученіе, мы вмѣняемъ себѣ въ честь, что въ продолженіи уже сорока двухъ лѣтъ, состоя въ званіи члена университета французскаго, мы, по мѣрѣ силъ своихъ и восколько намъ это возможно, исполняемъ благородное предназначеніе, начертанное ему въ тотъ день, когда могущественная рука установила его съ тѣмъ, чтобы служить вмѣстѣ столбомъ и маякомъ посреди нашего гражданскаго быта, столь сильно потрясеннаго и омраченнаго. Въ неразрушимое основаніе дана ему религія христіанская, переданная намъ церковію апостольскою, и положено было, чтобъ знаменитое сіе учрежденіе держало себя постоянно въ уровень съ идеями благопріятствующими развитію просвѣщенія, полезныхъ наукъ и добрыхъ нравовъ.

Изъ всего сказаннаго видно, до какой степени университетъ можетъ быть орудіемъ высокаго просвѣщенія, и долженъ способствовать къ распространенію истинной нравственности.

По самому свойству вещей и учрежденій, тѣсный союзъ соединяетъ духовенство и университетъ, къ общей чести ихъ, точно такъ, какъ существуетъ подобный же союзъ между университетомъ и учеными сословіями, которыми Франція наша такъ справедливо гордится, и сей тройственный союзъ породитъ, коль скоро захотятъ понимать другъ друга, миръ и свѣтъ, славу и благополучіе.

Въ продолженіи девятнадцати столѣтій, благодаря христіанству и божественному его Основателю, посреди безпрестанныхъ переворотовъ, волновавшихъ народы, возникло, возросло, и жило между ними сословіе, обязавшееся передавать, отъ одного поколѣнія къ другому, во имя и съ властію самого Бога, драгайшее сокровище ученія религіознаго. Это сословіе достопочтенное, безсмертное, глава котораго на небеси, а владычество совершенно духовное, распространено до предѣловъ міра, сословіе, которому поручается исключительно ученое преподаваніе религіи; это сословіе церковное, духовенство. Оно постоянно отличалось во Франціи своими добродѣтелями, просвѣщеніемъ, преданностію здравымъ ученіямъ, искреннимъ, твердымъ и постояннымъ благочестіемъ.

Въ то же время у насъ существуетъ сословіе, котораго прямое и спеціальное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы хранить и приращать сокровище, хотя менѣе важное перваго, однакоже имѣющее значительное достоинство: достояніе наукъ, искусствъ и словесности. Сословіе это, на которое Франція съ самодовольствомъ указываетъ своимъ друзьямъ и завистникамъ, которое никогда не дозволитъ уму человѣческому сдѣлать шага назадъ, но одобряетъ, чтитъ, награждаетъ благородныя усилія воображенія и генія, открываетъ свободное поприще всѣмъ дарованіямъ, возлагаетъ на нихъ вѣнцы, и предлагаетъ имъ славное убѣжище, покровительствуемое самимъ царствующимъ домомъ, сословіе это, столь справедливо прославленное, составляется изъ соединенія пяти нашихъ академій это *французскій*

институтъ. Но здѣсь представляется двоякое замѣчаніе: огромная заслуга, оказываемая духовенствомъ обществу поддержкою священнаго огня религіи между людьми, несмотря на ихъ страсти и равнодушіе, ихъ пороки и заблужденія, вопреки ихъ сопротивленіямъ, клеветамъ и насмѣшкамъ, самому тяжелому роду гоненій, такая заслуга сама по себѣ уже требуетъ много труда, времени и вниманія священнослужителей, оставляя имъ мало свободы, чтобы слѣдить за развитіемъ наукъ и словесности. Это напротивъ составляетъ главнѣйшую цѣль ученыхъ сословій; но не должно никакъ дѣлать ихъ чуждыми и равнодушными къ высокимъ истинамъ религіи. Знаменитые примѣры доказали напротивъ того во всѣ времена и въ разныхъ странахъ, что какъ со стороны религіи такъ и со стороны науки, по мѣрѣ того какъ здравые умы возвышаютъ уровень своихъ познаній, и успѣваютъ въ преслѣдованіи существенной истины и главнѣйшей цѣли всякаго преподаванія, они взаимно открываютъ все больше и больше точекъ соприкосновенія между собою. Должно однакоже сознаться, что прежде достиженія этой высоты разстояніе, отдѣляющее разнородные предметы, кажется значительнымъ. Различные виды, принимаемые истиною, являются какъ бы противуположностями и въ самыхъ вещахъ, и слишкомъ частое слабое наше разумѣніе, изнемогая при видѣ этихъ мнимыхъ противорѣчій, уклоняется совершенно въ противную сторону, и, вслѣдствіе ли убѣжденія или по самолюбію, превозноситъ исключительно то, что само избрало, пренебрегая и осуждая то, что оно оставило безъ вниманія. Итакъ мы должны допу-

стить, что духовенство не можетъ слишкомъ близко слѣдить за развитіемъ наукъ и искусствъ, а съ другой стороны сословіе свѣтскихъ ученыхъ и литераторовъ менѣе будетъ принимать къ сердцу болѣе или менѣе быстрое распространеніе духа вѣры.

Мы говоримъ это нисколько не въ укоризну относительно самыхъ сословій, ибо полагаемо, что каждое изъ нихъ, ограничивая такимъ образомъ и сосредоточивая кругъ своей дѣятельности на опредѣленной точкѣ, будетъ тѣмъ болѣе внимательно и ревностно къ исполненію всего ожидаемаго отъ него обществомъ. Еще менѣе того можетъ упрекъ сей падать на каждаго члена въ особенности; ибо нынѣ какъ и прежде найдутся люди превосходные, которые возобновятъ примѣры того счастливаго сочетанія добродѣтелей и просвѣщенія, дарованій и твердости въ нравственныхъ началахъ, которыми прославились Эйлеры и Боссюэты, Массильоны и Паскали, Фенелоны, Бурдалу, Ньютоны, Лейбницы и Расины, Роллены, Амперы и Саси.

Все, что мы хотимъ сказать, клонится лишь къ тому, что полезно и прилично существованіе сословія смѣшаннаго, назначеніе котораго дѣлаетъ для него обязательнымъ съ одинаковою вѣрностію поддерживать и съ равнымъ стараніемъ развивать ученія небесныя и знанія человѣческія, сословія утвержденнаго на двухъ основаніяхъ—религіи и наукѣ, долженствующаго наблюдать вмѣстѣ за тѣмъ, чтобы внушались юношеству твердыя нравственныя начала для жизни и неизмѣнныя вѣрованія, и чтобы знаніе, подвигаясь вмѣстѣ съ обществомъ, никогда не затемнялось и не ослабѣвало, со-

словія наконецъ, находящагося въ счастливой необходимости держаться въ соединеніи съ духовенствомъ посредствомъ духа религіознаго и съ Институтомъ чрезъ разработку наукъ и словесности. Таково очевидно сословіе, принявшее на себя преподаваніе и общественное воспитаніе юношества во всемъ французскомъ государствѣ, есть университетъ. Если мы не ошибаемся, въ этомъ заключается основаніе его бытія, начало жизненное, сильно покровительствующее сему учрежденію и предназначающее его къ образованію юношества, какъ бы къ нѣкотораго рода священству.

Другое начало жизни и силы для университета, а также другой обширный способъ для распространенія нравственности религіозной, происходитъ отъ того, что сословіе, которому поручено общественное воспитаніе, обнимаетъ въ своемъ преподаваніи познанія самыя высокія и самыя скромныя, собираетъ въ свои многочисленныя училища богатыхъ и бѣдныхъ, удовлетворяетъ всѣмъ благоразумнымъ желаніямъ устройствомъ своимъ равно сильнымъ и гибкимъ, и можетъ всегда отвѣчать всѣмъ истиннымъ потребностямъ обширнаго общества, быстро подвигающагося къ высочайшимъ степенямъ просвѣщенія.

Посреди смятенія и тревожнаго шума волнующихся дѣлъ и интересовъ, ослѣпленія и смущенія слѣдующихъ за разными болѣе или менѣе удачными опытами промышленности, обширными предпріятіями торговли, слышится иногда вопросъ: въ какой мѣрѣ возможно возстановить между людьми до послѣднихъ классовъ общества господство прежнихъ добродѣтелей, истин-

ное чувство человѣческаго достоинства, взаимное уваженіе и довѣріе;—въ однихъ поселить благосклонность и безкорыстіе, а въ другихъ мужественную и терпѣливую покорность долгу и повиновеніе законамъ Провидѣнія, которое распредѣляетъ по усмотрѣнію своему блага и бѣдствія жизни. Отвѣтъ нашъ будетъ простой. Мы скажемъ всѣмъ, которымъ дано имѣть вліяніе на другихъ людей: напоминайте вѣру древнюю вашими рѣчами и вашими дѣлами, которыя одни могутъ довершать поученія, почитайте евангеліе на самомъ дѣлѣ, и послѣ того, какъ сей божественный свѣтъ просвѣщалъ насъ въ продолженіи осьмнадцати вѣковъ, не подвергайте безпрестанно снова сомнѣнію все, что рѣшено въ общемъ сознаніи человѣческаго рода, заставляя насъ крушиться безъ конца и покоя въ томъ самомъ хаосѣ мыслей, въ которомъ носились и бѣдствовали народы, не знавшіе дара Божія, и за тѣмъ ободритесь. Народъ возвратится къ религіи, когда вы перестанете считать религію удѣломъ только низшихъ сословій.

Сочиненіе, издаваемое нами новымъ изданіемъ, было просмотрѣно съ большимъ тщаніемъ. Сочинитель, соображаясь съ справедливыми критическими замѣчаніями, сдѣланными ему, измѣнилъ или исключилъ все, что казалось ошибочнымъ.

НАЧАЛА
НРАВСТВЕННОСТИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нравственное ученіе древнихъ философовъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТИ КЪ БОГУ.

ГЛАВА I.

О БЫТІИ БОЖІЕМЪ И СОВЕРШЕНСТВАХЪ ЕГО.

Бытіе Божіе.

Древніе философы, руководимые природою, понимали всѣ, что Богъ есть, но они не соглашались въ томъ: что̀ есть Богъ? «Чѣмъ болѣе разсматриваю этотъ вопросъ», говорилъ поэтъ Симонидъ царю Гіерону, «тѣмъ болѣе онъ кажется мнѣ теменъ.»

Мы не можемъ достойнымъ образомъ говорить о могуществѣ Божіемъ, когда не бываемъ просвѣщаемы свѣтомъ Его. Богъ есть источникъ всякаго свѣта, какъ и всякаго блага.

Красота міра, порядокъ небесныхъ тѣлъ, постоянное

обращеніе солнца, луны и звѣздъ доказываютъ достаточно, самимъ видомъ своимъ, что они произошли не случайно, и принуждаютъ насъ сознаться, что существуетъ причина верховная, вѣчная, заслуживающая дань благоговѣнія отъ рода человѣческаго.

Когда человѣкъ при входѣ своемъ въ академію, или въ другое какое-либо зданіе, видитъ господствующіе въ немъ повсюду правильность и порядокъ, онъ поймetъ безъ всякаго сомнѣнія, что тамъ есть правитель всему присущій, которому все повинуется. Точно также сей человѣкъ, разсматривая безпрерывныя движенія и неизмѣнные порядокъ и круговращенія небесныхъ тѣлъ, столь многочисленныхъ и столь огромныхъ, необходимо сознается, что все это управляется какою либо духовною силою; а такъ какъ нѣтъ разума, ни власти человѣческой могущихъ творить такія чудеса, то онъ заключитъ отсюда, что одинъ Богъ можетъ быть строителемъ и правителемъ столь великаго зданія.

Богъ есть духъ чистый.

Богъ не можетъ быть понятъ иначе, какъ духъ свободный, отличный отъ вещества и дающій всему движеніе и жизнь. Онъ весь духъ, умъ, разумѣніе; Онъ скрывается отъ нашихъ взоровъ, и мы можемъ видѣть Его только мыслію.

Богъ вѣченъ.

Какъ понимать Бога, если не понимать Его вѣч-

нымъ? Когда спрашивали Греческаго мудреца Ѳалеса, что̀ есть Богъ? онъ отвѣчалъ: это то, что не имѣетъ ни начала, ни конца.

Богъ всемогущъ.

Нѣтъ ничего такого, чего Богъ не могъ бы сотворить и безъ всякаго труда. Подобно, какъ люди двигаютъ членами своими одною мыслію, однимъ дѣйствіемъ воли своей, такъ могущество Божественное можетъ все дѣлать, все двигать, все измѣнять.

Богъ безконеченъ.

Въ какую бы сторону мы ни обратились, мы встрѣтимъ Бога идущаго къ намъ; нѣтъ ничего не вмѣщающаго въ себѣ Бога; Онъ Самъ наполняетъ Свое твореніе.

Богъ безконечно благъ.

Всѣ преимущества, коими мы пользуемся, свѣтъ, которымъ мы наслаждаемся, воздухъ, которымъ дышемъ, суть дары, раздаваемые человѣкамъ отъ Бога.

Богъ изливаетъ свои милости на насъ безпрестанно день и ночь, и то ниспосылаетъ ихъ намъ произвольно, то даруетъ по нашимъ молитвамъ. Какой человѣкъ не испыталъ на себѣ щедрости Божіей?

Никто не лишенъ даровъ небесныхъ; нѣтъ никого, къ кому бы не текли нѣкоторыя капли отъ сего источника неисчерпаемой благости.

Богъ верховный властитель и всевѣдущъ.

Богъ управляетъ міромъ посредствомъ своего провидѣнія, и Онъ промышляетъ о всѣхъ нуждахъ человѣческихъ не только вообще, но и въ особенности.

Всѣ люди должны быть убѣждены, что Богъ верховный властитель и правитель всего, и что все, что ни дѣлается на землѣ, творится Его могуществомъ, или по Его приговору, что Онъ видитъ каждую душу на сквозь въ самомъ составѣ ея, и что Ему извѣстны злые и добрые. Еслибы всѣ умы были проникнуты такими мыслями, то страхъ отмщенія суда Божія отвращалъ бы многихъ людей отъ преступленій.

Напрасно думаетъ злой человѣкъ получить пользу отъ того, что не имѣетъ видимаго свидѣтеля своего преступленія. Все извѣстно Тому, въ присутствіи Кого мы существуемъ: ничто не можетъ скрыть насъ отъ очей Божіихъ; будемъ стараться, чтобъ Онъ былъ доволенъ нами.

Мы должны поступать такъ, какъ еслибы глаза всѣхъ были обращены на насъ; мы должны мыслить такъ, какъ еслибы кто-нибудь могъ проникнуть въ самую глубину нашей души. И въ самомъ дѣлѣ есть взоръ проникающій туда. Къ чему послужитъ намъ скрыть что-либо отъ людей? Ничего нѣтъ скрытаго отъ Бога; Онъ присущъ всѣмъ нашимъ умамъ и мыслямъ и не удаляется отъ нихъ никогда.

Человѣкъ убѣжденный, что Богъ все видитъ, не будетъ грѣшить ни въ тайнѣ, ни явно.

Ѳалесъ, когда его спрашивали, поступки людей укрываются ли отъ Бога? отвѣчалъ: «самыя мысли ихъ не укрываются отъ Него.» Отвѣтъ его научаетъ насъ соблюдать въ чистотѣ руки и души наши. Пиѳагореецъ Секстъ подобнымъ образомъ говорилъ: «мы никогда не скроемъ отъ Бога ни поступковъ нашихъ неправедныхъ, ни мыслей неправедныхъ.»

Богъ виновникъ всякой добродѣтели и всякаго дарованія.

Добродѣтель приходитъ къ намъ ни отъ природы, ни отъ науки, но отъ Бога. Природа не даетъ добродѣтели; мы родимся для нея, но безъ нея.

Никто не можетъ быть добродѣтельнымъ безъ Бога; никто не возвышается надъ судьбою безъ помощи Божіей; Богъ внушаетъ благородныя намѣренія, великія рѣшенія; Онъ обитаетъ въ праведникѣ.

Когда мы видимъ человѣка непоколебимаго среди опасностей, владѣющаго своими страстями, счастливаго въ превратностяхъ жизни, покойнаго среди обуреваній, смотрящаго какъ бы съ высоты на все земное, не приходимъ ли мы въ восхищеніе, и не восклицаемъ ли: такая добродѣтель выше и болѣе слабаго тѣла, въ которомъ она обитаетъ; здѣсь дѣйствуетъ Божественная сила!

Когда встрѣчаемъ человѣка высокаго по духу и мудраго, который почитаетъ за ничто все чего желаютъ, или опасаются другіе, мы можемъ полагать навѣрно, что сила небесная руководитъ и управляетъ имъ;

такое чудесное явленіе не можетъ существовать безъ помощи Божій.

Къ небу приближаются умѣренностію, воздержаніемъ, мужествомъ и прочими добродѣтелями. Богъ не презираетъ насъ; Онъ готовъ насъ принимать, и когда мы восходимъ къ Нему, Онъ подаетъ намъ руку. Скажемъ болѣе. Богъ приходитъ къ намъ и въ самихъ насъ, и всякая душа добродѣтельная имѣетъ Бога съ собою.

«Какое бы вы добро ни дѣлали, говорилъ Віасъ, помышляйте, что вы получили его отъ Бога.»

Маркъ Аврелій Антонинъ благодарилъ Бога за то, что Онъ многократно давалъ ему указаніе и помощь для веденія добродѣтельной жизни, спасалъ его въ молодости и въ старости отъ многихъ случаевъ ко грѣху, и даровалъ ему добрыхъ родителей и хорошихъ наставниковъ и друзей.

Такъ какъ богатство увлекаетъ людей къ гордости и сластолюбію, то имъ необходима помощь Божія, чтобы вести жизнь умѣренную и воздержную.

Мы должны вѣрить, что ни одинъ человѣкъ не сдѣлался добрымъ безъ помощи Божіей, никто не бывалъ великимъ человѣкомъ безъ вдохновенія Божія (Цицеронъ).

Если разумъ, добродѣтель, добросовѣстность существуютъ въ человѣческомъ родѣ, откуда дары эти могли сойдти на землю, какъ не съ неба?

Искусство, съ которымъ предки наши дѣлали открытія и заботливость ихъ передавать намъ оныя, должны быть почитаемы за милости Божіи.

Открытія дѣлаемыя человѣкомъ не принадлежатъ ему одному; въ насъ вложены сѣмена всѣхъ искусствъ, и Богъ, невидимый нашъ учитель, изощряетъ и возбуждаетъ умы наши.

ГЛАВА II.

О богопочтеніи.

Первыя наши обязанности относятся къ Богу, вторыя къ отечеству, третьи къ родителямъ, и такъ далѣе въ разныхъ степеняхъ къ прочимъ человѣкамъ.

Хорошій человѣкъ питаетъ глубокое почтеніе къ Богу: вслѣдствіе того онъ переноситъ съ твердостію всѣ превратности, какія съ нимъ случаются, зная, что онѣ случаются по волѣ Божіей, которою все управляется.

Мы должны чтить Бога; лучшій способъ чтить Его состоитъ въ томъ, чтобы представлять Ему душу чистую, непорочную, праведную. Для Бога нѣтъ жилища на землѣ пріятнѣе чистой души человѣческой; не нужно воздвигать Ему великолѣпныхъ храмовъ: каждый изъ насъ долженъ освящать его въ сердцѣ своемъ.

Благочестіе и святость дѣлаютъ насъ угодными Богу.

Богу болѣе угодны невинность и святость Его поклонниковъ, чѣмъ искусно сложенныя молитвы. Тотъ, кто приноситъ къ олтарю сердце цѣломудренное и чистое, пріятнѣе Ему человѣка, приближающагося къ Нему съ хвалебными пѣснями, выраженными въ громкихъ и торжественныхъ словахъ.

Поклоненіе Богу не въ томъ состоитъ, чтобы приносить Ему въ жертву тучныхъ воловъ, или богатые дары изъ золота и серебра, но въ намѣреніи правомъ и благочестивомъ, потому добрые являются благочестивыми, принося въ даръ хлѣбъ, или не много муки; злые же остаются нечестивыми даже тогда, когда обливаютъ олтари кровію безчисленныхъ жертвъ.

Приносите Богу жертвы чистыя и безпорочныя по достоянію вашему; возсылайте Ему молитвы ваши, отходя ко сну и возставая отъ него, дабы Онъ являлъ вамъ благоволеніе Свое.

Пусть люди приступаютъ къ Богу съ нравами чистыми, искреннимъ благочестіемъ, а не съ богатствомъ. Этотъ законъ доказываетъ, что для поклоненія Себѣ, Богъ требуетъ добродѣтели, а не великолѣпія. Бѣдность не должна служить стыдомъ ни для кого въ глазахъ людей, еще менѣе того должна она быть изгоняема изъ храма Божія. Ничто не можетъ быть противнѣе Богу, какъ указываніе для почитанія Его пути неравно доступнаго для всѣхъ.

Богу не свойственно предпочитать жертвы богатыя малѣйшимъ приношеніямъ, ибо злодѣи часто бываютъ богаче людей добродѣтельныхъ; изъ этого слѣдовало бы, что жертвы первыхъ пріятнѣе Ему. Напротивъ того дары и приношенія болѣе угодные Ему суть тѣ, которые приносятъ Ему люди благочестивые.

Все можетъ быть ему пріятно съ благочестіемъ, а безъ него ничего.

Богъ не смотритъ на то, полны ли руки наши, а чисты ли онѣ.

Съ благочестіемъ бываетъ: какъ и со всѣми другими добродѣтелями: оно не можетъ довольствоваться однимъ видомъ, или наружностію. Безъ благочестія не было бы ни святости, ни религіи, и вездѣ видно было бы только неустройство и безпорядокъ.

Еслибъ прекратилось Богопочтеніе, съ нимъ вмѣстѣ исчезла бы добросовѣстность, общество человѣческое не могло бы существовать, и превосходнѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей—правосудіе истребилась бы съ лица земли.

Бога можно преклонить благочестіемъ, благоговѣніемъ, молитвами, основанными на правдѣ, но никакъ не суевѣріемъ или жертвами, приносимыми Ему съ преступными намѣреніями.

Чтобы почитать Бога нужно напередъ вѣровать, что Онъ существуетъ, потомъ знать, что Онъ управляетъ міромъ, и что Его верховное управленіе, благодѣтельное для каждаго человѣка въ частности, охраняетъ весь человѣческій родъ.

Желаешь ли умилостивить Бога, будь добръ; подражать Ему есть лучшій способъ почитать Его.

Хочешь ли чтить Бога превосходнѣйшимъ образомъ, уподобляй душу твою Богу сколько возможно.

Люби Бога болѣе жизни. Если ты не любишь Бога, то не пойдешь къ Нему; и ты не полюбишь Бога, если не имѣешь въ себѣ нѣкотораго сходства съ Нимъ.

Будемъ стараться всѣми силами уподобиться Богу сколько можно, а уподобляются Богу благоразуміемъ, праведностію, святостію.

ГЛАВА IV.

О молитвѣ.

Просите у Бога даровать вамъ душу чистую, просите у Него прежде всего здоровья для души, а потомъ и для тѣла.

Вы будете свободны отъ всякой страсти, когда дойдете до того, чтобы не просить ничего у Бога кромѣ того, о чемъ можно просить Его во всеуслышаніе; но какъ велико наше безуміе! многіе возсылаютъ въ тайнѣ прошенія самыя постыдныя, и если бы кто-нибудь могъ ихъ узнать, они замолчали бы, объявляя такимъ образомъ предъ Богомъ то, что хотѣли бы они скрыть отъ людей. Должно жить съ людьми, какъ бы въ виду Бога; говорить съ Богомъ такъ, какъ бы насъ слышали люди.

Человѣкъ, входящій въ храмъ, долженъ бы довольствоваться сею молитвою: «о Боже! даруй мнѣ то, что для меня потребно.»

Сократъ, который былъ какъ бы оракуломъ человѣческой мудрости, думалъ, что ни о чемъ другомъ не слѣдуетъ просить Бога, кромѣ того что для насъ хорошо, такъ какъ Богъ одинъ знаетъ, что каждому полезно; а мы часто просимъ Его напротивъ о томъ, чего намъ лучше не получать. Въ самомъ дѣлѣ, разумъ смертныхъ, покрытый густымъ мракомъ, простирается и на безразсудныя прошенія. Онъ желаетъ богатства, погубившаго многихъ; желаетъ почестей, причинившихъ гибель большому числу людей; онъ домогается

съ безпокойствомъ блестящихъ связей, которыя прославили нѣкоторыя семейства, но другихъ напротивъ ввергли въ несчастія. Перестанемъ бѣгать подобно безумцамъ за мнимыми благами, которыя бываютъ источниками столькихъ золъ, и предадимъ себя совершенно въ волю Бога, дарующаго намъ всѣ блага и могущаго избрать для насъ лучшее.

Повѣримъ Богу, говоритъ Ювеналъ, заботу различать, что для насъ истинно полезно: вмѣсто того что намъ нравится, Богъ даетъ намъ что намъ прилично. Человѣкъ дороже Богу, нежели самому себѣ.

О Боже! говоритъ одинъ изъ древнихъ поэтовъ, даруй намъ, что для насъ истинно полезно, просимъ ли мы того у Тебя, или нѣтъ, а что вредно, не давай намъ того, хотя бы мы о томъ просили.

КНИГА ВТОРАЯ

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ САМОМУ СЕБѢ.

ГЛАВА I.

О достоинствѣ человѣческой природы.

Существо, одаренное предусмотрительностію, проницательностію, памятью, существо полное благоразумія, которое мы называемъ человѣкомъ, было создано Божественнымъ могуществомъ съ весьма высокимъ назначеніемъ. Въ тамомъ дѣлѣ среди великаго разнообразія животныхъ, одинъ только онъ надѣленъ разумомъ и мыслію; а что превосходнѣе разума, который, будучи развитъ и усовершенствованъ, получаетъ прекрасное наименованіе мудрости?

Разумъ, полученный человѣкомъ отъ Бога, установляетъ между Богомъ и человѣкомъ нѣкоторое сходство и общеніе, и вотъ почему природа, т. е. Богъ, съ такимъ обиліемъ разсыпала все, что можетъ быть полезно для людей. Ясно видно, что все существующее въ мірѣ было дано намъ съ размышленіемъ и не есть произведеніе случая. Прибавьте къ этому безчисленныя искус-

ства, которымъ научила насъ природа, и все, что разумъ своею способностію подражанія доставилъ намъ необходимаго и удобнаго для жизни человѣческой.

Таже самая природа не только обогатила человѣка разумною душою, но она дала ему и тѣло прекрасной формы и приспособленное къ человѣческимъ дарованіямъ. Тогда какъ она наклоняла къ землѣ головы другихъ животныхъ, она подняла одного человѣка; она побуждала его созерцать небо, какъ свое отечество, какъ свое жилище.

Царь, для котораго произведено столько благъ, человѣкъ поднимаетъ благородное чело и смотритъ на небо; не говоря уже о множествѣ другихъ преимуществъ, о голосѣ, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ искусствомъ, о дарѣ слова, который служитъ связью человѣческому обществу.

Когда въ первый моментъ устройства вселенной Богъ приводилъ въ порядокъ всѣ вещи, онъ держалъ совѣтъ о сотвореніи человѣка. Человѣкъ не былъ произведеніемъ внезапнымъ и поспѣшнымъ, но природа (*) обдумывала прежде, потомъ произвела его. Да, Богъ любилъ и еще любитъ насъ предпочтительною любовью; Онъ помѣстилъ насъ въ мірѣ на первомъ мѣстѣ послѣ Себя: это высшая почесть, величайшая, какую могъ Онъ даровать.

Кто познаетъ себя, тотъ пойметъ, что въ немъ есть

(*) Ясно, что въ этомъ извлеченіи изъ Сенеки слѣдуетъ читать слово *Богъ*, которое впрочемъ предшествуетъ и слѣдуетъ за словомъ *природа* что и даетъ ему истинный смыслъ; предъ этимъ мы читали у Цицерона *природа*, т. е. *Богъ*.

нѣчто Божественное, и будетъ желать всегда дѣйствовать, всегда мыслить достойно такого великаго благоволенія Божія.

Конечно, желающимъ стать выше прочихъ животныхъ нужно сосредоточить всѣ свои усилія на томъ, чтобы не жить жизнію животныхъ, которыхъ природа произвела наклонными къ землѣ и рабами своего чрева. Мы состоимъ изъ духа и тѣла: одинъ составляетъ въ насъ общее съ Богомъ, а другое съ животными; духъ долженъ повелѣвать, а тѣло повиноваться. Итакъ мы должны съ изумленіемъ видѣть и презирать испорченность людей, которые, будучи преданы тѣлеснымъ наслажденіямъ, проводятъ жизнь свою въ роскоши и безпечности, и позволяютъ своему духу безъ упражненія разслабѣвать въ праздности.

Никогда не надобно забывать сколько природа человѣческая превосходитъ природу животныхъ: они чувствительны только къ сладострастію и стремятся къ нему всѣмъ своимъ существомъ; напротивъ, если человѣкъ предается ему, то онъ таитъ и прикрываетъ стыдливостію увлекающую его склонность; это достаточно подтверждаетъ то, что тѣлесныя наслажденія недостойны превосходства человѣческаго. Итакъ, что касается до попеченія о тѣлѣ, то должно имѣть въ виду здоровье и силы, а не наслажденіе. Если мы хотимъ уважать высоту и достоинство человѣческой природы, мы поймемъ, до какой степени безчестно предаваться роскоши, жить вяло и изнѣженно, и какъ почтенны умѣренность, трезвость, воздержность и строгость нравовъ.

«Какой презрѣнный предметъ человѣкъ, говоритъ Пли-

ній, если онъ не возвышается надъ вещами человѣческими.»

Если наши души имѣютъ Божественное происхожденіе, то мы безпрерывно должны стремиться къ добродѣтели, а не порабощать себя тѣлеснымъ наслажденіямъ.

Тѣлесное наслажденіе кратковременно, непостоянно, и тѣмъ ближе къ отвращенію, чѣмъ съ большею жадностію оно вкушается.

Невозможно, чтобы оно не приводило въ послѣдствіи къ раскаянію, или стыду. Оно не имѣетъ ничего великаго, ничего сообразнаго съ человѣческою природою столь близкою къ природѣ Божественной; напротивъ того, оно предметъ низкій и недостойный.

Истинное достойное человѣка наслажденіе состоитъ не въ томъ, чтобы насыщать тѣло, утучнять его, возбуждать страсти, покоя которыхъ мы должны желать, но въ избѣжаніи душевнаго волненія. Должно упражнять тѣло и управлять имъ такъ, чтобы оно могло повиноваться разуму, для исполненія ли всего должнаго, или для перенесенія труда.

Тѣло человѣческое подобно желѣзу: если вы употребляете желѣзо, то оно не портится, если вы не употребляете его, то ржавчина пожираетъ его. Мы видимъ также людей изнуряемыхъ трудомъ и еще болѣе истощаемыхъ бездѣйствіемъ и нѣгою.

Крайняя тучность тѣла притупляетъ, такъ сказать, и обременяетъ духъ: итакъ должно упражнять его, но умѣренно и безъ потери времени, такого драгоцѣннаго блага. Обратимся скорѣе отъ тѣла къ духу. Духъ должно упражнять и днемъ и ночью: этому упражненію не препятствуетъ ни зима, ни лѣто, ни старость.

Какъ лошадь рождена для бѣганья, волъ для землепашества, собака для охоты, такъ человѣкъ рожденъ для двухъ цѣлей: чтобъ разумѣть и дѣйствовать сообразно съ природою, т. е. съ разумомъ; въ этомъ и состоитъ *честность*, которая есть истинное благо, благо свойственное человѣку, потому что для его счастія нужно не то, чтобы онъ обработывалъ много земли, чтобы онъ пользовался почестями отъ множества народа, чтобы онъ покоился на роскошной постели, но чтобы онъ былъ добрымъ человѣкомъ. Онъ бываетъ добрымъ человѣкомъ, если его разумъ развивается и усовершается въ немъ согласно съ волею природы и съ добродѣтелью.

Господство надъ самимъ собою есть величайшее господство; рабство страстямъ есть самое тяжелое рабство.

Истинное величіе души узнается по двумъ признакамъ: первый тотъ, чтобы считать добрымъ только то, что честно; второй, чтобы не возмущаться никакою страстію. Великой и сильной душѣ свойственно презирать то, что представляется прекраснымъ и удивительнымъ большинству людей и переносить то, что ему кажется труднымъ, чтобы ничего не потерять изъ достоинства мудраго. Торжествовать надъ страхомъ и допустить себя быть побѣжденнымъ жадностію, являться непобѣдимымъ въ трудѣ и слабымъ противъ похоти— это будетъ разногласіе и противорѣчіе.

Что всего превосходнѣе изъ дѣлъ человѣческихъ? Подавлять пороки: нѣтъ лучше этой побѣды. Многіе повелѣвали городами и народами, но весьма не многіе самими собою.

Повелѣвать другими, и не умѣть повелѣвать самимъ собою, это безумно.

Легче управлять народами варварскими, не терпящими никакого ига, чѣмъ сдерживать свое собственное сердце. Многіе сильные противъ враговъ были побѣждены счастіемъ и страстями. Александръ опустошилъ и обратилъ въ бѣгство Персовъ, Гирканцевъ, Индѣйцевъ и другіе народы до самаго Океана, но, побѣдитель столькихъ народовъ, подвергался гнѣву, унынію, и сладострастію; это значитъ, что онъ мечталъ покорить все своей власти, исключая движеній своей души; тотъ, кого не могло побѣдить оружіе Персовъ, былъ побѣжденъ пороками.

Напротивъ Цесарь побѣждалъ свой гнѣвъ также, какъ умѣлъ побѣждать своихъ враговъ. Онъ покорилъ народы варварскіе, дикіе, безчисленные, разсѣянные по обширнымъ городамъ, снабженные всякаго рода пособіями. Все это было легко сдѣлать по самому свойству вещей, ибо нѣтъ такой великой силы и такой многочисленной толпы, которыхъ бы не могли ослабить и отразить сила и оружіе; но побѣдить свою душу, укротить свой гнѣвъ, знать мѣру въ побѣдѣ, это значитъ не только равняться съ великими людьми, но и дѣлаться подобнымъ Богу.

Побѣдить гнѣвъ, значитъ одолѣть самаго грознаго врага; побѣдить властолюбіе, это также великая и прекрасная побѣда. Нашъ возрастъ, сказалъ Сципіонъ младшій послѣ одной побѣды, нашъ возрастъ не столько боится непріятельскихъ силъ, сколько страстей, осаждающихъ его со всѣхъ сторонъ. Тотъ, кто укрощаетъ

ихъ умѣренностію, пріобрѣтаетъ больше славы, чѣмъ сколько доставляетъ пораженіе непріятельской арміи.

Безпорядки и преступленія суть истинные враги, истинное зло; Богъ хранитъ отъ нихъ людей добродѣтельныхъ. Но отъ чего добрые страдаютъ отъ предметовъ тягостныхъ, каковы: изгнаніе, бѣдность? Для того, чтобы другіе люди научились отъ нихъ страдать. Добрые сотворены для того, чтобы служить примѣромъ. Послушайте, что Богъ говоритъ имъ: «какую причину имѣете вы жаловаться на Меня, вы, которые избрали добродѣтель и вкусили ее? Другихъ Я окружилъ ложными благами, Я украсилъ ихъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; внутри же они не имѣютъ ничего добраго. Значитъ не такъ истинно и прочно ихъ счастіе. Но вамъ Я далъ блага вѣрныя, вѣчныя; Я далъ вамъ способность презирать то, что представляется страшнымъ толпѣ и пренебрегать тѣмъ, чего она желаетъ. Вы не блистаете внѣшностію, ваши блага внутреннія, Я не освободилъ васъ отъ печальныхъ, тяжелыхъ и даже страшныхъ случайностей жизни; но противъ всего этого Я вооружилъ ваши души.»

Добрый человѣкъ есть не только ученикъ Божій, слуга Божій, но и сынъ Божій. Этотъ высочайшій Отецъ строго воспитываетъ его, сдерживаетъ его суровою наукою, испытываетъ, укрѣпляетъ, образовываетъ его для Себя. Богъ имѣетъ истинно отеческую любовь къ добрымъ; Онъ возбуждаетъ ихъ къ труду, Онъ не позволяетъ имъ малѣйшей лѣности, Онъ требуетъ отъ нихъ усердія, Онъ заставляетъ проливать слезы, Онъ любитъ ихъ любовію полною величія и славы.

ГЛАВА II.

О необходимости и пользѣ просвѣщенія.

Каждому животному дано отъ природы желаніе самосохраненія, желаніе защищать тѣло и жизнь, избѣгать всего, что ему кажется вреднымъ, и пріобрѣтать себѣ все необходимое для существованія. Но изслѣдованіе и изъисканіе истины свойственны человѣку, который одинъ надѣленъ разумомъ, и души наши естественно ощущаютъ ненасытное желаніе познавать истину. Такимъ образомъ, когда мы свободны отъ дѣлъ и заботъ, мы желаемъ видѣть, слышать, узнавать что либо, и мы смотримъ на познаніе тайнъ и чудесъ природы, какъ на необходимость для счастія жизни; отличиться въ наукѣ намъ кажется чѣмъ-то прекраснымъ, оставаться въ невѣдѣніи, заблуждаться и быть обманутымъ мы считаемъ гибельнымъ и постыднымъ.

Великое дѣло, когда сама душа разсматриваетъ душу, и безъ сомнѣнія таковъ былъ смыслъ оракула Аполлонова, когда онъ давалъ слѣдующее наставленіе: *чтобы каждый познавалъ себя.* Говоря: *познай себя*, оракулъ хотѣлъ сказать: *познай свою душу.* Тѣло есть, такъ сказать, сосудъ и нѣкоторымъ образомъ пріемникъ души. Впрочемъ это великое правило: *познай себя самого* назначено не для того только, чтобъ унизить гордость человѣка; но оно также имѣетъ цѣлію заставить его оцѣнить преимущества, которыми онъ обладаетъ.

Въ самыхъ вещахъ, составляющихъ предметъ нашихъ изученій и познаній, есть нѣкоторая прелесть,

побуждающая насъ изучать ихъ. Часто видимъ, что люди, преданные наукамъ и искусствамъ, совершенно пренебрегаютъ для нихъ своимъ здоровьемъ, своими дѣлами, и цѣною огромныхъ трудовъ покупаютъ счастіе ученія.

Созерцаніе природы есть нѣкотораго рода естественная пища души и генія; уже одно изслѣдованіе великихъ предметовъ и сокровенныхъ вещей доставляетъ своего рода наслажденіе.

Даже и тогда, когда бы изученіе наукъ и свободныхъ искусствъ не доставляло всѣхъ преимуществъ, для которыхъ оно служитъ источникомъ, и еслибы въ этомъ изученіи искали одного только удовольствія, то и на такое отдохновеніе души нужно смотрѣть какъ на достойное благороднаго человѣка; другія услажденія существуютъ не во всякое время, не во всякомъ возрастѣ и не вездѣ, а это занятіе напротивъ питаетъ юность, услаждаетъ старость, украшаетъ счастіе, помогаетъ и утѣшаетъ въ несчастіи, доставляетъ удовольствіе дома, не мѣшаетъ внѣ дома, бодрствуетъ, слѣдуетъ за нами всюду, живетъ съ нами въ сельскомъ уединеніи. (*)

Посвящайте ваше время ученію, и вы избѣжите всякой скуки, всякаго отвращенія отъ жизни; вы не будете въ тягость себѣ, не будете безполезны другимъ.

Мы видимъ, что науки и искусства не только укра-

(*) Это превосходно выражено знаменитымъ нашимъ поэтомъ Ломоносовымъ въ стихахъ его:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ, и проч. Прим. переводч.

шаютъ счастливую жизнь, но облегчаютъ всякаго рода несчастія, уменьшаютъ и утѣшаютъ горесть изгнанія, темницы, или плѣна у враговъ.

Ученіе удивительнымъ образомъ способствуетъ къ возвышенію счастія, равно какъ и къ облегченію несчастія. Оно въ одно и то же время есть и лучшее украшеніе и величайшее утѣшеніе человѣка.

Жажда знанія доводитъ людей необыкновенныхъ до великихъ созерцаній; тѣ же, которые останавливаются на изученіи суетныхъ наукъ, трудятся много, но ничего не производятъ.

Стыдно заниматься утомительными пустяками, и безсмысленъ тотъ трудъ, который работаетъ надъ нелѣпостями.

Еслибы даже человѣкъ былъ увѣренъ въ продолжительности жизни, онъ расчетливо долженъ пользоваться временемъ, чтобы его доставало на дѣла необходимыя. Итакъ какое безразсудство, при недостаткѣ времени, развлекаться безполезными предметами.

Природа не столько расточила для насъ времени, чтобы намъ позволено было что нибудь терять изъ него, и посмотрите однакоже, сколько расточаютъ его люди самые дѣятельные. Можно ли находить удовольствіе въ тратѣ на пустые предметы большей части времени столь краткаго и такъ быстро уносящаго насъ.

Нѣтъ ничего такого, чего бы не преодолѣлъ упорный трудъ, серіозное вниманіе и устойчивое рвеніе.

Поле отъ природы плодоносное, но невоздѣланное, ничего не можетъ принесть: то же самое бываетъ и съ умомъ, если онъ не развитъ наукою.

Истинное образованіе души есть философія, которая совершенно искореняетъ пороки, приготовляетъ души къ воспріятію добраго сѣмени и влагаетъ въ нихъ начала, способныя принесть въ послѣдствіи самые обильные плоды.

Ежели охотно трудятся въ продолженіи многихъ лѣтъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ грамматикомъ, искуснымъ риторомъ, ученымъ математикомъ, великимъ врачемъ; то не стыдно ли въ теченіе такого долгаго времени не употребить ни малѣйшаго усилія, чтобъ сдѣлаться добрымъ человѣкомъ?

ГЛАВА III.

Объ истинныхъ благахъ.

Аристиппъ, ученикъ Сократа, потерпѣлъ кораблекрушеніе у родосскаго берега, и потерялъ все. Онъ пошелъ въ гимназію, сталъ разсуждать о философіи, и имѣлъ многочисленныхъ слушателей, которые осыпали его подарками; скоро онъ самъ былъ въ состояніи доставить всѣ предметы необходимости самому себѣ и своимъ сообщникамъ въ несчастіи. Они же, приготовляясь къ возвращенію на свою сторону, спрашивали его, что поручитъ онъ имъ сказать своимъ согражданамъ? «Скажите отцамъ семействъ, отвѣчалъ онъ, чтобы они давали своимъ дѣтямъ блага, которыя могли бы спастись вмѣстѣ съ ними, еслибы имъ случилось подвергнуться кораблекрушенію.»

Истинныя блага суть тѣ, которымъ не могутъ вредить

ни жестокости судьбы, ни возмущенія въ государствахъ, ни опустошенія войны.

Ѳеофрастъ, убѣждая людей лучше запасаться познаніями чѣмъ ввѣряться счастію, любилъ повторять, что человѣкъ ученый по высокому преимуществу не бываетъ чужестранцемъ внѣ своего отечества, ни лишеннымъ друзей послѣ потери самыхъ искреннихъ, что его принимаютъ какъ гражданина во всѣхъ городахъ, и что онъ можетъ презирать всѣ удары судьбы.

Фортуна чрезвычайно легко отнимаетъ у людей дары, которые она же дала имъ; образованіе однажды водворенное въ душѣ не погибаетъ никогда и пребываетъ до самаго конца жизни.

Если кто-нибудь посвятилъ свое сердце добродѣтели и слѣдуетъ за нею повсюду, куда она его зоветъ; если онъ понимая, что онъ есть существо общительное, сотворенное для общественнаго блага, смотритъ на міръ какъ на семейный домъ всѣхъ людей; если онъ живетъ всегда такъ какъ въ обществѣ; если онъ знаетъ, что нѣтъ зла, кромѣ того что безчестно, и добра кромѣ честнаго; если онъ сообразуетъ и измѣряетъ всѣ свои дѣйствія по этимъ правиламъ; если онъ смотритъ, какъ на самыхъ несчастныхъ изъ смертныхъ, на людей преданныхъ своимъ страстямъ, каковъ бы ни былъ блескъ, бросаемый на нихъ фортуною, на людей, духъ которыхъ погружается въ тупое бездѣйствіе; если онъ мыслитъ и дѣйствуетъ послѣдовательно: то онъ имѣетъ знаніе совершенное, знаніе полезное, знаніе необходимое; все прочее годится только, чтобъ занимать наши досуги.

Философъ Стильпонъ лишился при осадѣ Мегары всего, что онъ имѣлъ. Онъ сказалъ однакоже: «я не потерялъ ничего; все что было моимъ и теперь со мною». Это значитъ, что онъ имѣлъ у себя истинныя блага—тѣ, на которыя врагъ не можетъ простирать руки, т. е. знаніе и добродѣтель. Такимъ образомъ среди сверкавшихъ мечей и домовъ, обрушавшихся со всѣхъ сторонъ, онъ одинъ пребывалъ въ мирѣ.

Мудрецъ не позволяетъ себѣ увлекаться счастіемъ, ни упадать въ несчастіи.

Будьте твердыми и мужественными въ несчастіяхъ; они колеблютъ только того, кого успѣхи довели до упоенья неразумною радостію.

Если вы видите человѣка добраго, то вѣрьте, что онъ былъ несчастливъ.

«Несчастливъ только тотъ, сказалъ Віасъ, кто не умѣетъ переносить несчастія». Люди, съ твердостію переносящіе бѣдствія, которыя поражаютъ другихъ людей, обращаютъ самыя несчастія въ славу. Ничто не внушаетъ намъ истиннаго удивленія, какъ видъ человѣка добраго въ несчастіи.

Фортуна отнимаетъ только то, что она сама дала; она не имѣетъ вліянія на добродѣтель.

«Я всегда думалъ, сказалъ Сенека, что нѣтъ истиннаго добра въ томъ, къ чему стремится большинство людей, и я это испыталъ. То же можно сказать и о такъ называемыхъ бѣдствіяхъ жизни; я не нашелъ въ нихъ ничего столько жестокаго и ужаснаго, какъ нѣкоторые представляютъ себѣ».

Мудрый никогда ни думаетъ, что онъ долженъ же-

лать, и полагать въ числѣ благъ почести, удовольствія, богатства и всѣ тѣ наслажденія, которыя плѣняютъ большую часть людей; это такъ истинно, что утѣшающіеся такого рода предметами безпрестанно волнуются желаніемъ приращенія ихъ и страхомъ потери, и обыкновенно случается, что злые обладаютъ ими въ ущербъ добрымъ.

Въ духѣ мудраго разумъ имѣетъ преимущество передъ мнѣніемъ толпы. Все, что есть драгоцѣннаго на поверхности земли и въ ея нѣдрахъ, не имѣетъ никакой цѣны въ сравненіи съ добродѣтелью. Добродѣтельные люди всегда должны имѣть въ сердцѣ и на устахъ это слово Солона: *другимъ богатства, а намъ добродѣтель.*

Ничто несправедливое не нужно, ничто безчестное не полезно.

Нѣтъ ничего столько драгоцѣннаго и столько величественнаго, что расположило бы добраго человѣка уклониться отъ своего долга и нарушить справедливость и добросовѣстность. Грѣшить всегда безчестно, слѣдовательно всегда не полезно. Прибыль и дурная слава истинный вредъ.

Болѣзнь искажаетъ красоту лица, но красота души продолжается столько же, какъ и жизнь.

ГЛАВА IV.

Объ отвращеніи и удаленіи отъ грѣха.

Убѣдимся, что мы должны запрещать себѣ всякое

корыстолюбіе, всякую несправедливость, всякую безпорядочную страсть, хотя бы и можно было скрыть это отъ Бога и отъ людей.

«На мой взглядъ, сказалъ Эліанъ, злой не только тотъ, кто сдѣлалъ несправедливость, но еще и тотъ, кто имѣлъ намѣреніе ее сдѣлать.»

Можно быть виновнымъ, не сдѣлавши никакого злаго дѣла. Преступленія совершаются, по злобному свойству ихъ, прежде даже чѣмъ самое зло бываетъ содѣлано.

Разбойникъ прежде чѣмъ запятнаетъ свою руку, есть уже разбойникъ. Дѣйствіе обнаруживаетъ зло, но не служитъ ему началомъ.

Добрый и злой различаются не только дѣлами, но и волею.

Добрый человѣкъ не тотъ, кто не дѣлаетъ зла, но тотъ, кто не хочетъ его дѣлать.

Богъ наказываетъ волю грѣховную; въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, задумавшій преступленіе и рѣшившійся на него въ сердцѣ своемъ, также виновенъ, какъ бы онъ совершилъ уже преступленіе. Справедливость осуждаетъ даже простое желаніе чужаго добра. Кто хочетъ повиноваться природѣ, этому великому закону Божескому и человѣческому, тотъ никогда не позволитъ себѣ желать принадлежащаго другимъ.

Несправедливо поступаютъ не только тогда, когда дѣлаютъ несправедливость, но и когда только думаютъ ее сдѣлать.

Желать прелюбодѣянія значитъ быть прелюбодѣемъ. Какъ человѣкъ, желающій быть другомъ Божіимъ, мо-

жетъ предаваться неправеднымъ желаніямъ и безчестнымъ мыслямъ!

Добрый человѣкъ не осмѣлится ничего сдѣлать, ни даже помыслить такого, чего бы онъ не могъ дѣлать открытымъ образомъ и въ виду всѣхъ.

Мудрое правило тѣхъ, которые запрещаютъ дѣйствовать, когда сомнѣваются, справедливо ли дѣйствіе, или несправедливо.

Въ сомнѣніи удерживайся.

Стыдно не только цѣнить полезное выше честнаго, но и сравнивать честность и пользу и колебаться въ выборѣ.

Будемъ считать злодѣями и нечистивыми людей выбирающихъ, поступать ли имъ добродѣтельно, или предаться пороку: одно сомнѣніе, одинъ выборъ составляютъ уже преступленіе, даже и тогда какъ дѣйствіе еще не послѣдовало. Не должно колебаться тамъ, гдѣ самое колебаніе постыдно.

Дѣйствіе не будетъ правымъ, если воля не права; потому что отъ воли зависитъ дѣйствіе, и воля не будетъ права, если не права настроенность души, потому что отъ этой настроенности души зависитъ воля.

Не будемъ называть справедливымъ того, кто не сдѣлалъ несправедливости, но того, кто имѣя возможность совершить ее безнаказанно, удержался, потому что хотѣлъ удержаться.

Должно удерживаться отъ грѣха не по страху, но по долгу.

Нѣкоторые мало безпокоятся о томъ, по страху ли они повинуются законамъ, или съ полною охотою; но

это значить унижаться до состоянія дикихъ звѣрей, которые также не нападаютъ на стадо, когда видятъ людей и собакъ, стерегущихъ его.

Мы не назовемъ добродѣтельными тѣхъ, которые не рѣшаются сдѣлать зло по страху законовъ, или суда; ибо чего не сдѣлаетъ человѣкъ въ тайнѣ, который не боится ничего другаго кромѣ судьи и свидѣтеля!

Страхъ худой учитель обязанности. Вѣрно однако же то, что если страхъ безчестія и наказаній не дастъ невинности, онъ можетъ по крайней мѣрѣ довесть человѣка, котораго онъ отвращаетъ отъ преступленія до того, что человѣкъ дѣлается наконецъ добродѣтельнымъ. Удалившись отъ зла, онъ привыкаетъ мало-по-малу повиноваться законамъ Божескимъ и человѣческимъ, которые предписываютъ намъ укрощать страсти наши, подавлять наши похоти, и, оберегая все свое, сохранить наши умы, наши глаза и наши руки чистыми отъ чужаго добра.

Мы должны убѣгать, сколько можно, отъ всего, что способно возбуждать пороки; мы должны укрѣплять нашу душу и отводить ее отъ приманокъ сластолюбія, и вести безпрерывную вражду со страстями, дѣйствовать во всѣхъ обстоятельствахъ съ силою и твердостію; ничего не уступать нѣгѣ, и наконецъ избрать для нашего постояннаго пребыванія жилище здоровое для тѣла, но здоровое также и для нравовъ.

Слишкомъ мягкая атмосфера разслабляетъ души; мѣсто болѣе степенное, ученіе болѣе суровое укрѣпляютъ духъ и располагаютъ къ благороднымъ усиліямъ.

Избѣгайте толпы: никогда не сходятся съ ней безъ

опасности. Постоянное обращеніе съ людьми намъ вредно; каждый изъ нихъ напечатлѣваетъ въ насъ, или хвалитъ намъ какой-нибудь порокъ, и опасность возрастаетъ, по мѣрѣ того какъ возрастаетъ толпа.

Должно отстранять отъ толпы сердце слишкомъ слабое и слишкомъ мало увѣренное въ своей преданности правдѣ; но легко переходятъ на сторону большинства. Хорошо не мѣшаться съ людьми различныхъ вкусовъ и стремленій. Подобное сообщество могло бы поколебать души Сократа, Катона, Лелія: такъ трудно, даже и для привыкшихъ владѣть своимъ духомъ, сдерживать натискъ пороковъ, которые нападаютъ толпой.

Одинъ примѣръ худыхъ нравовъ, или корыстолюбія дѣлаетъ много зла; даже одинъ другъ преданный нѣгѣ мало-по-малу отупляетъ и разслабляетъ насъ; одинъ богатый сосѣдъ возбуждаетъ жадность: и такъ чтожь, если нападеніе будетъ живо, открыто и безпрерывно? Отдѣлитесь отъ толпы, сколько это возможно для васъ; услаждайтесь въ сообществѣ съ тѣмъ, кто васъ дѣлаетъ лучшимъ; принимайте къ себѣ тѣхъ, кого вы сами можете усовершить. Здѣсь есть нѣкоторая взаимность, и учить, значитъ учиться.

Испытаніе совѣсти. Каждодневно нужно вызывать на судъ нашу душу, чтобы давать себѣ отчетъ; это дѣлалъ Катонъ. По окончаніи дня, когда онъ ложился въ постель, подвергалъ свою душу допросу: «отъ какого недостатка ты нынѣ избавилась? какую худую склонность ты преодолѣла? въ чемъ ты улучшилась?» Безъ сомнѣнія нѣтъ ничего похвальнѣе, какъ такимъ образомъ проходить въ памяти свой день. Какой сонъ

слѣдуетъ за такимъ испытаніемъ! какъ онъ покоенъ, глубокъ и легокъ, когда душа получила похвалу или одобреніе, когда тайный стражъ и блюститель собственныхъ своихъ поступковъ нѣкоторымъ образомъ производитъ слѣдствіе надъ самимъ собою! «Эту силу, говоритъ Цицеронъ, я всякій день упражняю надъ собою; я становлюсь для себя обвинителемъ и судьею. Когда свѣча моя угаснетъ, я обращаюсь къ обозрѣнію всего моего дня; я пересматриваю всѣ мои слова и дѣйствія; не скрываю отъ себя и не прощаю себѣ ничего. И къ чему бы я сталъ извинять себя въ какомъ-нибудь изъ моихъ проступковъ, когда могу сказать себѣ: берегись, чтобы опять не впасть въ него; я тебѣ прощаю на этотъ разъ: ты показалъ слишкомъ много горячности въ этомъ спорѣ. Отнынѣ избѣгай состязаній съ невѣждами: кто никогда ничего себѣ не усвоивалъ, тотъ ничему не хочетъ и научиться. Такого человѣка ты поправилъ съ излишнею свободою; вмѣсто того чтобы исправить, ты оскорбилъ его. Отселѣ помышляй не только о томъ, истинно ли то, что ты говоришь, но и о томъ, можетъ ли вынести истину тотъ человѣкъ, которому ты ее сказалъ».

ГЛАВА V.

Объ умѣренности въ желаніяхъ.

Во всѣхъ предметахъ обращайте вниманіе на цѣль, и вы предохраните себя отъ излишняго.

Я не говорю, чтобы вы отказывали природѣ въ томъ,

чего она требуетъ, но чтобы вы не считали необходимымъ того, что выходитъ изъ предѣловъ дѣйствительной потребности.

Если я чувствую голодъ, то надобно ѣсть; но пища моя будетъ ли болѣе или менѣе вкусна, природа объ этомъ не безпокоится: она хочетъ не того, чтобы удовлетворялись прихоти желудка, но чтобы онъ былъ насыщенъ. Когда я чувствую жажду, нужно пить; но будетъ ли эта вода взята изъ сосѣдняго озера, или она была заключена и охлаждена въ снѣгѣ или во льду, природа объ этомъ не заботится: все требованіе ея состоитъ въ утоленіи жажды; также мало нужды до того, пью ли я изъ золотой чаши или изъ горсти.

Не только полезно, но и необходимо привыкать жить малымъ. Сами богачи и имѣющіе во всемъ изобиліе подлежатъ временнымъ и мѣстнымъ затрудненіямъ. Никто не можетъ имѣть всего, чего онъ желаетъ, и во власти каждаго охотно обходиться безъ того, чего онъ не имѣетъ, и съ удовольствіемъ пользоваться тѣмъ, что у него подъ рукою.

Для алчности мало всего, но природа довольствуется малымъ. То, чего желаетъ природа, легко пріобрѣтается, и что достаточно для нее, то доступно всѣмъ; но нужно много трудиться для излишняго. Тѣло имѣетъ весьма ограниченныя желанія: все же, чего ищутъ сверхъ этого принадлежитъ страсти, а не дѣйствительной необходимости. Нѣтъ никакой необходимости опускаться въ глубину морей, убивать цѣлую толпу животныхъ для своего желудка, выкапывать раковинныхъ животныхъ изъ отдаленныхъ береговъ. Стыдъ и горе людямъ, роскошь

которыхъ переходитъ за границы римской имперіи, и собираетъ яства со всѣхъ странъ для удовлетворенія жадности, презирая все, что только извѣстно! Несчастны люди, у которыхъ вкусъ чувствителенъ не къ той пищѣ, какая пріятнѣе, а къ болѣе рѣдкой, добываемой съ трудомъ, и которые имѣя возможность утолить свой голодъ за дешевую цѣну, лишь возбуждаютъ его такимъ образомъ, дѣлая большія издержки.

Трудно надлежащимъ образомъ служить духу, когда тѣло обременено и пищею и питьемъ.

Учитель Платона, Сократъ, пригласилъ нѣсколькихъ богатыхъ людей на ужинъ. Ксантиппа жена его стыдилась слишкомъ скромнаго стола, который она могла предложить имъ. «Будь покойна, сказалъ философъ: если эти люди добродѣтельны и воздержны, то они легутѣшатся; если они злы и любители роскошныхъ столовъ, то нестоитъ объ нихъ и безпокоиться

ГЛАВА VI.

О презрѣніи страданія и смерти.

Сила души должна по преимуществу служить намъ къ презрѣнію страданія и смерти. При этомъ двойномъ условіи мы будемъ людьми добродѣтельными и мужественными.

Мы должны съ самой юности привыкать къ этому презрѣнію смерти; потому что необходимо нужно будетъ умереть, и можетъ быть даже сегодня. Бояться же

неизбѣжнаго, значило бы осудить себя на жизнь въ постоянномъ безпокойствѣ.

Смертные, мы во всякое время близки къ смерти. Человѣку на время дана жизнь, а не навсегда.

Многіе ненасытимые жизнію, какъ и всѣми другими благами, негодуютъ, когда видятъ, что они сами, близкіе имъ и прочіе люди, отходятъ изъ міра, куда всѣ были допущены только на время; но это безразсудно. Вся жизнь есть не что иное, какъ путь къ смерти. Смерть необходима, не будемъ же ее бояться; (*) часъ неизвѣстенъ, будемъ же ожидать ее каждую минуту.

Мудрый не страшится смерти, которую тысяча случаевъ могутъ нанести каждый день, и которая, по обыкновенной мѣрѣ жизни, никогда не можетъ быть очень отдалена. Природа предоставила намъ пользоваться жизнію, какъ и деньгами, безъ опредѣленнаго срока. Такъ какъ же мы будемъ жаловаться, если она потребуетъ ее назадъ, когда захочетъ, и если мы получили ее на этомъ условіи?

На берегахъ рѣки Гипаниса, впадающей въ Черное море, по свидѣтельству Аристотеля, раждались маленькія животныя, которыя жили только одинъ день; тѣ изъ нихъ, которыя умирали въ осьмомъ часу дня, умирали старыми, а которыя умирали при захожденіи солнца, умирали дряхлыми. Сравнимъ наше болѣе продолжи-

---

(*) Есть болѣе основательныя причины не страшиться смерти, и съ другой стороны нѣкоторый страхъ смерти благоразуменъ и справедливъ. Въ христіанской нравственности оба эти понятія совершенно согласуются. (Это будетъ видно въ соотвѣтствующей главѣ второй части сего сочиненія.)

тельное существованіе съ вѣчностію, и мы найдемъ его еще болѣе краткимъ, чѣмъ существованіе этихъ насѣкомыхъ.

Будемъ пренебрегать всѣми суетами, и поставимъ наше счастіе въ силѣ и величіи души, въ презрѣніи всѣхъ вещей человѣческихъ и самой смерти. Но теперь мы такъ разслаблены, малодушны мыслями, что если смерть приходитъ раньше, чѣмъ мы ожидаемъ ее, мы думаемъ, что лишаемся великаго блага; и однакоже, если вѣрно то, что въ продолженіе цѣлой жизни мы постоянно колеблемся, возмущаемся и терзаемся надеждою, желаніемъ и страхомъ, съ какою радостію мы должны бы слѣдовать по тому пути, при концѣ котораго не будетъ у насъ болѣе ни заботъ, ни печалей!

Самый несвѣдующій человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ умереть въ извѣстное время, и однакоже когда часъ его приходитъ, онъ колеблется, страшится, плачетъ. Не сочтете ли вы самымъ безсмысленнымъ того человѣка, который бы огорчался тѣмъ, что онъ не жилъ тысячи лѣтъ тому назадъ? Не менѣе безуменъ и тотъ, кто печалится, что онъ не проживетъ тысячи лѣтъ отъ сего времени. То и другое время намъ чуждо: вы не существовали, вы не будете существовать. О чемъ же плакать? вы идете туда, куда стремятся всѣ вещи (*).

Всякій подлежитъ смерти. Не много ранѣе, или не много позднѣе мы спѣшимъ къ нашему общему жи-

---

(*) Мы думаемъ, что это холодное уподобленіе со всѣми вещами покажется неудовлетворительнымъ нашимъ молодымъ читателямъ, привыкшимъ питать безсмертныя надежды. Впрочемъ мы сейчасъ услышимъ слова Цицерона болѣе утѣшительныя, нежели мысли

лицу: мы всѣ стремимся къ нему; смерть призываетъ всѣхъ насъ подъ свои суровые законы.

Законъ, опредѣляющій родиться и умереть, есть законъ всеобщій: вы рождены подъ этимъ закономъ; тотъ же законъ существовалъ для вашего отца, для вашей матери, для вашихъ предковъ и для всѣхъ вашихъ предшественниковъ; онъ будетъ существовать также и для тѣхъ, которые будутъ слѣдовать за вами. Послѣ васъ, вмѣстѣ съ вами, какое неизчислимое множество существъ назначено къ смерти! Въ сію самую минуту, когда вы не рѣшаетесь умереть, тысячу людей и животныхъ подпадаютъ различнымъ родамъ смерти. Жизнь есть роль; не то важно, длинна ли она, но хорошо ли она была выполнена.

Каждый долженъ быть доволенъ временемъ, даннымъ ему для жизни. Это время коротко, но оно довольно продолжительно для жизни честной и добродѣтельной. Каждому опредѣленъ его день; для всѣхъ время жизни коротко и невозвратно. Обезпечить себѣ своими дѣлами долгую память, вотъ дѣло добродѣтели (*). Большая часть людей жалуется на природу, что она стѣснила жизнь такими узкими предѣлами. Но мы нуждаясь во времени, расточаемъ его, не употребляемъ

Сенеки. Но здѣсь именно видно торжество религіи: она знаетъ и утверждаетъ тамъ, гдѣ философъ предполагаетъ и сомнѣвается. Религія также принимаетъ и презираетъ смерть въ твердой увѣренности, что за нею ей будетъ возвращена истинная жизнь.

(*) Очевидно, что, по христіянскому понятію, добродѣтели предстоитъ лучшая задача. Долгая память между людей имѣетъ свою цѣну, но сего не достаточно.

его на предметы истинно полезные, и позволяемъ протекать ему въ роскоши и праздности. Какъ великія сокровища расточаются въ одну минуту, когда поступаютъ въ руки худыхъ владѣльцевъ, тогда какъ умѣренныя блага бываютъ достаточны и еще умножаются въ рукахъ человѣка умнаго; также и жизнь продолжительна, если вы умѣете ею пользоваться, и тѣ только умѣютъ ею пользоваться, которые упражняются въ мудрости. Хорошо не то, чтобы жить, но жить добродѣтельно. Не будемъ заботиться о томъ, долго ли мы проживемъ, но чтобъ прожить хорошо.

Жизнь продолжительна, если она полна. Къ чему послужитъ человѣку восемьдесять лѣтъ, истраченныхъ безполезно? Не будемъ измѣрять жизнь временемъ, но добрыми и мудрыми дѣлами. Похвалимъ и провозгласимъ счастливымъ человѣка, хорошо употребившаго прожитое имъ время, какъ бы коротко оно ни было.

Вѣрное средство къ ожиданію смерти съ больщимъ спокойствіемъ состоитъ въ томъ, чтобъ быть въ состояніи, при концѣ жизни, утѣшаться воспоминаніемъ своихъ добрыхъ дѣлъ. Кто исполнилъ обязанности добродѣтели, тотъ долго жилъ.

Сократъ, несправедливо приговоренный выпить цикуту, приближался къ своему послѣднему дню, и, держа почти въ рукахъ роковое питье, разсуждалъ съ своими друзьями такъ спокойно, что скорѣе можно было подумать, что онъ восходитъ къ небесамъ, нежели что онъ приговоренъ къ насильственной смерти. Два пути, говорилъ онъ, открываются душамъ, выходящимъ изъ тѣлъ: осквернившія себя пороками вступаютъ на путь,

удаляющій ихъ отъ Бога; напротивъ легкой доступъ къ Нему находятъ, сохранявшія себя въ цѣломудріи и чистотѣ, и въ смертныхъ тѣлахъ проводившія жизнь божественную.

Великія души не находятъ удовольствія въ томъ, чтобы пребывать въ своихъ тѣлахъ; онѣ съ трудомъ выносятъ эту тѣсную темницу; онѣ стремятся и горятъ желаніемъ выйдти изъ нея.

Возбуждаемые примѣромъ мужественно встрѣтившихъ смерть, начнемъ наконецъ желать ее, или, покрайней мѣрѣ, перестанемъ ее бояться. Такъ какъ этотъ послѣдній день не влечетъ за собою уничтоженія нашей души, но только перемѣну мѣста; то что вожделѣннѣе этого? Итакъ если не ожиданно случится какое-нибудь обстоятельство, которымъ Богъ возвѣстилъ намъ, что мы должны отойдти отъ жизни; то съ радостію и благодарностію поспѣшимъ покориться этому: подумаемъ, что мы освобождаемся изъ темницы и облегчаемся отъ цѣпей, чтобы возвратиться въ наше вѣчное и истинное жилище. Будемъ смотрѣть на смерть, какъ на пристань и какъ на убѣжище.

Мудрецъ переноситъ смерть, болѣзни и всѣ случайности, угрожающія человѣческой жизни не только терпѣливо, но и съ радостію, чтобы сообразоваться съ законами природы; такъ какъ хорошій воинъ переноситъ раны, и пронзенный стрѣлами, въ минуту послѣдняго издыханія, не менѣе любитъ полководца, за котораго онъ умираетъ. Мудрый всегда представляетъ въ своемъ умѣ это дре нее правило: *послѣдуемъ Богу.*

Всѣ согласны въ томъ, что человѣкъ мужественный

терпѣливо долженъ переносить страданія и что стыдно бояться ихъ и падать подъ ними. Мы должны наблюдать за собою. чтобы не дѣлать ничего низкаго, малодушнаго, слабаго и робкаго. Скорбѣть позволительно мужу, а чрезмѣрно сокрушаться не позволительно даже женщинѣ.

Мы перенесемъ страданіе съ большимъ спокойствіемъ, если подумаемъ, какъ славно это терпѣніе; такъ какъ мы естественно склонны къ исканію славы и готовы все дѣлать и все терпѣть, чтобы достигнуть ее. Отсюда мужество и рѣшимость презирать опасность въ сраженіяхъ. На полѣ битвы люди храбрые не чувствуютъ ранъ, или если и чувствуютъ ихъ, то предпочитаютъ лучше умереть, нежели уклониться отъ выполненія того. чего требуетъ честь.

Кажется, что страданіе есть самый страшный врагъ добродѣтели; оно угрожаетъ ей, оно преслѣдуетъ ее своими острыми стрѣлами. Но должна ли добродѣтель быть побѣжденной? О стыдъ! Не видѣли ли мы, какъ спартанскіе юноши давали себя терзать розгами, и не испуская ни одного вздоха, покрытые ударами и язвами, рѣшались лучше умереть, чѣмъ признать себя побѣжденными! И на Востокѣ, индѣйскіе философы въ обнаженномъ видѣ терпѣли снѣга Кавказа, или спокойно умирали среди пламени; женщины, по смерти ихъ мужей, разсуждали между собою о томъ, которая изъ нихъ была самою любимою, и таковая, счастливая и гордая своимъ торжествомъ, восходила на костеръ, чтобы быть сожженной вмѣстѣ съ своимъ

супругомъ. А сколько сильнѣе основаніе, по которому человѣкъ мудрый и добродѣтельный долженъ пренебрегать страданіями! Привычка имѣетъ великую силу; она научаетъ переносить утомленіе, презирать раны, страданія. Охотники проводятъ ночи на горахъ и среди снѣговъ; борцы, совершенно избитые ударами цеста, не издаютъ ни одного стона. Гладіаторы, люди низкіе и грубые, привыкаютъ къ страшнымъ страданіямъ. Какъ! послѣдніе изъ людей въ состояніи будутъ представить такіе примѣры, а человѣкъ, рожденный для чести и славы, не воспользуется религіею и разумомъ, чтобы укрѣпить свою душу противъ страданія!

Терпѣніе должно являться одинаково во всякомъ родѣ страданій; но многіе, по любви къ славѣ или въ защиту своего права и свободы, умѣли принимать раны и мужественно терпѣть ихъ, и не могутъ выносить страданія въ болѣзни! Это значитъ, что они были терпѣливы въ другихъ скорбяхъ, изъ гордости или изъ интереса, а не по разуму и мудрости. Но равенство души самой себѣ можетъ происходить только отъ разума. Такъ мы видимъ, что дикари храбро сражаются, а не умѣютъ быть больными съ твердостію. Кимвры и Кельтоберійцы съ радостію бѣгутъ на битву, а плачутъ въ болѣзни.

Терпѣніе есть врачество для всѣхъ болѣзней; терпѣніе есть убѣжище отъ всѣхъ бѣдствій. Ничто такъ не противоположно душевному міру, какъ безсиліе въ страданіи. Итакъ постараемся быть, сколько можно, менѣе чувствительными къ скорбямъ всякаго рода и на-

ходить добрую сторону въ обстоятельствахъ самыхъ тяжелыхъ.

Смотрите на страданіе другихъ, и вы съ большимъ терпѣніемъ будете переносить ваши собственныя.

Солонъ, видя одного изъ своихъ друзей въ отчаяніи, привелъ его въ аѳинскую крѣпость, и предложилъ ему окинуть взглядомъ все зданіе, размѣщенное ниже его. «Теперь, сказалъ онъ, вообрази, сколько болѣзней жило подъ этими кровлями, сколько ихъ живетъ еще, и сколько будетъ жить въ вѣка послѣдующіе, и перестанешь плакать о страданіяхъ общихъ всѣмъ смертнымъ, какъ будто бы ты одинъ имъ подвергаешься.»

Этотъ же философъ говорилъ, что если бы всѣ люди собрали свои бѣдствія въ одно мѣсто, то каждый лучше захотѣлъ бы свои бѣдствія отнести назадъ въ домъ свой, чѣмъ участвовать въ общемъ бѣдствіи; отсюда онъ заключалъ, что мы должны остерегаться думать, будто доставшееся намъ невыносимѣе того, что терпятъ другіе.

Нѣтъ страданія, которое бы время не ослабляло и не смягчало; но стыдно ожидать этого благодѣянія отъ времени и не предупреждать его философіею.

ГЛАВА VII.

О совѣсти и доброй славѣ (честномъ имени.)

Моя совѣсть для меня есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ всѣ сужденія человѣческія. Я цѣню выше всего то добро, которое дѣлается безъ тщеславія и безъ свидѣтелей;

лучшее поприще добродѣтели въ совѣсти. Эта внутренняя сила, побуждающая дѣлать добро и отвращаться отъ грѣха, не только древнѣе народовъ и городовъ, но современна Богу, покровительствующему и управляющему небомъ и землею. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдѣніе божественное не можетъ быть безъ разума, и разумъ божественный не можетъ быть безъ различія добра отъ зла.

Считайте себя счастливымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, когда вы живете въ вашемъ домѣ, также какъ въ обществѣ, когда ваши стѣны прикрываютъ, а не утаиваютъ васъ. Очень часто мы любимъ уединяться не для того, чтобы жить спокойно, но чтобы грѣшить скрытнѣе. Къ чему же, впрочемъ, служитъ то, что мы скрываемся и избѣгаемъ глазъ и ушей человѣческихъ? Худая совѣсть даже и въ уединеніи бываетъ безпокойна и взволнована, а добрая совѣсть готова встрѣтить взгляды всѣхъ. Если ваши дѣйствія честны, то пусть будутъ они извѣстны всѣмъ; если они постыдны, что пользы въ томъ, что ихъ никто не знаетъ, когда вы сами ихъ знаете? О! какъ вы жалки, если пренебрегаете этимъ свидѣтелемъ!

Совѣсть во всякомъ случаѣ имѣетъ великую силу, удаляя всякой страхъ отъ не имѣющаго упрекнуть себя въ чемъ нибудь, или представляя безпрестанно наказанія согрѣшившему. Худая совѣсть никогда не бываетъ покойна.

Жестокое раскаяніе—первый палачъ,
Вонзающій ножъ въ сердце виновнаго.

Можно въ продолженіе нѣкотораго времени быть въ безопасности за преступленіе, но увѣренности въ этой

безопасности быть не можетъ Первое и величайшее наказаніе грѣха въ самомъ грѣхѣ. Никакое преступленіе не бываетъ безнаказаннымъ даже и тогда, когда оно не преслѣдуется общественнымъ наказаніемъ, потому что наказаніе за преступленіе заключается въ самомъ преступленіи. Совѣсть бичуетъ худыя дѣла; всегда бояться, всегда тревожиться свойственно виновнымъ. Хорошая совѣсть ищетъ свѣта и взглядовъ, а дурная боится даже и тьмы.

Совѣсть должно поставлять выше общаго мнѣнія.

Вы хотите справедливости только вмѣстѣ съ славою; но это заблужденіе. Часто должны принимать справедливость съ безчестіемъ, и если вы благоразумны, то вы будете радоваться худой славѣ, пріобрѣтенной этой цѣною. Тотъ болѣе всего уважаетъ добродѣтель и болѣе всего преданъ ей, кто умѣетъ терять имя человѣка добраго, чтобы только не терять совѣсти.

Совершенный праведникъ тотъ, говорилъ Платонъ; кто стремится не казаться добрымъ, но быть такимъ иначе онъ будетъ почтенъ и вознагражденъ, и можно будетъ сомнѣваться, любитъ ли онъ праведность для нея самой, или ради пользы, какую она ему доставляетъ. Онъ долженъ быть лишенъ всего, кромѣ праведности; онъ не долженъ даже считаться праведникомъ между людьми; долженъ слыть нечестивцемъ и злодѣемъ и, какъ таковой, быть мученъ и распятъ, но сохраняя праведность до самой смерти (*).

(*) Ученый Аббатъ Флери привелъ въ рѣчи своей о шести первыхъ вѣкахъ Церкви сіе превосходное мѣсто изъ Платона, которое походитъ на пророчество.

Сократъ говорилъ, что короткій и вѣрный путь къ достиженію славы, это быть тѣмъ, чѣмъ желаешь казаться. Грубо ошибаются тѣ, которые думаютъ овладѣть прочною славой посредствомъ суетнаго чванства, посредствомъ ложной личины и лживыхъ словъ. Предметы ложные падаютъ, какъ скоропроходящіе цвѣты, и ничто суетное не можетъ быть долговѣчнымъ.

Воздержаніе есть добродѣтель, умѣряющая всѣ движенія души; она предохраняетъ отъ страсти, она предотвращаетъ отъ пустыхъ утѣхъ, она даетъ міръ сердцу, она обращаетъ насъ къ послѣдованію разуму въ его изысканіяхъ, или къ удаленію отъ предметовъ внѣшнихъ; она заключаетъ въ себѣ стыдливость, скромность, вѣрную мѣру всѣхъ вещей.

Душа человѣческая имѣетъ двѣ способности: въ ней есть желаніе, влекущее человѣка въ разныя направленія, другая способность—разумъ, научающій, что намъ должно дѣлать, и чего избѣгать. Нужно, чтобы разумъ повелѣвалъ, а желаніе повиновалось ему.

Въ сердцѣ каждаго человѣка естественно есть нѣчто вялое, слабое, низкое; если кто не имѣетъ ничего другаго, то, что можетъ быть ненавистнѣе человѣка! Но въ области болѣе возвышенной есть разумъ, правитель и царь, и власть его велика. Позаботимся, чтобы онъ управлялъ тою частію насъ самихъ, которая обязана повиноваться, и чтобы онъ повелѣвалъ ею, какъ господинъ рабомъ, полководецъ воиномъ, отецъ сыномъ.

Будемъ ходить во всю нашу жизнь подъ руководствомъ разума; онъ долженъ присутствовать при са-

мыхъ маловажныхъ, равно какъ и при великихъ предпріятіяхъ.

Всѣ движенія, возмущающія душу и отвергающія разумъ составляютъ препятствіе къ счастію. Должно называть счастливымъ только того, кто не смущается никакимъ страхомъ, и не поражается никакою скорбію, не возмущается никакою страстію, не увлекается никакою суетною утѣхой, не разслабляется никакимъ наслажденіемъ.

Какъ городъ или домъ не могутъ быть счастливыми, если мятежъ царствуетъ между гражданами, или не согласіе между правителями; такъ и человѣкъ, поражаемый и терзаемый тысячью противоположныхъ желаній, не можетъ ощущать въ себѣ никакого счастія.

Если тяжелыя болѣзни, поражающія тѣло, отнимаютъ у жизни то, что есть въ ней пріятнаго; то на сколько болѣе дѣлаютъ это болѣзни душевныя! Болѣзни же души суть: жажда богатства и славы, стремленіе къ господству и наслажденіямъ, печаль и унынie, надрывающія и отягчающія сердце.

Истинно счастливъ человѣкъ, знающій только одно благо-честь, одно зло-безчестіе, считающій настоящимъ наслажденіемъ презрѣніе чувственныхъ наслажденій, который, слѣдуя добродѣтели и довольствуясь своею участію, не позволяетъ себѣ ни увлекаться, ни поражаться обстоятельствами, который пользуется дарами фортуны, но не становится рабомъ ея. Такой человѣкъ непремѣнно наслаждается невозмутимою и всегда одинаковою радостію, постояннымъ спокойствіемъ и свободою, благородствомъ и миромъ души.

Всѣ хотятъ жить счастливо, но не всѣ понимаютъ въ чемъ состоитъ истинное счастіе. Посмотримъ прежде, чего мы должны желать, потомъ изслѣдуемъ, какъ легче можемъ этого достигнуть. Мы должны преимущественно остерегаться того, чтобы не слѣдовать безсмысленно за толпою, идущею передъ нами, направляющую насъ не туда, куда должно идти, но куда всѣ стремятся. Горе намъ, если мы живемъ не свѣтомъ разума, но только примѣромъ другихъ. Хваля то, что хвалитъ толпа, порицая, что она осуждаетъ, считая превосходнымъ то, что привлекаетъ къ себѣ больше похвалъ, мы погибаемъ отъ этого грубаго подражанія.

Единственный спасительный путь, это отдѣлиться отъ толпы. Что пользы слѣдовать за нею? Лучшее обыкновеніе не нравиться большинству: гдѣ толпа, тамъ и зло. Не будемъ увлекаться тѣмъ, что вошло въ обыкновеніе у многихъ, и чему сочувствуетъ большинство людей, это самый худшій судья истины, а поищемъ лучшаго, того, что можетъ сдѣлать насъ обладателями вѣчнаго блаженства.

ГЛАВА VIII.

О выборѣ состоянія.

Избраніе рода жизни есть самая трудная задача.

Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ возрастѣ, когда размышленіе еще такъ слабо, каждый предполагаетъ себѣ родъ жизни, единственно примѣняясь къ тому, что ему больше нравилось до того времени; такимъ образомъ онъ на-

ходить себя охваченнымъ затрудненіями того поприща, на которое онъ вступилъ, прежде нежели могъ обсудить что для него полезнѣе. Большая часть, руководствуясь примѣромъ своихъ родителей, слѣдуетъ родительскимъ обычаямъ. (*) Другіе же увлекаются сужденіемъ большинства и предпочитаютъ всему остальному то, что оно провозглашаетъ выгоднѣйшимъ Небольшое число, благодаря какой-нибудь счастливой встрѣчѣ, своему доброму природному настроенію, или разумному воспитанію, идетъ хорошей дорогою.

Въ подобномъ рѣшеніи каждый особенно долженъ принимать въ соображеніе свой характеръ, чтобы обезопасить себя противъ искушеній въ непостоянствѣ, и утвердить себя въ исполненіи всякаго рода обязанности; потомъ надобно разсмотрѣть и обстоятельства, могущія каждому повредить или содѣйствовать въ успѣхѣ. Итакъ каждый долженъ стараться хорошо узнать себя, строго обсудить свои недостатки и свои качества, и прилагать всѣ старанія къ тому занятію, къ которому онъ имѣетъ болѣе способностей; если случится, что обстоятельства осудили его на занятія не сродныя его склонностямъ, то онъ долженъ употребить всѣ свои усилія, мысли, изысканія, къ исполненію своихъ обязанностей, если не со славою, то по крайней мѣрѣ безъ упрека и стыда.

(*) Конечно желательно, чтобы обычаи родительскіе могли быть для дѣтей вѣрнымъ руководствомъ. Въ такихъ случаяхъ почтеніе къ родительскимъ обычаямъ не можетъ быть достаточно выхваляемо. Должно остерегаться, чтобъ не ослабить это благочестивое чувство.

Природа могла отказать вамъ въ дарованіяхъ необходимыхъ, чтобы идти по слѣдамъ вашихъ предковъ, защищая вдову и сироту, или воодушевляя согражданъ вашими рѣчами, или предводительствуя войсками; но она вознаградила васъ, давая вамъ способность являть на дѣлѣ справедливость, добросовѣстность, умѣренность, благородство, скромность; такія добродѣтели должны умѣрить ваши сожалѣнія.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ ДРУГИМЪ ЛЮДЯМЪ.

ГЛАВА I.

О любви къ справедливости.

Справедливость состоитъ въ твердой и постоянной заботливости о томъ, чтобы каждому отдавать должное.

Справедливость есть вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей; она блеститъ чуднымъ свѣтомъ, и придаетъ истинное значеніе людямъ добродѣтельнымъ.

Любовь къ справедливости должна быть великодушна и безкорыстна.

Справедливость сама въ себѣ находитъ награду. Не надобно стараться, чтобы справедливость ваша была извѣстна людямъ. Тотъ, кто добивается, чтобы его добродѣтель была восхваляема, заботится болѣе о славѣ, чѣмъ о добродѣтели.

Надобно всегда руководиться добродѣтелію и безкорыстно покоряться ея велѣнію, даже еслибы надобно было для этого пожертвовать жизнію.

Что я выиграю, если поступлю съ самоотверженіемъ, думаете вы? Выиграете именно то, что такъ по-

ступили. Награда прекрасныхъ дѣйствій находится въ нихъ самихъ. Если совершаемъ честные поступки не по внушенію добродѣтели, а изъ видовъ своекорыстныхъ, то мы только искательны, а не добродѣтельны.

Оцѣнивать и взвѣшивать справедливость есть величайшая несправедливость.

Вообще всякая добродѣтель должна привлекать насъ своею собственною прелестію, и мы должны руководствоваться въ этомъ случаѣ обязанностію, а не прибылью. Чѣмъ болѣе мы ищемъ въ добродѣтели своей собственной выгоды, тѣмъ менѣе мы достойны уваженія.

Справедливость есть царственное мѣрило величія человѣка.

Ничего нѣтъ честнаго и славнаго безъ справедливости.

Перестаешь быть справедливымъ, когда что либо предпочитаешь справедливости.

Человѣкъ добродѣтельный будетъ поступать сообразно съ тѣмъ, что считаетъ своимъ долгомъ, хотя бы это было ему и тяжело, привело бы его къ потерямъ и вовлекло бы въ опасность. Также точно онъ не сдѣлаетъ ничего постыднаго, какія бы сокровища, какія бы наслажденія, какую бы власть онъ отъ этого ни пріобрѣлъ. Никакія опасенія не отвлекутъ его отъ поступковъ честныхъ, никакія блестящія надежды не принудятъ его поступить безчестно.

Всѣ мыслящія существа созданы для того, чтобы сносить другъ друга; это взаимное терпѣніе есть доля той справедливости, которой мы обязаны другъ другу.

Не дѣлай того, что не честно, не говори того, что

не правдиво. Совершенно въ твоей власти состоитъ дѣлать и не дѣлать, говорить и не говорить.

Никто не можетъ похитить, или подавить свободы человѣческой воли.

ГЛАВА II.

О любви къ общественному благу.

Платонъ сказалъ прекрасно, что если мы рождены не для себя только, но еще для отечества нашего, для семьи, для друзей и для человѣчества, и если произведенія земли созданы для общей пользы; то мы должны соображаться съ требованіемъ природы и способствовать общественному благу взаимными услугами, принимать одолженія, и оказывать ихъ, и заботиться всѣми силами, всѣми способностями о скрѣпленіи между людьми общественной связи.

Мало еще того, если мы не вредимъ нашему ближнему, которому обязаны служить. Но большое достоинство быть привѣтливымъ въ обращеніи съ людьми, подать руку помощи утопающему, показать путь заблудшему, дать кусокъ хлѣба голодному. Всѣ мы члены одного огромнаго тѣла; природа сдѣлала насъ всѣхъ родными, она и внушила намъ любовь къ ближнимъ, склонность къ жизни общественной; опредѣлила, что справедливо и правдиво, устроила такъ, что причинять зло тяжелѣе, нежели переносить его; она сдѣлала насъ способными помогать другъ другу, и потому-то мы должны безпрестанно припоминать сердцемъ изрѣченія Теренція:

«Какъ человѣкъ, я сочувствую всѣмъ скорбямъ человѣка »

Если природа внушила намъ сочувствіе къ каждому человѣку потому только, что онъ человѣкъ, то тѣмъ болѣе она запрещаетъ намъ вредить кому бы то ни было. Еслибъ одинъ членъ человѣческаго тѣла развивался и укрѣплялся въ ущербъ другихъ членовъ, то неминуемо все тѣло ослабѣло бы и погибло; точно также, если каждый лично будетъ обращать въ свою пользу то, чѣмъ пользуется другой, и для своей выгоды будетъ обирать ближняго, то общество человѣческое неминуемо должно погибнуть.

Конечно природа дозволяетъ пріобрѣтать блага жизни болѣе для себя, нежели для другихъ; но она запрещаетъ увеличивать наше благосостояніе въ ущербъ ближняго; лучше понести собственныя потери, нежели уменьшать достояніе другихъ.

И природа и законы не дозволяютъ изъ своекорыстной цѣли вредить другимъ.

Законы наблюдаютъ, чтобы гражданское общество не терпѣло никакого зла, и нарушителей законовъ наказываютъ пенями, изгнаніемъ, тюрьмою, даже смертію.

Бывали люди готовые пожертвовать отечеству не только состояніемъ своимъ, но даже жизнію, которые между тѣмъ не хотѣли бы утратить ни малѣйшей части своей славы, хотя бы это было необходимо для общественнаго блага. Не таковъ былъ Фабій, который для спасенія Рима допустилъ, чтобы благоразуміе его сочли за робость и искусство за слабость, который былъ неодолимъ ни для враговъ своихъ, ни для согражданъ и,

не боясь повредить своей славѣ, упорствовалъ въ рѣшимости освободить отечество отъ Аннибала.

Любовь къ отчизнѣ должна простираться до готовности перенести для ея блага безчестіе и смерть.

Надобно приучиться быть равнодушнымъ какъ къ почестямъ, такъ и къ оскорбленіямъ толпы. Не радоваться однимъ, не огорчаться другимъ; иначе изъ боязни обидъ мы оставимъ въ небреженіи то, что должно быть для насъ всего важнѣе: не будемъ въ точности исполнять нашихъ частныхъ и общественныхъ обязанностей, и все это изъ жалкой боязни услышать какія-нибудь рѣчи для насъ непріятныя.

Истинно великія души стараются достигнуть честности въ поступкахъ, а не ищутъ славы.

Тотъ, не великій человѣкъ, который раболѣпствуетъ передъ мнѣніемъ невѣжественной толпы.

Тотъ, кто презираетъ славу человѣческую, пріобрѣтаетъ истинную славу.

Есть такіе люди, которые, изъ боязни возбудить зависть, не говорятъ того, что думаютъ и остерегаются давать добрые совѣты; это большой недостатокъ, котораго надобно остерегаться въ дѣлахъ общественныхъ.

Не слѣдуетъ приближаться къ великимъ міра сего, если не чувствуешь въ себѣ рѣшимости говорить имъ то, что полезно.

ГЛАВА III.

О любви къ отечеству.

Справедливость заключается въ томъ, чтобы поддер-

живать человѣческое общество и каждому воздавать должное; но такъ какъ въ этомъ огромномъ человѣческомъ обществѣ существуютъ разнаго рода связи и обязанности другъ къ другу, то надобно опредѣлить, кому мы болѣе всего обязаны. Во первыхъ, родителямъ и отечеству, отъ которыхъ мы такъ много получили благодѣяній, потомъ слѣдуютъ обязанности наши къ дѣтямъ, ко всей семьѣ, которая слѣдитъ за нами, наконецъ къ близкимъ и друзьямъ нашимъ.

Но какъ благо общее важнѣе и выше частнаго, то самая дорогая связь есть та, которая привязываетъ насъ къ отечеству. Конечно мы любимъ родителей нашихъ, дѣтей, друзей нашихъ, но любовь къ отечеству совокупляетъ всѣ эти привязанности. И какой благородный человѣкъ не согласится умереть за отечество, если смерть его можетъ быть полезна отечеству!

Жизнь коротка, слава безсмертна. Такъ какъ мы всѣ должны умереть, то пожелаемъ лучше умереть для отечества, нежели обыкновенною смертію.

Для отечества должно бы даже отказаться отъ славы загробной, если бы пріобрѣтеніемъ ея мы могли принесть ему какой-нибудь вредъ; въ сущности же отдать жизнь свою отечеству, не значитъ умереть, но стяжать безсмертіе.

Сципіонъ, чтобы возбудить ревность въ защитникахъ Рима, говоритъ, что для всѣхъ, которые будутъ сохранять, оберегать, увеличивать свое отечество, въ областяхъ небесныхъ устроено особенное жилище, гдѣ они будутъ вѣчно блаженствовать.

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ, Тебя благословляя!

Сладостно, доблестно умереть за отчизну.

Для отечества надобно жертвовать своимъ состояніемъ, своими привязанностями, равно какъ и враждою, и если отечество поступаетъ несправедливо. то съ нимъ надобно обращаться, какъ съ родителями; надобно умилостивлять его кротостію и терпѣніемъ.

То, что не полезно улью, не бываетъ истинно полезно и пчелѣ.

ГЛАВА IV.

О любви родительской и воспитаніи дѣтей.

Сама природа внушаетъ намъ любовь къ тѣмъ, кому мы дали жизнь. Не защищаютъ ли дикіе звѣри своихъ дѣтенышей, не боясь ни насилія, ни ударовъ, ни ранъ? Не гораздо ли больше мы должны любить своихъ дѣтей!

Что наиболѣе пріятнаго природа дала человѣку, если не дѣтей каждому изъ насъ? Продолжительность нашей жизни неизвѣстна; слѣдовательно мы должны рано запасти и снабдить дѣтей всякаго рода средствами для того времени, когда они будутъ одни.

Лучшій памятникъ, какой только можетъ отецъ оставить о себѣ, это сынъ, выраженіе его нравовъ, его добродѣтелей, постоянства, его благочестія и дарованій.

Слава отца и подражаніе его добродѣтелямъ есть свойственное сыну наслѣдство.

Наилучшее достояніе, какое можетъ отецъ оставить дѣтямъ, это слава его доблестей и прекрасныхъ дѣй-

ствій; отнять честь такого наслѣдія есть преступленіе, нечестіе.

Усиленная заботливость о собираніи сокровищъ съ тѣмъ, чтобы составить несмѣтныя богатства дѣтямъ своимъ, не приноситъ пользы ни имъ, ни отечеству. Лучшій прибытокъ для молодыхъ людей тотъ, который спасаетъ ихъ отъ льстецовъ и котораго достаточно для доставленія имъ необходимаго. Нѣтъ нужды оставлять дѣтямъ много золота, а напротивъ необходимо оставить имъ много чести.

Часто родители, несмотря на добрыя намѣренія, имѣютъ желанія гибельныя для своихъ дѣтей. Если вы хотите быть счастливы, желайте, чтобы съ вами не случилось ничего такого, чего обыкновенно желаютъ вамъ. То, что хотятъ дать вамъ съ избыткомъ, богатства, почести, власть, не составляетъ истинныхъ благъ. Есть одно только благо, добродѣтель. Старайтесь сами содѣлать себя счастливыми, и вы будете счастливы, если будете упражняться въ добродѣтели.

Цицеронъ съ жаромъ укорялъ Верреса за то, что онъ, будучи преторомъ въ Сициліи, допускалъ сына своего быть свидѣтелемъ безпорядочной его жизни: «ты зналъ себя, зналъ свою жизнь и, несмотря на то, ты водилъ съ собою своего уже взрослаго сына для того, чтобы воспитаніе и привычки расположили его походить на тебя, въ случаѣ если бы онъ, по своему характеру, ужаснулся твоихъ пороковъ; въ этомъ то и была твоя ошибка, не только въ отношеніи къ твоему сыну, но и въ отношеніи къ государству; ибо ты имѣлъ дѣтей не для себя только, но и для отечества, не для своей

только личной выгоды, но и для общественной пользы. Ты обязанъ былъ воспитывать и научать ихъ сообразно съ правилами нашихъ предковъ и по законамъ государства, а не дѣлать ихъ сообщниками своихъ преступленій и разврата».

Вы дали гражданина государству; хорошо, если вы его сдѣлали гражданиномъ полезнымъ странѣ, полезнымъ во время міра, полезнымъ на войнѣ; все зависитъ отъ правилъ и нравовъ, которые вы вкоренили въ него.

Очень часто родители дѣлаютъ дѣтей своихъ свидѣтелями вещей, достойныхъ порицанія, а между тѣмъ законъ природы таковъ, что ничто такъ скоро и быстро не развращаетъ, какъ пороки въ самомъ семействѣ. Ничто оскорбляющее взоръ, или слухъ не должно касаться жилища, въ которомъ обитаютъ дѣти. На насъ лежитъ обязанность самаго великаго почтенія къ дѣтямъ. Если вы хотите дѣйствовать дурно, подумайте объ юномъ возрастѣ вашего сына, пускай образъ вашего дитяти удержитъ васъ отъ порока.

Дай Богъ, чтобы мы не были первыми губителями чистыхъ нравовъ нашихъ дѣтей! Мы торопимся обезсилить ихъ наслажденіями. Это изнѣженное воспитаніе, которое мы называемъ снисхожденіемъ, совершенно разслабляетъ и душу и тѣло. Сдѣлавшись большими, чего не пожелаютъ тѣ, которые въ богатыхъ пеленахъ оглашаютъ воздухъ своими младенческими криками? Они растутъ на помочахъ и едва касаются земли, виснутъ уже на рукахъ тѣхъ, которые ихъ поддерживаютъ. Мы улыбаемся при малѣйшемъ свободномъ словѣ, которое они произносятъ; мы встрѣчаемъ

улыбкою и поцѣлуемъ слова недостойныя благовоспитанныхъ дѣтей по очень простой причинѣ: потому что мы научили ихъ этому, отъ насъ оно ими заимствовано. Наши столы оглашаются пѣснями, постыдныя вещи поражаютъ взоры, и дѣти наши пріучаются къ этому; все это дѣлается для нихъ второй природою. Несчастные! Они не знаютъ еще имени пороковъ, а уже знаютъ самые пороки.

Весьма важно для послѣдующей жизни, чтобы дѣти съ малаго возраста получили разумное направленіе. Легко подчинить порядку души еще младенческія, и напротивъ трудно искоренять пороки, которые выросли вмѣстѣ съ нами. Уроки, данные въ первомъ возрастѣ, пускаютъ корни глубже, и естественно мы удерживаемъ съ большой силою то, что узнали въ дѣтствѣ, подобно тому, какъ новые сосуды долго сохраняютъ вкусъ перваго наполнявшаго ихъ напитка.

Итакъ должно съ самыхъ раннихъ лѣтъ различать добро отъ зла. Пускай дитя остерегается дѣлать чтобы то ни было изъ жадности, изъ злобы, съ вспыльчивостію; ибо нужно научать его тогда, когда оно легче повинуется. Нужно всегда припоминать слѣдующія слова Виргилія:

«Такъ сильна привычка первыхъ нашихъ дней!»

Старайтесь то обуздывать дѣтей, то поощрять ихъ; ибо во всѣхъ есть стороны однѣ, требующія обузданія, а другія поощренія.

Дадимъ имъ нѣкоторую ослабу, но не оставимъ ихъ праздными, и предотвратимъ ихъ отъ заразы наслажденій. Ничто не дѣлаетъ ихъ болѣе сластолюбивыми и

гнѣвными, какъ слишкомъ мягкое, изнѣженное воспитаніе. Ничего не въ силахъ будетъ вынести тотъ, кому никогда ни въ чемъ не было отказа, котораго слезы отирала всегда безпокойная мать, котораго всегда оправдывали предъ учителями.

Позаботимся также предохранить дитя отъ лести, чтобъ оно слышало истину, чтобы его укоряли за его ошибки, чтобы оно иногда боялось и всегда почитало своихъ родителей и учителей, чтобы оно ничего не выпрашивало гнѣвно и со слезами, и въ то время, когда оно спокойно, безотлагательно давали бы ему то, въ чемъ отказали, когда оно было раздражено и плакало.

Не тотъ только полезенъ отечеству, кто ратуетъ за правду, кто защищаетъ обвиненныхъ, или обсуживаетъ вопросы о мирѣ и войнѣ. Полезный гражданинъ и тотъ, кто убѣждаетъ молодыхъ людей, кто образуетъ ихъ для добродѣтели, кто мѣшаетъ имъ бросаться въ излишнія издержки и преступныя удовольствія, кто научаетъ ихъ понимать, что́ есть правда, благочестіе, терпѣніе, сила, учитъ ихъ тому, какое неоцѣненное благо заключается въ чистой совѣсти.

Пускай старцы сохраняютъ достаточную силу, чтобы назидать молодыхъ людей, чтобы образовать ихъ и приготовить для исполненія всѣхъ обязанностей, этого будетъ достаточно: нѣтъ дѣла выше этого дѣла.

Молодые люди должны любить наставниковъ, какъ отцовъ не тѣлъ, но душъ ихъ, и это сыновнее почтеніе будетъ много способствовать ихъ успѣху, ибо тогда они будутъ охотно ихъ слушать, вѣрить ихъ словамъ, пожелаютъ походить на нихъ, будутъ съ радостію по-

сѣщать училища, не будутъ раздражаться выговоромъ, будутъ радоваться похваламъ, и будутъ все болѣе и болѣе желать заслужить любовь. Если отцы семейства не будутъ безумно ослѣплены, то они всегда позаботятся найдти для своихъ дѣтей самаго добродѣтельнаго учителя, и подчинить ихъ правильной дисциплинѣ.

Учитель долженъ имѣть отеческое сердце для своихъ питомцевъ: онъ долженъ думать, что замѣняетъ для нихъ родителей, которые ввѣрили ему своихъ дѣтей. Да старается онъ не допустить ни въ себѣ, ни въ другихъ никакого порока; да воздержится онъ равно отъ мудрости слишкомъ суровой, и отъ мягкости лишенной достоинства: одна возбудила бы ненависть, а другая презрѣніе. Пускай онъ часто говоритъ о томъ, что честно и хорошо; чѣмъ болѣе будетъ онъ предостерегать, тѣмъ менѣе будетъ нужды въ наказаніяхъ. Да избѣгаетъ онъ гнѣва, не оставляя безъ вниманія ничего, требующаго исправленія.

Совершенно справедливо считался бы дурнымъ отцомъ тотъ, который за маловажныя причины преслѣдовалъ бы своихъ дѣтей постоянными побоями. То же самое должно сказать и въ отношеніи къ наставнику Справедливо ли и разумно ли повелѣвать человѣкомъ съ бо́льшею жестокостію, чѣмъ животнымъ? Никакое животное не представляетъ столько трудности для управленія имъ, не требуетъ бо́льшаго искусства и снисходительности, какъ человѣкъ. Мы стыдились бы предаваться гнѣву противъ собакъ и рабочаго скота, а между тѣмъ слишкомъ часто безуміе наше доходитъ до того, что человѣкъ, подчиненный другому, бываетъ доведенъ

до положенія несравненно худшаго, чѣмъ эти животныя. Мы даемъ цѣлебныя средства отъ тѣлесныхъ болѣзней, не приходя въ гнѣвъ; душа имѣетъ также свои болѣзни, которыя требуютъ друга для излеченія больнаго. Человѣкъ, которому ввѣрены спасеніе и забота о другихъ людяхъ, долженъ бороться съ пороками и сильно имъ сопротивляться; но онъ долженъ разнообразить леченіе этихъ нравственныхъ болѣзней, употребляя средства то кроткія, то энергическія, и прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, только въ случаѣ безусловной необходимости.

Для обуздыванія своихъ дѣтей отецъ можетъ извлечь болѣе пользы, дѣйствуя стыдомъ и награжденіями, нежели посредствомъ страха.

Опытный наставникъ едва получаетъ подъ свой надзоръ ребенка, прежде всего старается открыть его характеръ, для того, чтобы знать, какъ онъ долженъ управлять этою юною душой: одни сдѣлаются безпечны, если не будутъ побуждаемы, другіе противятся власти; страхъ сдерживаетъ послѣднихъ, и напротивъ ослабляетъ первыхъ; нѣкоторые успѣваютъ при помощи постояннаго труда, другіе напротивъ порывами и скачками. Дайте мнѣ дитя, которое одушевляется похвалою, котораго радуетъ слава, которое плачетъ, если бываетъ побѣждено; малѣйшій укоръ задѣнетъ его за живое, и я никогда не буду бояться того, чтобы оно впало въ безпечность.

Тѣ, которые воспитываютъ и наставляютъ дѣтей, болѣе всего должны узнать, къ чему поведетъ характеръ каждаго изъ нихъ, ибо воспитаніе должно, сколько воз-

можно, приспособляться къ характеру каждаго воспитанника.

Кромѣ всего этого нужно предохранять молодыхъ людей отъ постыдныхъ желаній, пріучать ихъ тѣло и душу къ труду и терпѣнію, для того, чтобы сдѣлать ихъ опытными и крѣпкими въ исполненіи гражданскихъ и воинскихъ обязанностей.

Лакедемонскіе юноши учились переносить съ удивительнымъ терпѣніемъ боль и трудъ, и въ то же самое время они научались уважать не только власть судей, родителей, наставниковъ, но и старцевъ.

Если юноши захотятъ отдохнуть и предаться какому нибудь удовольствію, да хранятъ они себя отъ невоздержанія, да не забываютъ они того взаимнаго уваженія, безъ котораго нѣтъ ничего хорошаго; присутствіе при нихъ человѣка болѣе зрѣлаго послужитъ имъ предохраненіемъ. Присутствіе старцевъ то же самое, что присутствіе властей; оно внушаетъ истинный стыдъ и непринужденный страхъ.

Кто осмѣлится сказать передъ старцемъ слова, отъ которыхъ пришлось бы краснѣть?

ГЛАВА V.

О дѣтской любви.

Природа первая и лучшая наставница дѣтской любви.

Безъ помощи слова, безъ науки, она незамѣтно проливаетъ въ сердца дѣтей любовь къ родителямъ.

Мы съ величайшею нѣжностію должны любить тѣхъ,

которые дали намъ жизнь, достояніе, свободу, отечество.

Самыя великія благодѣянія тѣ, которыя мы получили отъ родителей, безъ нашего вѣдома, и даже какъ будто бы противъ нашей воли. Съ самаго нѣжнаго возраста родители принуждаютъ дѣтей ко всему, что для нихъ хорошо и полезно. Они съ чрезвычайною заботливостію пекутся объ ихъ слабомъ тѣлѣ, выправляютъ его, несмотря на ихъ крики и сопротивленія, наставляютъ, обучаютъ ихъ волею или неволею разнымъ наукамъ, и пріучаютъ къ воздержанію, цѣломудрію, и ко всѣмъ добродѣтелямъ.

Тѣ, которые почитаютъ родителей, любимы Богомъ въ этой жизни и въ будущей; а напротивъ неуваженіе къ родителямъ есть преступленіе, на которое люди смотрятъ съ отвращеніемъ, и Господь наказуетъ при жизни и по смерти.

Только какое-нибудь ужасное преступленіе можетъ разрушить любовь, соединяющую дѣтей съ родителями.

Дѣти не только должны умалчивать о несправедливостяхъ своихъ родителей, но сносить ихъ съ неодолимымъ терпѣніемъ.

Въ школахъ философовъ обыкновенно спорятъ о томъ: всегда ли и во всѣхъ ли случаяхъ надобно повиноваться отцу своему? Безъ сомнѣнія, и въ этомъ надобно умѣть дѣлать различіе. Между дѣлами человѣческими бываютъ честныя, бываютъ и постыдныя. То, что справедливо и благородно, какъ напримѣръ: быть правдивымъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, защищать отечество, и т. д., все это должно исполнять независимо отъ приказанія, или запрещенія родителя, и напротивъ, не-

смотря ни на какія приказанія не надобно дѣлать того, что постыдно и несправедливо.

Въ случаѣ, когда бы сынъ былъ принужденъ не повиноваться приказаніямъ отца, онъ долженъ уклоняться отъ нихъ, и смягчать неповиновеніе свое кротостію, уваженіемъ и всевозможными доказательствами своей привязанности.

Поступайте съ родителями вашими такъ, какъ вы желали бы, чтобы дѣти ваши поступали съ вами.

Еслибы родители ваши были бѣдны, ничтожны, не развиты, ихъ все-таки надобно уважать, и всѣми силами стараться помогать имъ.

Тогда только можемъ вполнѣ наслаждаться богатствомъ, умомъ и высшими духовными способностями, когда плоды ихъ посвящаемъ на благо своего семейства.

Признано всеобщимъ мнѣніемъ, что, по требованію природы и законовъ, должно уважать сперва Бога, потомъ родителей, что Господь особенно любитъ дѣтей, оказывающихъ безпредѣльную благодарность тѣмъ, которымъ они обязаны жизнію и воспитаніемъ, и что пренебреженіе и неуваженіе родителей въ очахъ Божіихъ есть отвратительное нечестіе.

Намъ запрещается дѣлать зло ближнимъ; но какъ было бы несправедливо и нечестиво, еслибы мы словами и дѣлами не старались радовать отца нашего и мать!

ГЛАВА VI.

О братской любви.

Дружба, соединяющая другихъ людей, есть только слабое изображеніе, тѣнь той первой и нѣжнѣйшей дружбы,

которую природа внушила братьямъ въ отношеніяхъ другъ къ другу. Тотъ, кто не уважаетъ и усердно не поддерживаетъ ее, никогда не убѣдитъ меня, что питаетъ благорасположеніе къ другимъ людямъ.

Узы кровныя тѣсно связываютъ людей; великое дѣло имѣть однихъ предковъ, одни памятники, одни жертвоприношенія, одни гробницы.

Кто можетъ быть лучшимъ другомъ, какъ не братъ брату своему? И кто будетъ вѣренъ вамъ, если вы оказываетесь врагомъ вашихъ ближнихъ?

Силурій, царь Скиѳовъ, чувствуя приближеніе смерти, велѣлъ подать себѣ связку стрѣлъ, и передавъ ее своимъ восьмидесяти человѣкамъ дѣтей, велѣлъ имъ сломить ее. Каждый изъ нихъ призналъ свое безсиліе; тогда онъ самъ развязалъ связку, взялъ каждую стрѣлу отдѣльно, и переломилъ ее безъ труда, тѣмъ научая ихъ, что они будутъ непобѣдимы, если останутся согласны, и напротивъ слабы, если раздѣлятся.

«Я вижу, говоритъ Плутархъ, что въ наше время дружба между братьями стала столь же рѣдкою, какъ прежде была между ними вражда.»

Павелъ Эмилій, выдавши одну изъ дочерей своихъ въ замужество за сына Катона, отдалъ другую за Элія Туберона, человѣка превосходнаго, умѣвшаго достойнѣйшимъ образомъ переносить бѣдность. Шестнадцать человѣкъ изъ семейства Элія явили прекрасный примѣръ согласія, живя всѣ вмѣстѣ подъ однимъ кровомъ, въ тѣсномъ домѣ, съ своими женами и большимъ числомъ дѣтей.

«Нынѣ же, прибавляетъ Плутархъ, братья, родствен-

ники избѣгаютъ постоянныхъ споровъ тѣмъ только, что поселяются другъ отъ друга на далекое разстояніе, отдѣляя свои владѣнія стѣнами, рѣками, обширными пространствами.»

Смерть отца должна вызывать братьевъ къ удвоенію любви и взаимнаго благорасположенія; да хранятъ они себя отъ того, чтобъ дѣлить отцовское наслѣдіе, какъ бы добычу, отнятую у врага, по примѣру Хариклея и Антіоха, разрѣзавшихъ на двѣ части серебряный сосудъ и одежду, оставленные ихъ отцомъ; пусть они наблюдаютъ за собою съ особеннымъ вниманіемъ въ эти дни, которые могутъ сдѣлаться эпохой согласія и дружбы, или началомъ безконечныхъ споровъ и непримиримой ненависти.

Прокулей, римскій всадникъ, (*) другъ Августа, питалъ къ своимъ двумъ братьямъ, Муренѣ и Сципіону, любовь отцовскую, доставившую ему безсмертную славу. Всѣ трое раздѣлили по ровнымъ частямъ родительское наслѣдство; но въ продолженіе междоусобной войны Сципіонъ и Мурена были лишены всего своего имущества; Прокулей пожелалъ облегчить ихъ несчастіе: онъ вновь раздѣлилъ съ ними все свое состояніе.

Когда возникаетъ споръ между братьями, пусть они прекращаютъ его немедленно сами, или черезъ посредника; они должны подражать Пиѳагорейцамъ. Соединенные однимъ ученіемъ, а не родствомъ, если во гнѣвѣ высказывали иногда другъ другу нѣсколько словъ су-

---

(*) Подъ этимъ названіемъ разумѣлось у римлянъ среднее сословіе, соотвѣтствующее торговому классу въ новѣйшихъ государствахъ

ровыхъ, то спѣшили примириться прежде захожденія солнца, протягивая другъ другу руки.

Природа тщетно даровала бы намъ кротость и терпѣливость, дшерей умѣренности, если бы мы не проявляли этихъ добродѣтелей, особенно въ обращеніи съ родными и ближними нашими.

Извѣстно прекрасное изрѣченіе Евклида, ученика Сократа: «Пусть умру, если не отомщу тебѣ! сказалъ ему братъ, въ припадкѣ бѣшенства, не достойномъ человѣка. А я пусть умру, отвѣчалъ онъ, если не съумѣю убѣдить тебя отложить свой гнѣвъ, и полюбить меня по прежнему!»

ГЛАВА VII.

О дружбѣ.

Дружба есть совершеннос согласіе въ отношеніи всего божественнаго и человѣческаго, сопровождаемое благорасположеніемъ и любовію (*). Безъ сомнѣнія, изъ всѣхъ даровъ ниспосланныхъ отъ Бога людямъ, лучшій послѣ мудрости, есть дружба.

Изъ всѣхъ обществъ нѣтъ превосходнѣе и прочнѣе общества людей добродѣтельныхъ, соединенныхъ сообразностію нравовъ и пріятельскимъ обхожденіемъ; и должно сознаться, что дружба возможна только между людьми добродѣтельными. Добродѣтель содержитъ въ себѣ естественно дружбу и порождаетъ ее; дружба не можетъ существовать безъ добродѣтели. Да, добро-

(*) Цицерону обязаны этимъ превосходнымъ опредѣленіемъ дружбы.

дѣтель, одна добродѣтель, производитъ и поддерживаетъ дружества. Мы видимъ иногда, что злые желаютъ одного, ненавидятъ и опасаются того же; но что называется дружбой между добрыми, есть заговоръ между злыми.

Предпочитайте дружбу всѣмъ благамъ человѣческимъ, потому что нѣтъ ничего столько сообразнаго съ природой, столько благовременнаго во всѣхъ положеніяхъ жизни, въ счастливыхъ и несчастныхъ: дружба придаетъ благополучію блескъ и сладость, и облегчаетъ злополучіе. Еслибы мы не имѣли съ кѣмъ раздѣлить нашу радость, какую цѣну имѣло бы счастіе, и тяжесть бѣдствія не сдѣлалась ли бы несносною, еслибы не было подлѣ насъ друга, чтобы нести его съ нами, и даже болѣе насъ?

Что можетъ быть усладительнѣе того, когда имѣешь при себѣ человѣка, съ которымъ смѣешь говорить, какъ съ самимъ собою?

Все человѣческое бренно и непрочно; потому и хорошо для насъ искать, кого бы мы могли полюбить и кѣмъ бы быть любимыми. Отымите любовь и благоволеніе, и все исчезаетъ изъ жизни.

Изъ всѣхъ вещей человѣческихъ польза дружбы одной признается всѣми. Богатство презирается тѣми, которые любятъ жизнь простую и умѣренную; почести, столь страшно преслѣдуемыя большинствомъ людей, пренебрегаются другими, какъ самыя пустѣйшія въ мірѣ. Такъ бываетъ и относительно всего прочаго: одни попираютъ ногами то, чѣмъ восхищаются другіе; но на счетъ дружбы всѣ согласны. *Жизнь есть ничто безъ дружбы.* Отнять дружбу отъ жизни, есть то же, что отнять отъ міра солнце.

Но чѣмъ драгоцѣннѣйшее благо есть дружба, тѣмъ болѣе мы должны остерегаться всякаго нерадѣнія въ выборѣ нашихъ друзей.

Не должно слишкомъ рано начинать любить, или привязываться къ людямъ недостойнымъ любви; достойны же любви только тѣ, въ которыхъ находится истинное побужденіе къ любви и добродѣтели. Эти люди рѣдки, какъ все превосходное; ихъ находятъ съ трудомъ, такъ какъ все прекрасное. Большое число людей считаютъ хорошимъ только то, что для нихъ полезно, и обходясь съ друзьями своими, какъ со скотомъ, они сохраняютъ только тѣхъ, изъ которыхъ надѣются извлечь болѣе пользы. Вслѣдствіе того они всегда лишены той превосходной естественной дружбы, которая желательна и драгоцѣнна сама въ себѣ и для себя.

Ничто не утѣшаетъ душу такъ, какъ вѣрная и нѣжная дружба. Какъ вы счастливы, если нашли друзей, сердце которыхъ способно принимать и хранить ваши тайны, рѣчи ихъ успокоивать ваши тревоги, радость разсѣявать ваши печали, благоразуміе предлагать вамъ благіе совѣты, и одно присутствіе ихъ восхищать васъ!

Изберемъ по возможности друзей свободныхъ отъ ига страстей; ибо пороки вкрадываются подобно змѣямъ: они овладѣваютъ всѣмъ, къ чему приближаются, они вредятъ своимъ прикосновеніемъ. Это не значитъ, чтобы мы заключали дружбу только съ человѣкомъ совершенно мудрымъ. Гдѣ найдти его въ долгомъ ряду вѣковъ? Не будемъ уже слишкомъ разборчивы, но изберемъ лучшаго.

Если хотите пользоваться дружбою, то питайте къ другу вашему тѣ же чувства, которыя вы имѣли бы къ самому себѣ; понесите для него труды, какіе бы вы претерпѣли для себя, наслаждайтесь его радостію, какъ своею, страдайте отъ скорби его, какъ бы отъ вашей собственной. Всѣ мудрые согласны съ этой мыслію: мы должны любить друзей нашихъ, какъ самихъ себя. Это возможно, мы это постигаемъ, мы видимъ этому примѣры, и очевидно, что нельзя представить ничего болѣе способнаго составить счастіе жизни, какъ подобный союзъ.

Каждый изъ тѣхъ, кто соединенъ одними вкусами, одними желаніями, услаждается въ другѣ своемъ, какъ бы въ самомъ себѣ, и тогда сбывается опредѣленіе друга Пиѳагоромъ: *одинъ человѣкъ составленный изъ нѣсколькихъ.*

Человѣкъ любитъ себя естественно, и онъ ищетъ другаго человѣка, съ душею котораго онъ могъ бы слить свою собственную, такъ чтобы изъ двухъ составилась одна. Истинный другъ есть второе я.

Размышляйте долго, прежде чѣмъ соединитесь съ кѣмъ-либо дружбою; если вы нашли друга, откройте ему все свое сердце, говорите съ нимъ, какъ съ самимъ собою, надѣйтесь на вѣрность его: онъ будетъ вѣренъ.

Жертвуйте дружбѣ почестями, богатствомъ, удовольствіями, но съ другой стороны не грѣшите, чтобы угодить вашему другу; это никакъ не могло бы послужить вамъ законнымъ извиненіемъ. Не болѣе дозволено соглашаться на что-либо худое, чѣмъ просить того отъ своего друга.

Первое правило дружбы не просить ничего постыд-

наго у нашихъ друзей, равно какъ и не дѣлать ничего постыднаго, когда бы даже они насъ о томъ просили.

Нѣкоторый другъ Перикла хотѣлъ упросить его дать ложную присягу въ пользу его. «Я долженъ служить друзьямъ моимъ, но послѣ Бога», отвѣчалъ Периклъ. Поэтъ Симонидъ, надѣясь на дружбу свою съ Ѳемистокломъ, проспалъ его о чемъ-то несправедливомъ. «Симонидъ, сказалъ ему Ѳемистоклъ, ты не былъ бы хорошимъ поэтомъ, еслибы погрѣшилъ противъ поэтическаго искусства, а я былъ бы плохой судья, еслибы по любви къ тебѣ рѣшилъ что-либо противъ законовъ моего отечества.»

Публій Рутилій Руфъ отвергалъ несправедливыя просьбы одного изъ своихъ друзей: «къ чему служитъ мнѣ дружба твоя, воскликнулъ послѣдній въ негодованіи, если ты не дѣлаешь того, объ чемъ я тебя прошу?» «А мнѣ, возразилъ Рутилій, какая польза въ твоей, если черезъ тебя я сдѣлаю что-нибудь худое?» Этотъ достойный человѣкъ зналъ, что не согласно съ обязанностію дѣлать для друга то, что несправедливо, равно какъ и отказать ему въ томъ, что можно сдѣлать по справедливости; и если друзья наши просятъ насъ о чемъ-нибудь преступномъ, религія и добросовѣстность должны взять верхъ надъ дружбой.

Друзья добродѣтельные должны имѣть общія чувства, и одну волю, и они однако же обязаны давать другъ другу взаимные совѣты; если предостереженія будутъ предложены съ благосклонностію, то они будутъ приняты съ удовольствіемъ. Надо отчаяться въ томъ чело-

вѣкѣ, уши котораго не хотѣли бы слушать истины изъ устъ друга.

Двѣ вещи пребываютъ вѣрными: первая, что признакъ истинной дружбы есть давать и принимать совѣты, давать ихъ свободно, но не сурово, и принимать ихъ терпѣливо и охотно; другая, что нѣтъ злѣе бичей дружбы, какъ разслабляющія ласки, потворство и лесть. Извѣстно изрѣченіе Катона: «ожесточенные враги бываютъ иногда полезнѣе нѣкоторыхъ друзей, обхожденіе съ которыми исполнено пріятности; первые часто говорятъ правду, послѣдніе никогда. Дружба есть пустая мечта между двухъ людей, изъ которыхъ одинъ не хочетъ слушать истины, а другой готовъ всегда солгать.»

«Впрочемъ прилично, какъ говоритъ Сирусъ, предостерегать втайнѣ, а хвалить явно.»

Сколько возможно буду препятствовать другимъ поступать дурно, особенно другу; для этого буду прибѣгать, иногда, если можно надѣяться тѣмъ исправить его, къ словамъ строгимъ и даже суровымъ. Допустимъ ли мы погибнуть, по недостатку совѣтовъ, друзьямъ, которыхъ мы удобно могли бы исправить легкой укоризной?

Кто не мѣшаетъ злу, когда можетъ, тотъ его производитъ. Терпѣть въ другѣ порокъ, значитъ участвовать въ немъ; помогая согрѣшающему, мы вдвойнѣ грѣшимъ. Добродѣтельный человѣкъ никогда не одобряетъ зла.

Будемъ давать охотно и свободно совѣты благоразумные, но притомъ голосъ друга, добраго совѣтника долженъ быть съ вѣсомъ; пусть будетъ онъ исполненъ откровенности и живости, главное чтобы онъ былъ дѣйствителенъ. Будемъ просить истинныхъ друзей нашихъ

оказывать въ обращеніи съ нами эту полную и совершенную свободу, особенно тогда, когда мы бываемъ менѣе расположены сносить ее; будемъ умолять ихъ не потворствовать нашему злопамятству и нашимъ страстямъ. Коль скоро усматриваемъ въ себѣ недостатокъ, полезно поставлять ему преграду.

Хорошій человѣкъ любитъ принимать совѣты, а злые не терпятъ порицанія.

Судьба никогда не возвышаетъ человѣка передъ прочими такъ высоко, чтобы онъ не терпѣлъ недостатка въ чемъ-нибудь; и очень часто, посреди всѣхъ даровъ ея, недостаетъ именно драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ, друга, который бы говорилъ правду и спасъ бы тѣмъ отъ заблужденія бѣднаго богача. Цари и вельможи міра сего, гибнущіе отъ безпрестанной лести, съ трудомъ могутъ найдти одного человѣка, который бы говорилъ имъ по совѣсти. Вокругъ ихъ происходитъ борьба ласкательствъ, и одинъ старается передъ другимъ искуснѣе обмануть ихъ. Такимъ образомъ они пребываютъ въ невѣдѣніи истинной своей силы, они вѣрятъ, что они такъ велики, какъ ихъ представляютъ, они предаются всей ярости своей, которую никто не обуздываетъ, предпринимаютъ безумныя войны, и такимъ образомъ въ короткое время ввергаютъ себя въ величайшія опасности.

Величайшее изъ бѣдствій есть потеря друга. Въ несчастіи особенно познается вѣрный другъ; всё, что онъ тогда дѣлаетъ, внушается ему истиннымъ доброжелательствомъ. Оказывая преданность другу счастливому, мы можемъ быть побуждаемы къ тому собственными своими выгодами болѣе, нежели истинною привязанностію.

Благополучіе даетъ друзей; несчастіе испытываетъ ихъ.

Счастіе вызываетъ къ вѣрности; злополучіе вмѣняетъ ее въ законъ.

Друзья приглашаютъ тебя на пиръ, являйся туда поздно, если хочешь. Они зовутъ тебя, чтобъ утѣшать ихъ, спѣши на это приглашеніе.

Другъ есть вещь рѣдкая, и часто именно тамъ его нѣтъ, гдѣ, повидимому, находится ихъ много. Не тѣ друзья, которые толпятся у вратъ царей: дворцы наполнены людьми, но пусты друзьями.

«Нынѣ, восклицаетъ Овидій, святое и досточтимое имя дружбы попирается ногами, какъ вещь низкая и презрѣнная. Признаемся откровенно: мѣра дружбы есть интересъ. Ищутъ прежде полезнаго, а потомъ честнаго; дружба родится и умираетъ съ счастіемъ».

Въ благополучіи вы считаете у себя много друзей, а какъ скоро небо покроется облаками, вы остаетесь одни.

Пока фортуна постоянна, говоритъ другой поэтъ, вы, друзья, остаетесь тверды; коль скоро она измѣнитъ, вы обращаете спину и бѣжите.

Ласточки возвращаются лѣтомъ, на зиму онѣ удаляются: это изображеніе ложныхъ друзей. Въ красные дни жизни, они преданы вамъ; а если счастіе вамъ измѣнитъ, то они улетаютъ.

ГЛАВА VIII.

О благотворительности.

Благотворительность, которую мы называемъ также *милостію*, *щедростію*, есть отрасль справедливости; нѣтъ

ничего сообразнѣе природѣ человѣка, и лучшіе люди считаютъ себя какъ бы рожденными для того, чтобъ помогать другимъ, покровительствовать, и сохранять прочихъ людей.

Доброта богатыхъ и сильныхъ есть какъ бы общее убѣжище для всѣхъ.

Вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію любви народа заключается въ оказываемыхъ ему благодѣяніяхъ; а онъ бываетъ признателенъ и за одно желаніе сдѣлать ему добро, когда средства тому не соотвѣтствуютъ. Намъ естественно любить тѣхъ, въ которыхъ усматриваемъ расположеніе къ щедрости, къ благотворенію и справедливости.

Однако благотворительность имѣетъ свои правила; должно оказывать ее съ осторожностію. Мы должны беречься, чтобъ не повредить самимъ тѣмъ, которыхъ хотимъ одолжить, или другимъ: мы должны собразоваться съ нашими способностями и соразмѣрять благодѣянія съ заслугами; потому что все должно относить къ справедливости, безъ которой не можетъ быть истинной щедрости. И такъ будемъ щедры такимъ образомъ, чтобъ служить друзьямъ нашимъ, не оскорбляя никого и не истощая самаго источника щедрости, умѣя различать и выбирать достойнѣйшихъ. Многіе расточаютъ дары свои безъ разсужденія, безъ мѣры, увлекаемые вихремъ филантропіи; подобнаго рода щедрость далеко не имѣетъ равной цѣны съ тою, которая управляется разсужденіемъ и благоразуміемъ.

Человѣкъ добродѣтельный, владѣющій правильно полученнымъ имуществомъ, не будетъ оказывать себя ни

скупымъ ни расточительнымъ; онъ будетъ употреблять свои богатства частію для собственной пользы, частію для услуги другимъ; онъ будетъ одолжать добрыхъ или тѣхъ, которыхъ надѣется сдѣлать добрыми; будетъ раздавать свои благодѣянія съ большою осторожностію, выбирая болѣе достойныхъ, и избѣгая, какъ постыдной потери, дурнаго употребленія своихъ даровъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что оказывать благодѣянія вещь легкая; при этомъ встрѣчаются важныя затрудненія, коль скоро хотятъ дѣйствовать съ разсужденіемъ, а не случайно. Я помогу этимъ, потому что они заслуживаютъ, чтобъ избавить ихъ отъ жестокой бѣдности; не окажу пособія тѣмъ, потому что они и послѣ того не менѣе будутъ терпѣть лишенія. Однимъ я помогу, предупреждая всякую просьбу, съ другими употреблю даже насиліе, чтобъ заставить ихъ принять помощь. Кромѣ того, свободны ли они, или рабы, все равно, если они бѣдны. Вездѣ гдѣ находится человѣкъ, есть мѣсто для благодѣяній. Буду давать добродѣтельному бѣдному, не ожидая отъ этого благодѣянія ни пользы, ни удовольствія, ни славы. Буду давать, чтобъ исполнить свою обязанность, буду слѣдовать моей совѣсти, не разсматривая, поставитъ ли когда нибудь судьба человѣка одолженнаго мною въ такое положеніе, чтобъ онъ могъ мнѣ возвратить полученное имъ.

Не умѣстное благодѣяніе равняется дурному поступку. Давать достойному, значитъ благотворить всѣмъ.

Первая обязанность человѣка есть довольствоваться тѣмъ, что онъ имѣетъ; вторая помогать нуждающимся.

Должно давать тайно и безъ шума пособія, назначен-

ныя къ облегченію немощи, нищеты, или униженія, дабы эти пособія были извѣстны только получающимъ ихъ; иногда нужно даже употребить благонамѣренное ухищреніе и скрыть даже отъ того, кому мы подаемъ руку помощи.

Ктезибій былъ бѣденъ и скрывалъ свою нужду. Когда онъ занемогъ, то другъ его Арцезилай, желая помочь ему, но такъ чтобы не открыть себя, положилъ подъ его подушку мѣшокъ наполненный деньгами, и такъ далъ ему случай скорѣе найти, нежели принять то, въ чемъ онъ нуждался; но его намѣреніе было угадано: «это схитрилъ Арцезилай, сказалъ Ктезибій, открывши мѣшокъ.

Нужно особенно остерегаться, когда мы дѣлаемъ добро, гордости, которая портитъ все, что даетъ. Благодѣяніе горделиво оказанное дѣлается отвратительнымъ; оно бываетъ пріятно тогда, когда сопровождается кротостію и простотою, приходитъ кстати и безъ свидѣтелей; иначе мы услаждаемся не столько дѣланіемъ добра, сколько его значеніемъ въ глазахъ другихъ. Доброта спѣшитъ помочь: кто даетъ охотно, даетъ скоро; кто отлагаетъ дѣйствовать, тотъ поступаетъ не доброхотно; хотѣть поздно тоже, что не хотѣть. Благодѣяніе предложенное удвоиваетъ цѣну его. Давать скоро, значитъ давать дважды.

У Марка Антонія было отнято все его имущество. «По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, я имѣю все то, что я роздалъ». Въ самомъ дѣлѣ, эти богатства вѣрны; одни они остаются посреди непостоянствъ всего житейскаго, и тѣмъ менѣе они возбуждаютъ зависти, чѣмъ значительнѣе. Съ какою мыслію вы бережете эти сокровища;

какъ будто они вамъ принадлежатъ, когда вы только приставлены къ нимъ? Всѣ эти вещи, которыми вы столько гордитесь, которыя вы запираете за желѣзными рѣшотками, и для которыхъ вы разрываете всѣ узы родства и дружбы, не принадлежатъ вамъ; они ввѣрены вамъ на храненіе, и уже требуютъ другаго владѣльца. Вы спрашиваете: какъ вамъ ихъ себѣ усвоить? Раздавая ихъ. Этимъ средствомъ вы упрочите ихъ себѣ въ вѣчное владѣніе.

Ловкой воръ, разломавъ вашъ сундукъ, унесетъ ваши деньги, безжалостное пламя разрушитъ вашъ родительскій кровъ, должникъ откажетъ вамъ въ уплатѣ капитала и процентовъ, скудная жатва не возвратитъ вамъ даже и семянъ, жестокая зараза опустошитъ ваши стада волны поглотятъ суда ваши, нагруженныя товарами. Но что даемъ мы друзьямъ нашимъ, не поражается судьбой; блага, розданныя вами, одни останутся вамъ навсегда.

Благодѣяніе состоитъ менѣе въ самомъ дѣлѣ, или даяніи, чѣмъ сколько въ расположеніи дѣйствующаго или дающаго. Душа даетъ цѣну благодѣянію; честь же и благодареніе тому, кто дастъ хотя мало, но охотно и благородно.

Дѣлать добро есть счастіе, котораго мы должны искать для него самого; должно помышлять единственно о пользѣ того, кому оказывается благодѣяніе, и отлагать всякую личную выгоду. Сказать себѣ тайно: я дамъ это, а получу то, есть только постыдный разчетъ. Давать съ тѣмъ, чтобъ получить обратно, не значитъ давать; оказывать услугу, чтобъ извлечь изъ того пользу, есть вещь не благородная.

Чужеземецъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ мы живемъ, и долженъ выѣхать изъ него немедленно; мы помогаемъ ему въ этой нуждѣ. Послѣ сего онъ отправляется едва зная, кто оказалъ ему помощь. А такъ какъ онъ не долженъ никогда возвратиться въ нашу страну, то онъ переводитъ долгъ свой намъ на самаго Бога, на Котораго переносится обязанность его благодарности; мы вкушаемъ между тѣмъ удовольствіе, оказавъ услугу свободную отъ всякой корысти.

У грековъ и римлянъ въ прежнія времена наблюдали гостепріимство съ благочестивою заботливостію, и считалось преступленіемъ не принимать странныхъ и бѣдныхъ; ихъ почитали посланниками Божіими. Мало того, они были убѣждены, что Богъ Самъ иногда приходитъ въ образѣ путника, и приближается къ жилищамъ смертныхъ, чтобъ испытать ихъ человѣколюбіе: отсюда готовность народовъ и отдѣльныхъ лицъ предлагать бѣднымъ то, въ чемъ они нуждаются. Одинъ законъ жителей Луканіи гласилъ слѣдующее: «если чужеземецъ, пришедшій передъ захожденіемъ солнца, будетъ просить успокоенія подъ кровомъ гражданина, и этотъ не приметъ странника, то отказавшій чужеземцу въ гостепріимствѣ будетъ наказанъ за жестокость свою и за оскорбленіе, сдѣланное человѣку и Юпитеру Гостепріимцу.»

Мы должны слѣдовать примѣру Божію: посмотрите, что Онъ дѣлаетъ для насъ; сколько благъ каждый день Онъ раздаетъ намъ; какъ Онъ размягчаетъ почву тихими дождями, какъ Онъ покрываетъ землю изобильными плодами, и все это безъ сомнѣнія дѣлаетъ, не получая

отъ того никакой пользы, развѣ мы будемъ считать Его награжденнымъ дымомъ жертвъ и благоуханіемъ ѳиміама. Пусть человѣкъ поступаетъ такимъ образомъ, если онъ не хочетъ отступить отъ своего образа, пусть добродѣтели его творятся не изъ корыстолюбивыхъ побужденій, пусть онъ стыдится продавать свои благодѣянія, когда Богъ изливаетъ ихъ на него, столь обильно и даромъ!

Душѣ великой и благородной свойственно помогать другимъ и быть имъ полезной. Человѣкъ, оказывающій благодѣянія, подражаетъ Богу; требующій возврата ихъ уподобляется ростовщикамъ. Тотъ требуетъ возвращенія благодѣянія своего, который разглашаетъ объ услугѣ имъ оказанной.

Люди, упрекающіе благодѣяніемъ, принадлежатъ къ ненавистному роду. Памятованіе благодѣяній прилично человѣку, получившему его, а забвеніе оказавшему его. Прекрасна эпиграмма Марціала: «Я помню, Постулій, и всегда буду помнить о томъ, что ты мнѣ далъ. Почему же я молчу о томъ? потому что ты о томъ говоришь. Какъ скоро я начинаю разказъ о твоихъ благодѣяніяхъ, тотчасъ всѣ восклицаютъ: онъ уже говорилъ намъ объ этомъ. Есть вещи, которыя не такъ хорошо дѣлаются двоими, гдѣ достаточно одного; не говори, если хочешь, чтобъ я говорилъ. Благодѣянія изчезаютъ въ болтовнѣ благодѣтелей.»

Толпа неблагодарныхъ не должна сокращать вашего усердія къ дѣланію добра, точно такъ какъ святотатство и неблагодарность людей не препятствуютъ Богу продолжать изліяніе Своей милости; будемъ слѣдовать се-

му безсмертному Руководителю, на сколько допуститъ это немощь человѣческая.

Будемъ продолжать расточать благодѣянія и тогда, когда нѣтъ никакой надежды найти благодарныя сердца. Не ослабѣвайте и доканчивайте свое дѣло, исполняйте въ полномъ смыслѣ ваше назначеніе человѣка добродѣтельнаго; однимъ помогайте вашимъ имуществомъ другимъ вашимъ постоянствомъ, тому значеніемъ вашего имени, другому совѣтами, наконецъ еще другимъ вашими наставленіями.

ГЛАВА IX.

О человѣколюбіи къ рабамъ. (*)

Будемъ помнить, что мы должны быть справедливы ко всѣмъ, даже и къ послѣднимъ изъ людей. Эти по-

---

(*) «Мы обязаны христіанству, сказалъ Шатобріанъ, благодѣяніемъ, которое слѣдовало бы вписать золотыми буквами въ лѣтописяхъ философіи: «*уничтоженіемъ рабства*». Рабство уничтожено въ своемъ началѣ въ тотъ день, когда святый Павелъ, проповѣдуя Евангеліе, воскликнулъ: нѣтъ болѣе ни жида, ни еллина, ни раба, ни свободнаго.... *всѣ одно въ Іисусѣ Христѣ*. Слѣдовательно мудрыя предостереженія языческой философіи касательно рабовъ не относятся уже болѣе прямо къ намъ; но добровольное домашнее служеніе имѣетъ также свои трудности и скорби: часто повелѣнія бываютъ суровы и послушаніе не легко; случается, что господинъ употребляетъ во зло повиновеніе служителя, или напротивъ служитель доброту своего господина. Поэтому не безъ пользы будетъ узнать совѣты человѣческой мудрости въ этомъ отношеніи. Мы увидимъ далѣе, до чего возвышается нравственность евангельская.

слѣдніе люди рабы. Мы должны имъ, какъ и всѣмъ наемникамъ, воздавать должную плату за ихъ трудъ.

Съ умѣренностію повелѣвать рабамъ своимъ достойно похвалы. Относительно этого класса людей, мы должны разсматривать не то, до какой степени мы можемъ безнаказанно ихъ заставить страдать, но что дозволено намъ справедливостію, обязывающею насъ къ снисхожденію относительно рабовъ нашихъ, и тѣхъ, которыхъ мы пріобрѣли за денежную плату. Вамъ кажется все дозволеннымъ въ отношеніи раба вашего, потому что вы его купили; однакоже, касательно его, общее правило воспрещаетъ вамъ нѣкоторыя вещи, потому что онъ имѣетъ общую природу съ вами.

Кто не возненавидитъ Ведія Полліона, который утучнялъ своихъ муренъ человѣческою кровію, и приказывалъ бросать въ сажалку тѣхъ изъ рабовъ своихъ, которые провинялись? «Этотъ человѣкъ достоинъ тысячи смертей», сказалъ Сенека. Однажды Ведій угощалъ ужиномъ императора Августа, и молодой рабъ въ это время разбилъ хрустальный сосудъ. Ведій приказываетъ схватить его, и бросить въ сажалку къ муренамъ, хранимымъ въ ней. Рабъ вырывается и падаетъ къ ногамъ Августа, умоляя его не допустить ему сдѣлаться добычею рыбъ. Такая чрезмѣрная жестокость сильно возмутила Августа, и онъ благороднымъ употребленіемъ своей власти возвращаетъ свободу несчастному рабу, приказавъ при себѣ разбить всѣ хрустальные сосуды и засыпать совершенно сажалку.

Иногда приводятъ пословицу: *столько рабовъ, столько враговъ*; но если они враги наши, то мы въ этомъ ви-

новны, потому что забывая, что они люди подобные намъ, обходились съ ними, какъ съ низкими животными.

Мы должны бы помнить, что тотъ человѣкъ, котораго мы называемъ рабомъ своимъ, пришелъ въ міръ, какъ и мы, дышетъ тѣмъ же воздухомъ, живетъ тою же жизнію. (*)

Обращайтесь съ подчиненными вашими такъ, какъ бы вы желали, чтобъ вашъ начальникъ обращался съ вами. Обходитесь кротко съ вашимъ рабомъ, допускайте его снисходительно разговаривать съ вами, давать вамъ совѣты. Не ищите исключительно друзей вашихъ въ форумѣ и сенатѣ; если хорошо осмотритесь, вы найдете друга и въ собственномъ вашемъ домѣ.

Добродѣтель никого не отвергаетъ; она допускаетъ всѣхъ людей, свободныхъ и рабовъ, царей и изгнанниковъ; оцѣнка ея основывается не на значительности доходовъ, но на достоинствѣ самаго человѣка. Рабъ можетъ быть справедливъ, мужественъ, великодушенъ.

Уважайте рабовъ вашихъ не столько за различныя ихъ услуги, сколько за добрые нравы. Безумно было бы, если бъ человѣкъ желающій купить лошадь разсматривалъ не самую лошадь, но только покровъ и узду; не менѣе безуменъ тотъ, который судитъ о человѣкѣ, по одеждѣ или по состоянію. Онъ рабъ, но душа

(*) Человѣчество желало чего-то еще; ему нужно было, чтобъ христіанство прибавило къ упомянутымъ побужденіямъ еще слѣдующія: *Покланяется томуже Богу, благословляетъ того же Искупителя, стремится къ той же вѣчности блаженства и славы.* (Смотри во второй части главу соотвѣтствующую этой).

его можетъ быть независима; онъ рабъ, но припомните, кто изъ насъ не рабъ: одинъ сладострастія, другой корысти, иной самолюбія и всѣ страха? Добровольное рабство изъ всѣхъ самое постыдное.

Примѣръ господъ презрительныхъ и горделивыхъ не долженъ препятствовать вамъ обходиться съ рабами вашими ласково; старайтесь болѣе внушать имъ почтеніе, нежели страхъ. Господа могли бы, кажется, быть довольны тѣмъ, чѣмъ довольствуется Богъ: почтеніемъ и любовію. Вы справедливо желаете, чтобъ рабы не страшились васъ, и для вразумленія наказываете ихъ только словомъ; одни неразумныя животныя требуютъ вразумленія ударами.

Изъ писемъ Плинія видно, какъ велика была снисходительность его къ рабамъ своимъ, какъ онъ сострадалъ ихъ немощамъ и болѣзнямъ, съ какимъ попеченіемъ заботился, чтобъ они не терпѣли недостатка ни въ чемъ, могущемъ служить къ ихъ выздоровленію.

Какъ пріятно рабамъ находить благихъ господъ, а господамъ рабовъ преданныхъ и усердныхъ!

Катонъ старшій находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ раздѣлять труды рабовъ своихъ, садиться за одинъ столъ съ ними и вкушать одну пищу и питье; онъ показывалъ себя столь добрымъ господиномъ, что вездѣ и при всякомъ случаѣ рабы прославляли его великую умѣренность, прилежаніе въ трудѣ, его снисходительное и ласковое обращеніе.

При всемъ томъ однакоже, человѣколюбіе Катона погрѣшало въ одномъ отношеніи: коль скоро рабы его приходили въ старость, онъ ихъ продавалъ, не желая

кормить людей безполезныхъ. Не постыдно ли поступать такъ, и почитать рабовъ наравнѣ съ рабочимъ скотомъ, и въ отношеніяхъ между людьми смотрѣть только на получаемую выгоду?

Были примѣры рабовъ, которые изъ благодарности къ доброму господину и для отвращенія отъ него опасности, подвергались ей сами. Господинъ не загражадлъ ихъ устъ; они имѣли право говорить при немъ, и съ нимъ самимъ, но за то они показали, что умѣютъ молчать среди самыхъ мученій.

Кто не восхитится преданностію раба Паноніа? Узнавъ, что воины пришли убить его господина, который былъ осужденъ, онъ мѣняется съ нимъ одеждой, выпускаетъ его заднею дверью, входитъ въ комнату его, ложится на его постель, и даетъ умертвить себя вмѣсто Паноніа?

Другой осужденный, Каій Плотій Планкъ, укрывался; преслѣдователи схватили его рабовъ и подвергли ихъ пыткѣ, чтобъ узнать отъ нихъ, гдѣ находится ихъ господинъ: всѣ сохраняли молчаніе. Но Планкъ не потерпѣлъ, чтобы долѣе продолжалось мученіе рабовъ столь изумительной вѣрности; онъ вышелъ и выдалъ себя воинамъ головою. То была славная борьба великодушія между господиномъ и рабами, которые равно были достойны: господинъ находитъ столь благородное постоянство въ рабахъ, и рабы въ господинѣ своемъ столь справедливое состраданіе.

ГЛАВА X.

О лжи и клятвѣ.

Есть два способа вредить: насиліемъ и хитростію. Хитрость, самый худшій.

Нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ носить личину человѣка хорошаго, а въ самомъ дѣлѣ только и думать о томъ, чтобы обманывать. Показывать ложный видъ доброты на словахъ есть высшая степень испорченности.

Злой человѣкъ, представляющій себя добрымъ, хуже всякаго открытаго злаго.

Никогда во всю жизнь нашу мы не должны дѣйствовать съ притворствомъ и лукавствомъ. Разсудокъ осуждаетъ всякой обманъ и всякой дурной умыселъ.

По чувству справедливости, мы должны всегда говорить правду. Ложь есть несправедливость.

Человѣку добродѣтельному не можетъ придти на мысль лгать для собственной своей пользы.

Мы желали бы, чтобъ люди сильные и великодушные были бы вмѣстѣ добры и простосердечны, любили бы правду и ненавидѣли ложь. «Я ненавижу столько же, сколько врата ада, говорилъ Ахиллъ, того, кто говоритъ одно, а въ сердцѣ своемъ скрываетъ другое.»

Мы ни о чемъ не должны такъ заботиться, какъ о томъ, чтобъ души наши были чисты и слова справедливы.

Человѣкъ несправедливый бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нечестивымъ, ибо люди созданы для того, чтобы помогать другъ другу, а не вредить, и тотъ, который нарушилъ этотъ законъ природы, творитъ нечестіе.

Научайтесь выслушивать и говорить правду. Болѣе всего надобно пріучать дѣтей говорить правду: ложь есть подлость, достойная всеобщей ненависти.

Лжецамъ не вѣрятъ даже и тогда, когда они говорятъ правду.

Рѣдко прощаютъ тѣмъ, которые, чтобы скрыть свои прегрѣшенія, прибѣгаютъ ко лжи.

Истину нарушаютъ не только словомъ, но даже молчаніемъ, когда этимъ скрываютъ ее.

Какая разница между клятвопреступникомъ и лжецомъ? Человѣкъ, который привыкъ лгать, легко можетъ и нарушить клятву. Господь наказуетъ клятвопреступника; Онъ наказываетъ также и ложь.

Чтобъ не нарушить клятвы, не надобно опрометчиво и часто давать ее, но произносить въ крайней необходимости и въ важныхъ случаяхъ. Тѣмъ легко будутъ вѣрить, которые доказываютъ всею своею жизнію, что для нихъ и безъ клятвы истина всего святѣе на свѣтѣ.

Привычка кляться вовлекаетъ въ клятвопреступленіе; клясться безъ нужды не достойно человѣка.

Сколько возможно, удерживайтесь отъ клятвы. Клятвою мы призываемъ имя Божіе въ свидѣтельство нашихъ словъ, что противно вѣрѣ и благочестію; ибо величіе имени Божія не должно касаться дѣлъ человѣческихъ, бо̀льшею частію мелочныхъ и ничтожныхъ.

Если требуютъ отъ васъ клятвы, то вы только въ двухъ случаяхъ можете дать ее законно: если васъ обвиняютъ въ безчестіи, и вы должны оправдаться, или если необходимо извлечь друзей изъ опасности. Но когда

дѣло идетъ о деньгахъ, то не призывайте имени Божія, какъ бы справедливы ни были ваши требованія.

Пиѳагоръ совѣтывалъ ученикамъ своимъ съ осмотрительностію и не часто произносить клятвы, но безукоризненною жизнію заслужить, чтобы имъ вѣрили и безъ клятвы.

Аѳиняне благороднымъ образомъ доказали свое уваженіе Ксенократу, человѣку знаменитому своею мудростію и почтенному своею нравственностію. Онъ публично сдѣлалъ какое-то показаніе, и по обычаю грековъ, хотѣлъ приблизиться къ олтарю, чтобы клятвою подтвердить свои слова; но судьи единогласно воскликнули, что такой человѣкъ, какъ онъ, не долженъ клясться; до такой степени они довѣряли его правдивости.

Тотъ, кто нарушаетъ клятву, заслуживаетъ поношенія отъ людей и наказанія отъ Бога. Онъ можетъ скрыться отъ людей, но не можетъ избѣгнуть гнѣва Божія.

Тотъ, кто прибѣгаетъ къ клятвѣ, чтобъ обмануть своего врага, доказываетъ, что онъ боится человѣка болѣе, нежели Бога.

Египтяне осуждали клятвопреступниковъ на смерть, потому что они нарушали благочестіе предъ Богомъ, и уничтожали довѣріе, самую крѣпкую связь человѣческаго общества.

ГЛАВА XI.

О злорѣчіи.

Злорѣчивый легко можетъ сдѣлаться и преступникомъ.

Злорѣчіе причиняетъ такой вредъ доброму имени, что важность его трудно и оцѣнить.

Нѣтъ ничего быстрѣе злорѣчія: оно легко произносится, скоро принимается и далеко распространяется.

Стыдъ и безчестіе тому человѣку, который отрекается отъ своего отсутствующаго друга, и не защищаетъ его противъ обвиненія, который многорѣчивъ, любитъ возбуждать смѣхъ, прикидываться знающимъ все, даже чего не знаетъ, и не умѣетъ сохранить повѣренной ему тайны.

Злой языкъ есть признакъ злаго сердца. Не довѣряйте легко обвиненіямъ.

Поспѣшность въ сужденіяхъ вовлекаетъ въ большія заблужденія.

«Если ты видишь проступки другаго, говорилъ Маркъ Аврелій, подумай, что ты имѣешь ихъ болѣе, нежели онъ.»

«Не говори зла ни о другѣ, ни о недругѣ,» говоритъ Питтакъ.

ГЛАВА XII.

О томъ, какъ надобно поступать съ врагами.

Мстить предосудительно, хотя мщеніе часто извиняется.

Не дѣлайте никому зла, какое бы зло вамъ ни причинили. Не надобно никому вредить.

На насъ лежитъ нѣкотораго рода обязанность въ отношеніи людей, которые насъ обидѣли. Есть способъ наказывать и отмщать добромъ, и мы должны быть удовлетворены, если обидѣвшій насъ чувствуетъ раскаяніе.

Катонъ старшій говорилъ, что онъ прощалъ другимъ всѣ ошибки, но себѣ никогда.

Похвально за благодѣяніе платить благодѣяніемъ, но не благородно за обиду платить обидой. Въ первомъ случаѣ постыдно быть побѣжденнымъ, то-есть за благодѣяніе заплатить неблагодарностію, а во второмъ постыдно торжествовать, то-есть отмстить за обиду. Слово *мщеніе* не должно быть допущено человѣкомъ, хотя, по какому-то ложному понятію, иногда мщеніе смѣшиваютъ съ справедливостію.

Отрадно видѣть человѣка недоступнаго никакому пораженію, котораго не уязвляетъ никакая несправедливость, никакое оскорбленіе! Желаніе мстить доказываетъ сознаніе оскорбленія, это — печальное наслажденіе слабаго ума и болѣзненной души. Благородно подражать гордому льву, который спокойно слушаетъ лай стаи собаченокъ.

Прощеніе лучше мщенія: первое обнаруживаетъ человѣческое свойство, другое звѣрское побужденіе.

Стараться за уязвленіе заплатить уязвленіемъ, за зло злом ъ есть влеченіе дикаго звѣря, а не человѣка.

Для возвышеннаго сердца забвеніе обиды служитъ утѣшеніемъ за обиду.

Адріанъ, когда былъ частнымъ человѣкомъ, имѣлъ у себя много враговъ; сдѣлавшись императоромъ, онъ и не помышлялъ о мщеніи, а встрѣтившись съ однимъ изъ своихъ злѣйшихъ непріятелей сказалъ: «теперь вы спасены.»

«Много времени провелъ я въ академіи, говорилъ Діонъ, чтобы научиться побѣждать гнѣвъ, упрямство и

другіе пороки этого рода. Доказательствомъ такой побѣды служитъ не то, что дѣлаешься добрымъ къ друзьямъ и людямъ хорошимъ, но то, что пріобрѣтаешь мягкосердіе и снисходительность къ злымъ и къ отъявленнымъ врагамъ. По законамъ человѣческимъ, кто отмщаетъ за полученную обиду, менѣе виновенъ, нежели тотъ, кто первый нанесъ оскорбленіе. А по истинѣ, какъ мщеніе, такъ и обида происходятъ отъ слабости души, и нѣтъ человѣка столь злаго и грубаго, который бы не былъ смягченъ благодѣяніями.

Лучше стараться смягчать обижающаго благодѣяніями, нежели искать утѣшенія въ ненависти.

Будемъ до конца жизни трудиться для общаго блага и поощрять другихъ къ служенію даже врагамъ нашимъ.

Лучшій способъ мстить за обиду, есть не подражать тѣмъ, которые оскорбляютъ.

Пусть презираютъ меня, но я съ своей стороны ничего не буду дѣлать и говорить достойнаго презрѣнія. Пусть ненавидятъ меня, но я буду кротокъ и благосклоненъ ко всѣмъ, даже къ тому, кто меня ненавидитъ. Всегда буду готовъ доказать ему заблужденіе, его не для того чтобы пристыдить его, не для того чтобы высказать свое мягкосердіе, но изъ желанія просто и добродушно убѣдить его, что я не увлекаюсь ни гнѣвомъ, ни обидой.

«Надобно жить такъ, говоритъ Пиѳагоръ, чтобъ мы враговъ своихъ сдѣлали друзьями, а не друзей врагами.»

Благодѣтельствуй своимъ друзьямъ, чтобъ они еще болѣе тебя любили, благодѣтельствуй врагамъ, чтобы они наконецъ сдѣлались твоими друзьями.

«Кротость имѣетъ въ себѣ непреодолимое могуще-

ство, говорилъ Маркъ Аврелій, когда она искренна, непритворна и неизысканна. Самый злой человѣкъ ничего не можетъ тебѣ сдѣлать, если ты будешь съ неизмѣнной кротостію обращаться съ нимъ, если ты, даже въ то самое время, когда онъ будетъ стараться вредить тебѣ, съ смиреніемъ будешь давать ему совѣты и поученія; если ты скажешь: «сынъ мой, мы не для того рождены, чтобы ссориться. Ты не можешь причинить мнѣ большаго вреда, но ты дѣлаешь его себѣ.» Ты долженъ убѣдить его, что его поступокъ не естественъ, что ниодно изъ животныхъ обитающихъ вмѣстѣ, даже пчелы не поступаютъ такъ другъ съ другомъ. Не убѣждай съ насмѣшкою или заносчиво, но покойно и дружелюбно, не съ самонадѣянностію и какъ бы для того, чтобы тебѣ удивлялись, но обращайся къ нему, имѣя въ виду единственно его, хотя бы тутъ были и свидѣтели.»

Только великая душа владѣетъ высшею способностію переносить обиды, и ничего не можетъ быть славнѣе государя, который не мститъ за оскорбленіе. Цицеронъ хвалилъ Кесаря за то, что онъ ничего не забывалъ, кромѣ обидъ.

Люди обыкновенные довольствуются тѣмъ, что не обращаютъ вниманія на враговъ своихъ; мудрые умѣютъ извлечь отъ нихъ пользу. Враги неусыпно слѣдятъ за нашими дѣлами и словами, уловляя случай повредить намъ; будемъ стараться не предоставлять имъ такого случая, и тогда бдительность надъ собственными своими дѣйствіями пріучитъ насъ къ безукоризненной жизни и заставитъ полюбить ее.

Хотите ли наказать врага вашего? Не осыпайте его поношеніями, но старайтесь сами быть человѣколюбивы, цѣломудренны, честны, однимъ словомъ, по возможности достигайте совершенства.

Аѳинскіе ораторы разъ публично осыпали Филиппа, царя македонскаго, самыми жестокими упреками. «Я имъ благодаренъ, говорилъ онъ; впредь я буду стараться убѣдить ихъ моими словами и дѣйствіями, что они ошибались.»

Антисѳенъ справедливо говорилъ, что тотъ, кто хочетъ укрѣпиться въ добродѣтели, долженъ имѣть или искреннихъ друзей, или неукротимыхъ враговъ; первые отвратятъ его отъ пороковъ своими совѣтами, вторые своими обвиненіями. Но въ нашъ вѣкъ, къ несчастію, дружба многорѣчива для похвалы, но безмолвна для порицанія, и иногда развѣ въ тихомолку дозволяетъ себѣ легкія замѣчанія. Поэтому остается именно только изъ устъ враговъ слышать правду.

Часто насмѣшка, которою кто нибудь въ гнѣвѣ уязвлялъ насъ, открывала и изцѣляла тайное зло, скрывавшееся въ нашей душѣ и омрачавшее ее.

Если врагъ справедливо укоряетъ васъ въ какомъ нибудь рѣзкомъ недостаткѣ, то вы должны немедленно исправиться. Если же вы непричастны ему, то постарайтесь узнать, что дало поводъ къ обвиненію, и впредь также остерегайтесь того недостатка.

Душевные и тѣлесные недостатки скорѣе открываются врагами нашими, нежели друзьями, ибо какъ говоритъ Платонъ: «*любовь слѣпа.*»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первая часть этого сочиненія извлечена изъ классическихъ писателей, которыхъ старый и новый университетъ благоразумно вручилъ молодымъ людямъ для образованія ихъ ума и сердца; и дѣйствительно, при одномъ свѣтѣ разума, греки и римляне оставили міру важныя и полезныя наставленія.

Но разумъ человѣческій слишкомъ ограниченъ; даже когда онъ достигаетъ высшей степени развитія и силы, кругъ имъ объемлемый слишкомъ тѣсенъ, чтобъ удовлетворить существо, понимающее высокое свое назначеніе.

Природный разумъ, со времени грѣхопаденія предоставленный собственнымъ силамъ, не могъ открыть, сколько величія и славы вмѣщаются въ душу, созданную по подобію Божію; и у всѣхъ древнихъ народовъ, кромѣ еврейскаго, Богъ оставался *Богомъ невѣдомымъ*.

Съ христіанствомъ горизонтъ разширился дивнымъ

образомъ; явился новый міръ: съ одной стороны всѣ добродѣтели, признанныя и прославленныя разумомъ, приняли обширнѣйшіе размѣры, а съ другой стороны возсіяли для человѣка и новыя добродѣтели, существованія которыхъ онъ даже не подозрѣвалъ.

Предлагаемое нами изложеніе христіанской нравственности, при всемъ несовершенствѣ своемъ, вполнѣ уяснитъ намъ эту истину.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Христіанская нравственность.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ БОГУ. (*)

ГЛАВА I.

О бытіи Божіемъ и совершенствахъ Его.

«Рѣче безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.»

Но не въ умѣ и не въ сознаніи безумецъ повторяетъ эти ужасныя слова: нѣтъ Бога.

Для него, какъ и для всѣхъ людей, «небеса проповѣдаютъ славу Божію и о дѣлахъ Его вѣщаетъ твердь.»

«День дню переливаетъ слово, и нощь нощи открываетъ познаніе. Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, на которомъ бы не былъ слышенъ голосъ ихъ.

(*) Въ прежнемъ сочиненіи мы имѣли случай замѣтить, что по настоящему всѣ человѣческія обязанности суть обязанности къ Богу, вѣчному и неисчерпаемому источнику всѣхъ благъ, правды и истины; что къ этому основному началу относится всякій долгъ

«Звукъ ихъ проходитъ по всей землѣ, и слова ихъ до предѣла вселенныя. Солнцу поставилъ Онъ въ нихъ жилище, и оно выходитъ, какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего, какъ исполинъ, веселясь, пробѣгаетъ путь. На краю неба восходъ его и шествіе его до краевъ его, и никто не сокрытъ отъ теплоты его (*).» *(Псал. 18).*

человѣка. Однако, мы нашли удобнымъ распредѣлить ихъ такимъ образомъ: обязанности къ Богу, обязанности къ самому себѣ и обязанности къ ближнему.

Это самое раздѣленіе вызвало строгую критику со стороны извѣстнаго писателя, котораго мы высоко уважаемъ. «Писатели не подозрѣваютъ, говоритъ этотъ сочинитель, что признавая обязанности человѣка въ отношеніи къ самому себѣ, они ставятъ на ряду съ христіанскимъ правиломъ самоотверженія и совершенной зависимости твари языческое мнѣніе о самозаконіи и о безусловной независимости воли человѣческой.» (Нравственная философія, 2 часть стр. 324). Признаться, такое важное обвиненіе удивило, но не убѣдило насъ, и чтобъ успокоить себя, не будемъ далеко искать. На той же страницѣ, которую мы здѣсь привели, сказано: что всякая обязанность есть долгъ; долгъ, или потому что я обязанъ за даръ, или потому что высшая власть, воля которой есть законъ, *вступаетъ по праву въ управленіе моею волею.* Этого достаточно. Верховная власть самаго Бога повелѣла человѣку любить себя: заботиться о сохраненіи жизни, пещись о нуждахъ своихъ, образовывать умъ, развивать способности свои, искать правды и истины, сохранять природное достоинство, и не только соблюдать въ цѣлости благородную природу, которою одаренъ, но возвратить ее Творцу, усовершенную по возможности. Отсюда происходятъ обязанности человѣка къ самому себѣ.

(*) Нельзя не узнать въ предложенномъ отрывкѣ живаго, картиннаго и привлекательнаго слога св Писанія; особенно въ псал-

«Ты облекся свѣтомъ, какъ ризою, простеръ небеса, какъ шатеръ. Водами покрылъ свои горнія селенія; облака содѣлалъ своею колесницею, шествуешь на крыліяхъ вѣтра. Ты вѣтры дѣлаешь своими вѣстниками, и пламень огненный служителемъ своимъ (творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный). Ты утвердилъ землю на основаніяхъ ея, такъ что она не поколеблется во вѣки и вѣки. Бездною, какъ одѣяніемъ, покрылъ Ты ее; на горахъ стоятъ воды; отъ грознаго повелѣнія Твоего бѣгутъ они, отъ громоваго гласа Твоего устремляются. Восходятъ на горы, нисходятъ въ долины, на мѣсто, которое Ты утвердилъ для нихъ. Ты положилъ предѣлъ, котораго не преступаютъ, ни возвращаются покрыть землю.» *(Псаломъ 103).*

«Ибо невидимое Его, Его вѣчная сила и Божество, отъ самаго сотворенія міра видимы чрезъ разсматриваніе тварей, такъ что они (люди) безотвѣтны. *(Посланіе къ Рим. гл. 1, ст. 20.)*»

«Когда еще не родились горы, и не устроена была земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка ты, Богъ.» *(Псал. 89 молитва Моисея.)*

«Азъ есмь сый, глаголетъ Господь Богъ, имя Мое превѣчное:» Азъ есмь сый и иже бѣ и грядый, Вседержитель.» *(Откр. I. глав. 1 стр. 8.)*

Богъ есть существо необходимое, безусловное, независимое отъ всякаго другаго существа; Богъ само-

---

махъ какая поэтическая красота! Богу угодно было, чтобъ въ религіозныхъ истинахъ находилось все, что можетъ привлечь и привязать.

сущій. Въ Немъ полнота жизни, и Онъ обладаетъ безконечнымъ совершенствомъ!

Духъ чистый, не подлежащій чувствамъ человѣческимъ.

Вѣчный, безначальный и безконечный. «Господи, небеса дѣло рукъ Твоихъ, они погибнутъ, а Ты пребудешь, и всѣ они обветшаютъ, но Ты Тотъ же, и лѣта Твои не истощатся». *(Псал. 101)*

Неизмѣнный: Онъ безстрастенъ, Онъ претворяетъ дѣла рукъ Своихъ, но вѣчные совѣты Его непреложны; въ твореніяхъ Своихъ Онъ измѣняетъ, что благоразсудитъ, а Самъ всегда Тойже пребываетъ.

Всевѣдущій: ничто не можетъ быть сокрыто отъ свѣта Его. Онъ видитъ будущее, какъ и настоящее и прошедшее, или, лучше сказать, все для Него вѣчно, какъ настоящее. Вся исторія рода человѣческаго для Него существовала отъ вѣка. Лишь только Онъ опредѣлилъ созданіе міра, Онъ увидѣлъ и позналъ все, что̀ будутъ думать, желать, говорить и дѣлать всѣ люди, при всей независимости и свободѣ мыслей и дѣйствій ихъ. Конечно; это глубокая тайна; но отрицая одно, отвергаютъ Бога, отрицая другое, уничтожаютъ человѣка.

«Господи ты проникаешь меня и знаешь. Ты знаешь, когда я лягу и когда встану. Ты предусматриваешь мысль мою издали; въ пути моемъ и въ отдохновеніи Ты окружаешь меня; всѣ стези мои Тебѣ извѣстны. Еще нѣтъ слова на языкѣ моемъ, а Ты, Господи, уже знаешь все. Внутри и снаружи, Ты устроилъ меня, и наложилъ на меня десницу Твою. Чудно для меня вѣдѣніе Твое; высоко; не постигаю его. Куда уйду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу? Взойду ли

на небо, Ты тамъ; сойду ли въ преисподнюю, и тамъ Тебя нахожу. Понесусь ли на крыліяхъ зори, переселюсь ли на край моря: и тамъ рука Твоя поведетъ меня и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: по крайней мѣрѣ, тьма сокроетъ меня. И тьма не затмитъ отъ Тебя и ночь свѣтла, какъ день, тьма тоже, что свѣтъ.» (Псал. 138)

Всемогущій, Вседержитель: Онъ все можетъ, и всѣмъ управляетъ; волею Его все въ мірѣ устроено, и все, что не Онъ, погибло бы, ежели бы на то была воля Его. Онъ сотворилъ всяческая; Имъ все содержится, и Онъ всѣмъ располагаетъ, по благоизволенію Своему. Господи, предъ Тобою вселенная легкое зерно на вѣсахъ, какъ капля утренней росы, каплющая на землю. Ты Единъ всемогущъ, и противъ силы мышцы Твоей кто устоитъ?

Всѣ событія въ мірѣ отъ Бога; Его промыслъ проникаетъ до конечныхъ подробностей дѣйствій всякой твари, до движенія предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, и все обращено во славу Его. Всякое благо отъ Него происходитъ, а зло Онъ допускаетъ потому только, что можетъ извлечь изъ него большое добро. Наводитъ скорбь на праведныхъ, и доводитъ ихъ до крайней безвыходности, но никогда не оставляетъ; напротивъ часто посылаетъ недостойнымъ на нѣкоторое время благополучіе, которое они во зло употребляютъ, а ихъ беззаконія и сопротивленія вызываютъ то правосудіе, то милосердіе Божіе: однимъ словомъ все служитъ къ исполненію верховныхъ опредѣленій и къ проявленію благости, величія и всемогущества Божія.

«Онъ даетъ цвѣтамъ ихъ прелесть, дереву обиліе зрѣлыхъ плодовъ; Онъ посылаетъ съ мѣрою и зной дня и прохладу ночи, и благословляетъ жатву.

(Изъ Расина).

«Всѣхъ зоветъ на пиръ природы, и мотылёкъ не забытъ щедротой Его.»

(Изъ Ла Мартина).

Да, конечно, Богъ управляетъ міромъ съ безконечною благостію. но могущество Его равняется Его благости.

Единъ Богъ, и нѣтъ инаго Бога; многобожіе—безбожіе. сказалъ Тертулліанъ; два существа всесовершенныя непостижимы.

Но это существо всесовершенное и необходимое, единое разумное, вѣчное, безпредѣльное, всемогущее, это существо нераздѣльное, которому мы поклоняемся призывая великое имя Его, есть Богъ, Единый въ трехъ отдѣльныхъ ипостасяхъ, Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый; три ипостаси несліянныя, Троица въ единицѣ.

«Въ началѣ, говоритъ Боссюэтъ, прежде всѣхъ вѣковъ, и отъ вѣчности былъ Богъ; единъ Богъ въ трехъ лицахъ: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. Духъ всеблаженный и всесильный. Онъ всеблаженный, въ Себѣ обрѣтаетъ блаженство Свое; всесильный, Онъ можетъ изъ ничего сотворить все, что угодно Ему. Итакъ, кромѣ Бога Отца и Сына и Святаго Духа, все видимое и невидимое вовсе не существовало.

Всѣ три ипостаси Божества соприсносущны Себѣ и равны въ величествѣ и премудрости, въ силѣ и славѣ, въ вѣчности и совершенствѣ, словомъ, единое естество.

«Каждая изъ нихъ есть Богъ: Богъ Отецъ, Богъ «Сынъ, Богъ Духъ Святый, однакоже не три Бога, «но единъ Богъ. Отецъ ни отъ кого есть сотворенъ, ни «созданъ, ниже рожденъ; Сынъ отъ Отца самаго есть, «не сотворенъ, ни созданъ, но рожденъ; Духъ Святый «отъ Отца не сотворенъ, ни созданъ, ниже рожденъ, но «исходящъ» (*).

«И Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины *(Іоан. 1—14)*.

Единый Богъ въ Трехъ Лицахъ, и вочеловѣченіе превѣчнаго Слова «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія»—вотъ двѣ таинственныя основы, на которыхъ утверждена христіанская нравственность.

Громче, настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо надобно провозглашать, что та чистая, безпорочная, высокая нравственность, которую родъ человѣческій знаетъ уже девятнадцать вѣковъ, есть даръ и плодъ вѣры христовой.

Справедливо признать, что въ этомъ смыслѣ вѣра и нравственность не разлучны: нравственность есть зданіе, основанное на вѣрѣ; отвергая одно, разрушаешь и другое. Утверждать, что можно удержать христіанскую нравственность, не сохраняя вѣры, это безумная мечта неблагодарнаго сердца. Это значитъ отвергать камень, который долженъ быть главою угла.

«Нравственность безъ догматовъ вѣры, подобна правосудію безъ судебныхъ мѣстъ».

(Портальсъ).

(*) Содержащееся въ этомъ параграфѣ ученіе Западной Церкви о св. Троицѣ замѣнено ученіемъ Православной Церкви.

«Единство трехъ лицъ Божества, говоритъ еще Боссюэтъ, предложено намъ въ образецъ нашего единодушія.» Да будутъ всѣ они едино: какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино!» *(Іоан. 17, 21)*. О Боже, Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, я признаю себя во всемъ и вездѣ созданнымъ по образу Твоему, по образу Святой Троицы, сообразно съ словомъ Твоимъ: *сотворимъ человѣка, по образу нашему и по подобію*, когда и союзъ, который Ты заповѣдалъ намъ, есть слабое изображеніе всецѣлаго единства Твоего. Да умножится безконечно любовь въ вѣрующихъ, чтобъ приблизиться къ недостижимому образцу совершенства предложенному намъ. Мы можемъ только постоянно подражая ему преуспѣвать въ любви, сообщая посильно братіямъ нашимъ все, что дано намъ: познаніе, ученіе, совѣтъ, наставленіе къ исправленію, любя, назидая, подавая примѣръ добродѣтелей и взаимнаго снисхожденія, тѣмъ болѣе еще: имѣніе, богатство, все достояніе, даже хлѣбъ, которымъ питаемся, должны мы раздѣлять съ неимущими.»

Здѣсь мы видимъ примѣръ счастливаго примѣненія самыхъ высокихъ и непостижимыхъ догматовъ нашей святой вѣры къ руководству жизни. Эта неразрывная связь вѣры и нравственности доказываетъ именно, какъ далеко отстоятъ положенія древней философіи, начертанныя людьми и переданныя людскимъ пересудамъ, отъ ученія евангельскаго, которое основано на словѣ Божіемъ, сіяетъ примѣромъ самаго Господа, запечатлѣно божественною кровію Христа Спасителя.

«Внѣ христіанства всегда чего-то недоставало въ понятіи о Богѣ: въ философіи оно безжизненно, бездѣйственно, даже отрицательно. Одно Евангеліе открыло намъ Бога, самовластнаго, облеченнаго въ лѣпоту и совершенство. По мѣрѣ того, какъ познаніе Христа слабѣетъ въ насъ, мысль о Богѣ затмѣвается, и мы забываемъ великія и священныя свойства Его.» *(О воспитаніи. Соч. г-жи Неккеръ. Т. 2, ст. 215).* И подлинно, какъ сказано въ Евангеліи: «Никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо Мною.» *(Іоан, 14—67).*

«Духъ Святый (Духъ истины) научитъ васъ всему *(Іоан. 14—21).*

Богъ такъ возлюбилъ міръ, что послалъ Сына Своего на смерть, и смерть крестную, чтобъ спасти насъ погибающихъ; но Онъ наказываетъ лишеніемъ благодати Своей окаменное нечувствіе тѣхъ, которые отвращаются отъ такой любви, оскорбляютъ пострадавшаго за насъ, и не умѣютъ цѣнить искупленія, возстановляющаго падшее человѣчество.

Богъ и человѣкъ, Творецъ и тварь, бездна разлучающая ихъ можетъ быть наполнена единственно посредникомъ Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ. Во всѣ времена, съ появленія христіанства на землѣ исполняется ужасный приговоръ самаго Господа: «ненавидящій Меня, ненавидитъ и Отца моего *(Іоан. 15—23).*»

Да, кто презираетъ Іисуса Христа, тотъ и Бога презираетъ, и вслѣдствіе того увлекается непреодолимо изъ одного заблужденія въ другое, и наконецъ въ мрачную бездну невѣрія.

«Всѣ тѣ, которые ищутъ Бога безъ Іисуса Христа, не находятъ никакого руководящаго свѣта, или истинно имъ полезнаго. Іисусъ Христосъ есть центръ всего, и кто не имѣетъ познанія о Немъ, не знаетъ ни порядка міросданія, ни себя самаго. Въ Немъ наше счастіе, добродѣтель, жизнь, свѣтъ, надежда, все въ Немъ; а безъ Него одни пороки, бѣдствія, мракъ и отчаяніе; безъ Него и въ естествѣ Божіемъ и въ природѣ человѣческой мы видимъ только затмѣніе и неустройство. *(Изъ мыслей Паскаля. Часть 2, ст. 15).*» И не только каждый человѣкъ особо, удаляясь такимъ образомъ отъ Бога, терпитъ лишеніе внутренней жизни: весь общественный порядокъ отъ этого терпитъ и унижается. По мѣрѣ того, какъ понятіе о Богѣ слабѣетъ, недовѣрчивость къ людямъ дѣлается сильнѣе, и ощущается все болѣе въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Сознаютъ смутно, какъ бы не хотя, и боятся вѣрить тому, что отнявъ понятіе о Богѣ, не останется никакого вѣрнаго оплота противъ страстей, увлекающихъ сердце, ослѣпляющихъ разумъ и развращающихъ волю человѣка; боятся, стараются оберегать себя, употребляя хитрости тревожной и мнительной предосторожности противъ ухищреній своекорыстія.

ГЛАВА II.

О богопочтеніи.

«Возлюбиши Господа Бога твоего и сохраниши оправданія Его, и заповѣди Его, и суды Его во вся дни». *(Втор. XI, 1).*

«Благоволеніе Господне, еже отступити отъ лукав-

ства, и очищеніе есть, еже отступити отъ неправды.» *(Сир. XXXV, 3).*

«Приношеніе праведнаго благоуханіе предъ Вышнимъ: жертва мужа праведнаго пріятна, и память его не забвена будетъ.» *4. 5.*

«Соблюдаяй законъ, умножаетъ приношенія; приноситъ жертву спасенія внимаяй заповѣдемъ.» *1.*

«Иже приноситъ жертву отъ неправды, приношеніе порочно, и не суть во благоволеніе дары беззаконныхъ: не благоволитъ Вышній о приношеніи нечестивыхъ, ни множествомъ жертвъ очиститъ грѣхи. Яко жряй сына предъ отцемъ его, тако приносяй жертвы отъ имѣнія убогихъ» *XXXIV, 18—20.*

«Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь; исполненъ есмь; всесожженій овнихъ и тука агнцевъ, и крове юнцевъ и козловъ не хощу.»

«Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа Моя.»

«Измыйтеся, чисти будете, отъимите лукавство отъ душъ вашихъ предъ очима Моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ. Научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу. И пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще будутъ, яко червленое, яко волну убѣлю.» *(Ис. I).*

«Разрѣшай всякъ союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенная въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племене твоего не презри».

«Тогда воззовеши, и Богъ услышитъ тя, и еще глаголющу ти, речетъ: се пріидохъ! *(Ис. LVIII 6—9).*

«Зане милости хощу, а не жертвы и увѣденія Божія, нежели всесожженія. *(Ос. VI. 6).*

«Познай человѣкъ, что полезно тебѣ, и что Господь повелѣваетъ: чтобъ ты дѣйствовалъ праведно, любилъ милосердіе и смиренно покорялся бы Богу.

«Еда угодны Господу всесожженія и жертвы, якоже послушати гласа Господня; се послушаніе паче жертвы благи, и покореніе паче тука овня *(1. Пар. XV, 22).*

«Поклоняться Богу, значитъ смиряться, уничижаться въ присутствіи Его, любить Его болѣе себя, желать пришествія царствія Его, сознавать, что мы принадлежимъ Ему, что для Него и Имъ живемъ, и что крайне безразсудно желаніе жить независимо и только для себя.

«Хваленіе, благословеніе, славословіе благодареніе— вотъ тѣ духовныя чувства, изъ которыхъ состоитъ поклоненіе въ духѣ и истинѣ, котораго Богъ требуетъ отъ насъ. Чтобъ возбудить насъ къ исполненію священнаго долга, Церковь установила дни, особенно посвященные Богу: дни святой радости, когда духъ болѣе удаляется отъ міра и прилѣпляется къ Богу; дни исключительно посвященные молитвѣ и дѣламъ милосердія *(Николь)* (*).

(*) Люди истинно благочестивые и друзья человѣчества замѣчаютъ съ удовольствіемъ, что правительство подаетъ примѣръ, какъ чтить воскресные дни, запрещая въ оные всѣ общественныя работы, кромѣ случаевъ необходимости. По этому предмету сдѣлано много дѣльныхъ распоряженій. Много фабрикантозъ и купцовъ

Что для мысли слово, то для вѣры общественное богослуженіе.

Для человѣческаго достоинства довольно мысли безъ словъ, но тогда не было бы общества. И безъ общественнаго богослуженія вѣра была бы союзомъ человѣка съ Богомъ; но мы не вкусили бы сладости общественной молитвы, не знали бы силы добраго примѣра и божественной прелести трогательныхъ обрядовъ Церкви, гдѣ бѣдный поселянинъ молится вмѣстѣ съ царемъ и епископомъ, и съ тѣмъ же дерзновеніемъ приступаетъ къ причащенію Святыхъ Таинъ.

«Въ обрядахъ Церкви, говоритъ Флёри, заключается одно изъ главныхъ средствъ, которыми вѣра утверждается изъ рода въ родъ... Въ нихъ чувственнымъ образомъ проявляется и свидѣтельствуется вѣра, какъ и въ Писаніи сказано. Торжественность праздниковъ Рождества Христова и Пасхи всегда напомнитъ самымъ грубымъ людямъ, что Спаситель пришелъ на землю, умеръ и воскресъ для нашего спасенія. Христосъ рождается! Христосъ воскресъ! Доколѣ будетъ совершаться Таинство Крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, будетъ исповѣдываться вѣра въ Святую Троицу; покуда будетъ совершаться литургія, будетъ выражаться вѣра въ Таинство Евхаристіи. Молитвы, сложенныя отцами Церкви, всѣ повторяютъ исповѣданіе вѣры въ силу благодати, какъ замѣтилъ блаженный Августинъ. Псал-

---

обязались прекращать работы въ воскресные и праздничные дни. Есть надежда, что въ этомъ отношеніи Франція возвратится наконецъ на путь, который она издавна указывала другимъ народамъ.

моленіе и чтенія, которыя составляютъ службы церковныя, побуждаютъ насъ къ сохраненію св. Писаній и къ изученію языка, освященнаго словомъ Божіимъ.

«Благочестіе есть высочайшая премудрость». *(Изъ мыслей Жубера)* (*).

«Молитва и хожденіе предъ Богомъ есть жизнь христіанина и необходимое средство выраженія любви къ Богу.

«Богъ сотворилъ разумныя твари для того только, чтобы они воздавали одну славу и честь. Чѣмъ же славить Бога, какъ не любовію всецѣлою, отдавая Ему все сердце и волю.

«Разумное созданіе должно покоряться Создателю своему; а истинная покорность въ томъ и состоитъ, чтобъ не имѣть другой воли, кромѣ воли Божіей,—въ этомъ сила любви.

«Праведно есть воздавать всегда должное. Что же мы имѣемъ, чтобы не было даровано намъ отъ руки Бо-

(*) Хотимъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы почтить память одного изъ самыхъ пріятныхъ умовъ нашего времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ самыхъ добрыхъ людей. Бывало, заслушаешься его: бесѣды его остроумныя и простосердечныя всегда оставляли въ умѣ блестящую мысль, въ сердцѣ благородное, нѣжное настроеніе чувствъ. Кто изъ друзей не помнитъ того наслажденія, когда по утрамъ собирались поочередно около его постели, чтобъ потолковать, помечтать, пофилософствовать и припоминать былое съ нимъ!—Онъ зналъ свѣтъ со всѣми соблазнами, которыми нѣкогда и самъ увлекался, но всегда тужилъ о своихъ слабостяхъ. Оттого въ собраніи мыслей его часто встрѣчается похвала раскаянію. Онъ понималъ и превосходство религіи и утѣшительныя ея стороны; но можно сказать, что онъ болѣе любилъ, нежели усвоилъ себѣ благочестіе.

жіей; потому все свое, и себя самихъ мы должны предавать Ему: а эта жертва и совершается любовію.

«Сколько люди оскорбляютъ Бога! Его долготерпѣніе истощилось бы, ежелибъ милосердіе Его не было неисчерпаемо. Правосудіе Божіе только любовію можно умилостивить; переставая любить Бога, мы оскорбляемъ Его благость.

«Приближитеся Богу, и приближится вамъ. Безъ помощи и милости Божіей мы бы погибли; проникнемся чувствомъ нашей немощи, и прилѣпимся сердцемъ къ Господу силъ!

«Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею; сія есть первая и бо́льшая заповѣдь.

«О Боже! Ты живешь во свѣтѣ неприступномъ, лѣтишь на крилахъ вѣтра; ангелы окружаютъ престолъ Твой, воспѣвая славу Твою. Господи, Ты позволяешь и земнородным съ ними возносить Тебѣ хвалу! Благословите имя Его, пойте величіе Его во вѣки. *(Расинъ)*.

Любовь къ Богу есть истинное поклоненіе, достойное Его, сказалъ блаженный Августинъ (*).

ГЛАВА III.

О молитвѣ.

Молитва есть вожделѣніе сердца. Душа томится желаніемъ и молится: «Господи, предъ Тобою все желаніе

(*) О поклоненіи Богу можно съ пользою и наслажденіемъ прочитать нѣсколько замѣчательныхъ страницъ изъ *Нравственной Философіи* Аб. Ботена, томъ 2

мое, и воздыханіе мое отъ Тебе не утаися».

Хвалить Бога, покланяться Ему, благодарить Его за великія милости Его, молить Его о помощи за себя и другъ за друга; предавать Богу жизнь, имущество, дѣйствія и страданія свои—вотъ различные виды молитвы.

Любовь къ Богу, жажда соединенія съ Нимъ и молитва—различные способы выраженія одного и того же чувства.

Необходимыя занятія обыденной жизни не препятствуютъ намъ имѣть въ сердцѣ любовь и стремленіе къ Богу; всегда возможно исполнять утѣшительное правило непрестанной молитвы.

Постоянная любовь къ Богу привлекаетъ даръ молитвы; при охлажденіи же скоро лишаемся его.

Нѣтъ надобности, и даже невозможно въ семъ мірѣ, чтобъ мысль была исключительно занята Богомъ; но возможно и необходимо, чтобъ въ глубинѣ сердца горѣла любовь и желаніе соединенія съ Господомъ. Когда это желаніе крѣпко, и любовь истинна, тогда легко намъ всѣ свои дѣйствія относить къ Богу, какъ путникъ всѣ усилія обращаетъ къ желанной цѣли.

Для христіанина все, что его окружаетъ, все что онъ видитъ и слышитъ, подаетъ поводъ къ молитвенному размышленію: это чудное солнце только блеснетъ, и все оживится; скроется опять, и природа печальна; величественный сводъ небесъ, гдѣ стройно движутся въ неизмѣримомъ пространствѣ лучезарныя свѣтила, необозримое море, то въ тишинѣ, то въ волненіи, но всегда послушное Творцу; земля, украшенная всѣми дарами, которые Богъ уготовалъ на радость человѣку; всѣ эти чу-

деса природы возвышаютъ къ Подателю всѣхъ благъ всякое сердце способное къ благодарности, всякой духъ, ищущій свѣта.

У Боссюэта есть великолѣпный образецъ подобнаго созерцанія явленій природы, которое пріятно намъ здѣсь привести.

«Боже мой, я всталъ въ полуночи съ Давидомъ взглянуть на небо, дѣло рукъ Твоихъ, луну и звѣзды, которыя Ты основалъ, Господи. Какая дивная картина представилась мнѣ въ изображеніи дѣйствія Твоего присносущнаго свѣта! Утренняя заря занималась, какое то бѣлое блистаніе разливалось повсюду, возвѣщая заранѣе восхожденіе солнца; звѣзды изчезли, но луна сіяла и серебристыми лучами веселила взоръ. Казалось, въ честь солнца она являлась такъ свѣтла и такъ ярко блистала той стороной, которой была обращена къ нему; все въ ней было мрачно и темно, кромѣ этого малаго полукруга, который принималъ удивительный блескъ отъ лучей солнца, какъ отъ источника свѣта. Казалось, она засвѣтлѣла, когда увидала его; чѣмъ дальше смотрѣла, тѣмъ ярче озарялась она; а когда вся къ нему обратилась, то свѣтъ ея достигъ полноты своей, и чѣмъ свѣтозарнѣе она была, тѣмъ болѣе славы ему. Но вотъ новое явленіе въ честь небеснаго Свѣтодавца: по мѣрѣ того какъ солнце всходило, луна скрывалась изъ виду; мало-по-малу слабый свѣтъ пропадалъ, и когда солнце зайграло, то блѣдная луна исчезла, утопая въ сіяніи великаго свѣтила. Понятно, что она не могла лишиться своего свѣта отъ приближенія солнца, которое ее освѣщало; но малое свѣтило уступало бо́льшему, слабый

лучъ сливался съ сильнымъ свѣтомъ и на небосклонѣ незамѣтно даже было, гдѣ прежде сіялъ такъ чудно между звѣздами рогъ луны.»

«Боже мой, свѣте вѣчный, тоже происходитъ съ моей душею, когда Ты просвѣщаешь ее. Она свѣтла только во свѣтѣ лица Твоего. Куда не проникъ еще божественный лучъ, тамъ тьма, и когда Ты отвращаешься, мракъ одолѣваетъ. Какъ же мнѣ, Боже мой, не сознавать, что только во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ?»

Сердце и уста должны быть согласны во всякой молитвѣ; иначе она не искренна и лицемѣрна, и Господь отвергаетъ ее.

Молитва бываетъ внутренняя и наружная, общественная и уединенная.

«Молитва соборная, говоритъ Тертулліанъ, нудитъ Бога и это святое принужденіе пріятно Ему.»

Есть одна дивная молитва, которая сокращенно представляетъ намъ всѣ наши обязанности, припоминаетъ всѣ наши нужды, утоляетъ всѣ печали, исполняетъ всѣ желанія наши; эта молитва питаетъ младенца млекомъ и медомъ, хлѣбъ даетъ мужу, старцу вино; ибо въ ней заключается все, что услаждаетъ, укрѣпляетъ и живитъ,—это та, которую церковь повторяетъ во храмѣ, при совершеніи великихъ таинствъ, и которой научилъ насъ Самъ Податель всѣхъ благъ и всякія благодати.

«Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое: да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь: и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ: и не введи насъ во

искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго (*). Яко Твое есть царство и сила, и слава, во вѣки, аминь».

Въ общественномъ богослуженіи нѣтъ ничего полнѣе, и совершеннѣе божественной литургіи, которая соединяетъ въ себѣ всѣ образы выраженія молитвы: славословіе, поклоненіе, благодареніе, моленіе и совершеніе безкровной жертвы.

«Однажды я взошелъ въ древній храмъ бѣднаго селенія; передъ образами горѣли неугасимыя лампады и множество свѣчей. Въ то время совершался трогательный обрядъ: Церковь поминала усопшихъ. Всѣ преклонили колѣна, и молятся со слезами.... Конечно, Господь посреди насъ! Отъ кадила благоуханіе умилительное, пѣніе наполняетъ своды; сердце чуетъ, что здѣсь невидимо соединяется земное съ небеснымъ; духъ горитъ и вѣрою созерцаетъ иной міръ, гдѣ хоры Ангеловъ немолчно славятъ Бога— это блаженство, котораго и мы уповаемъ достигнуть въ «*безконечной жизни*», благодатію Господа! Аминь».

Я вспомнилъ слова апостола: «Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать» и понялъ, что простота вѣры выше всѣхъ мудрованій и доводовъ науки.

(Переложж. изъ Фонтана (Fontanes) Поминовеніе усопшихъ въ деревнѣ.)

(*) «Молитва Господня,» говоритъ Г-жа Неккеръ, можетъ быть вѣрной подругой отъ колыбели до смерти. Смыслъ, заключенный въ ней, постоянно раскрываясь, становится прекраснѣе и глубже, по мѣрѣ того какъ мы усовершаемся въ жизни.»

КНИГА ВТОРАЯ.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ САМОМУ СЕБѢ.

ГЛАВА I.

О достоинствѣ человѣческой природы.

Созданный по подобію Божію, способный познавать и любить Бога и предназначенный къ жизни вѣчно блаженной въ этомъ познаніи и въ этой любви,—таковымъ явился человѣкъ въ первые дни творенія: превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ тварей земныхъ, созданіемъ дивнымъ, одаренный разумомъ и свободой посреди столь многихъ другихъ дивныхъ созданій.

Низложивъ самъ себя съ этой высокой степени чести и славы, переставши повиноваться Творцу, чтобы поработить себя твари, этимъ самымъ онъ унизилъ себя до состоянія безсловесныхъ животныхъ, — вотъ каковымъ сдѣлался человѣкъ, слѣдуя собственной своей волѣ, внушенной ему духомъ зла.

Искупленный Богочеловѣкомъ, умершимъ на крестѣ, изъ рабства страстямъ, введенный вновь въ высокія преимущества существа разумнаго и свободнаго,

владычествующій опять надъ всѣми тварями посредствомъ познанія и любви къ Богу, и послѣ жизни, проведенной въ борьбѣ и испытаніяхъ, вновь поставленный среди невинности и славы въ обладаніе уготованнымъ ему вѣчнымъ блаженствомъ: вотъ человѣкъ, каковымъ возстановилъ его снова цѣною Своей крови Сынъ Божій, содѣлавшійся человѣкомъ, великій Богъ и Спаситель нашъ, какъ выражается апостолъ Павелъ.

Послушаемъ еще Паскаля, вопрошающаго себя о томъ, что есть человѣкъ: «судія всѣхъ вещей и ничтожный червь земной, хранитель истины и бездна сомнѣній, слава и отребіе міра.»

«Человѣкъ не что иное, какъ тростникъ слабѣйшій въ природѣ, говоритъ чудный отшельникъ, но тростникъ мыслящій; нѣтъ надобности вселенной вооружаться для истребленія его; достаточно пара, капли воды, чтобы его умертвить. Но когда бы вселенная истребила его, человѣкъ былъ бы еще благороднѣе того, что его убиваетъ, потому что онъ умираетъ съ сознаніемъ, а міръ не вѣдаетъ ничего о преимуществѣ своемъ надъ человѣкомъ. Итакъ все достоинство наше состоитъ въ мышленіи: вотъ гдѣ мы должны искать основанія нашего превосходства, не въ пространствѣ и времени. Будемъ же стараться хорошо мыслить: вотъ начало нравственности.

«Опасно слишкомъ показывать человѣку, сколько онъ равенъ животнымъ, утаивая его величіе; опасно также слишкомъ показывать ему его величіе безъ его униженія. Еще опаснѣе оставлять его въ невѣдѣніи того

и другаго; но очень полезно представлять ему то и другое.

«Пусть же человѣкъ знаетъ истинную цѣну себѣ, пусть любитъ себя, потому что природа его способна къ добру; но онъ не долженъ любить низкихъ сторонъ своей природы.

«Человѣкъ видимо въ заблужденіи: онъ чувствуетъ въ себѣ остатки счастливаго состоянія, изъ котораго низпалъ и которое не можетъ опять найдти, онъ ищетъ его вездѣ съ безпокойствомъ и безъ успѣха, въ непроницаемомъ мракѣ.

«Вотъ источникъ распрей между философами, изъ коихъ нѣкоторые предложили себѣ цѣлію поднять человѣка, открывая ему величіе его, а другіе унизить его, представляя ему его бѣдность и нищету. Они строили ученія свои одно надъ другимъ въ безконечной прогрессіи, потому что непремѣнно, по мѣрѣ того какъ люди дѣлаются просвѣщеннѣе, они все болѣе открываютъ въ человѣкѣ бѣдности и величія. Однимъ словомъ, человѣкъ знаетъ, что онъ бѣденъ, и онъ подлинно бѣденъ, когда сознаетъ это; но самое это сознаніе составляетъ его величіе.

«Итакъ самая нищета человѣка доказываетъ его величіе: это нищета вельможи, царя низверженнаго.

Итакъ вотъ человѣкъ, человѣкъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, іудей и язычникъ, грекъ и варваръ, свободный и рабъ, царь и подданный; однимъ словомъ, человѣкъ существо дивное по своему происхожденію, но низпадшее по собственной винѣ своей; существо падшее, но возстановленое тѣмъ самымъ Богомъ, Который создалъ его по образу Своему, и не восхотѣлъ

оставить въ паденіи вѣчномъ превосходнѣйшее твореніе рукъ Своихъ.

Да, вотъ человѣкъ, обреченный къ ношенію въ продолженіи всей своей жизни славныхъ и печальныхъ знаковъ этихъ трехъ столь различныхъ состояній! Жрецъ и царь созданія, онъ будетъ имѣть одного Бога надъ собою—какое величіе! Слабый противъ собственнаго своего сердца, и игралище всѣхъ страстей своихъ, онъ жертвуетъ и душой и Богомъ своимъ малѣйшему удовлетворенію своей гордости или чувственности—какое ослѣпленіе и какая низость! Но низпадшій въ самую глубину пропасти, онъ услышитъ этотъ голосъ кроткій и могущественный: *Адамъ, гдѣ ты?* и онъ смирится, признается въ винѣ своей, и будетъ прощенъ. Онъ будетъ прощенъ всецѣло, щедро, совершенно, ибо за него умеръ Богъ, за него молится Богъ, и дѣлается порукою за него предъ общимъ Отцомъ. Итакъ онъ вновь войдетъ во всѣ свои права. Какое утѣшительное ожиданіе!

«Слава честь и миръ всякому дѣлающему благое. *(Послан. Ап. Павла къ Римл. гл. II ст. 12.)*

«Когда мы бываемъ расположены пренебрегать человѣчество, видя собственными глазами, или читая въ исторіи столько событій клонящихся къ стыду его, вспомнимъ, говоритъ Сильвіо Пеллико, вспомнимъ о тѣхъ смертныхъ, коихъ добродѣтель сіяетъ въ исторіи. Эти великіе люди торжественно опровергаютъ тѣхъ, которые составляютъ себѣ слишкомъ низкое мнѣніе о человѣческой природѣ. Не думайте по причинѣ отдаленности тѣхъ вѣковъ и величественной судьбы тѣхъ лицъ, чтобы они принадлежали къ другой породѣ, а не къ на-

шей. Нѣтъ! они также были рождены отъ женщинъ; они страдали, проливали слезы, какъ и мы; имъ также предстояла борьба съ порочными своими склонностями; имъ также, какъ и намъ, приходилось иногда краснѣть за себя, бороться, дабы побѣдить.

«Безумцевъ, развратниковъ много, я это знаю; но вотъ что важно и нужно замѣтить: человѣкъ можетъ возбудить удивленіе своимъ геніемъ, онъ можетъ предохранить себя отъ разврата, онъ можетъ даже во всякое время каково бы ни было его положеніе и степень развитія ума его, обогащать себя высокими добродѣтелями; это даетъ ему право на уваженіе всякаго разумнаго созданія.

«Платя ему эту должную дань, видя его стремленіе къ безконечному совершенству, видя его способнымъ отдѣлить себя отъ людей, унизившихъ свое нравственное достоинство, и говорить имъ: я болѣе васъ, болѣе всякой земной вещи меня окружающей; мы почувствуемъ въ сердцахъ нашихъ двойное сочувствіе къ человѣку. Самая нищета и заблужденія его внушатъ намъ тѣмъ болѣе состраданія къ нему, коль скоро мы подумаемъ, какъ благородно это существо. Мы будемъ скорбѣть, видя, какъ царь созданія унижаетъ себя; мы будемъ усиливаться, то прикрыть его поступки, то протянуть ему руки, чтобы помочь ему подняться изъ грязи, и снова занять высокое мѣсто, съ котораго онъ низпалъ. Мы почувствуемъ святую радость каждый разъ, когда увидимъ его ревнующимъ о своемъ достоинствѣ, являющимъ себя непобѣдимымъ посреди страданій и поношеній, торжествующимъ надъ труднѣйшими испы-

таніями, и дивною силою своей воли приближающагося къ божественному своему образцу.

Посреди самого христіанства встрѣчались мнимые философы, которые раздирая матернюю утробу представляли ученіе христіанское, какъ рядъ пошлыхъ предразсудковъ, какъ слабость умовъ ограниченныхъ, какъ немощь человѣческаго разума, и въ тоже время, эти люди безразсудные и слѣпые, превозносили древнюю философію, которая заключила всю мудрость и добродѣтель въ этихъ немногихъ словахъ: побѣждать себя, воздерживаться и страдать. Но что же? Развѣ въ этомъ не состоитъ самое основаніе Евангелія? Не то ли значитъ нести крестъ свой? И не требуется ли также и нынѣ благородства сердца и великодушія, чтобы возвыситься надъ всѣмъ, что вещественно, видимо, осязаемо, чтобы руководиться чувствомъ невидимаго, стремленіемъ къ вѣчному? Когда вы говорите, что истинные христіане рѣдки, я понимаю васъ, и удивился бы даже, если бы было иначе; но не говорите, что они существа слабыя, малодушныя. Всегда въ постоянной борьбѣ съ своими страстями, всегда готовые сражаться за добро противъ зла, рабы славные, не обычая, но истины, благородныя жертвы долга, они имѣютъ право, по крайней мѣрѣ, на ваше уваженіе. Всѣ заповѣди Евангелія требуютъ силы, сказалъ Массильонъ; царство небесное, сказалъ самъ Іисусъ Христосъ, берется только усиліемъ!

Александръ выступая на завоеваніе Азіи, раздаетъ воинамъ своимъ всѣ македонскія свои сокровища, и себѣ оставляетъ одну надежду; всѣ вѣка удивлялись Александру. Христіанинъ является въ міръ, имѣя цѣлію по-

бѣдить и достигнуть неба; онъ пользуется благами, какъ бы не пользуясь ими, онъ удѣляетъ большую долю бѣднымъ, и, когда нужно, онъ жертвуетъ цѣлымъ міромъ своему долгу; онъ также сожигаетъ суда свои, оставляя себѣ одну надежду. Предъ очами разума, какъ и предъ очами вѣры, христіанинъ выше Александра.

«Благочестіе есть уже само по себѣ величіе души; не вижу ни въ чемъ болѣе геройства, какъ во владычествѣ добродѣтельнаго человѣка надъ своими страстями. Что можетъ быть выше того, когда видимъ его держащаго, такъ сказать, душу свою въ рукахъ своихъ; онъ направляетъ шаги ея, измѣряетъ движенія ея, не дозволяетъ себѣ ничего унижающаго сердца, управляетъ своими чувствами, покоряетъ ихъ подъ иго закона, останавливаетъ наклонность природы, всегда быстро стремящуюся ко злу, подавляетъ тысячу лестныхъ для него намѣреній, тысячу пріятныхъ надеждъ, твердо противясь всѣмъ соблазнамъ въ обращеніи съ обществомъ и силѣ примѣровъ, и пребывая всегда полнымъ обладателемъ надъ самимъ собою, не дозволяетъ сердцу своему ничего низкаго, способнаго обезславить наслѣдника неба. О! для этого нужно родиться не посредственнымъ человѣкомъ. Благодать имѣетъ своихъ героевъ, которые ни чѣмъ не ниже превозносимыхъ въ прежніе вѣка». (*Изъ проповѣди Массильона*).

«Если вы любите землю, сказалъ блаженный Августинъ, вы будете землей; если любите Бога, смѣю почти сказать, вы уподобитесь Богу.

«Богъ сотворилъ человѣка съ двойственною любовью, одною къ Богу, другою къ самому себѣ; но заповѣдалъ

притомъ, чтобы любовь къ Богу была безконечна, т.-е. не имѣла другой цѣли кромѣ самого Бога, а любовь къ самому себѣ конечна, и относилась бы къ Богу. Человѣкъ въ этомъ положеніи не только любилъ себя безъ грѣха, но не могъ даже не любить себя безъ грѣха. Въ послѣдствіи, когда грѣхъ былъ содѣланъ, человѣкъ потерялъ первѣйшую любовь, и любовь къ самому себѣ осталась одна въ этой великой душѣ способной для любви безконечной; это самолюбіе распространилось и разлилось въ пустотѣ оставленной любовію къ Богу. Итакъ онъ возлюбилъ себя одного и всѣ вещи ради себя, т. е. безконечно. Вотъ происхожденіе себялюбія. Оно было свойственно Адаму, и справедливо, пока онъ оставался невиннымъ; но сдѣлалось преступно и неумѣренно послѣ грѣха его».

ГЛАВА II.

О необходимости и преимуществахъ просвѣщенія.

Познавать Бога, любить Его и жить вѣчно счастливымъ въ этомъ познаніи и въ этой любви, вотъ цѣль человѣка.

Различныя степени познанія и любви соотвѣтствуютъ различнымъ степенямъ счастія.

Чѣмъ болѣе человѣкъ познаетъ, тѣмъ болѣе онъ возлюбитъ; чѣмъ болѣе онъ познаетъ и полюбитъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть въ себѣ жизни и счастія.

Сколько же справедливо и желательно, чтобы это безсмертное существо, призванное къ столь высокому и счастливому назначенію, могло свободно развивать

разумъ и волю свою, дабы познать и любить Бога, и притомъ познать и любить Его такимъ образомъ, какимъ Онъ явилъ Себя!

Богъ явилъ себя Создателемъ и Искупителемъ, и въ томъ и другомъ качествѣ нужно Его познать, усладительно Его любить, наконецъ справедливо платить Ему дань поклоненія и благодарности, которыхъ заслуживаетъ двоякое благодѣяніе творенія и искупленія.

Какъ Творецъ, Онъ открылъ изысканіямъ и восторженному удивленію человѣковъ обширное поле, гдѣ на каждомъ шагу открываются чудеса могущества, мудрости и благости. Въ то же время Ему угодно было, чтобы человѣкъ могъ обратить къ собственной своей пользѣ всѣ эти чудеса творенія, совокупляя искусство съ природою, т.-е. соединяя дѣло человѣческое съ дѣломъ божескимъ.

Отсюда произошли науки столь разнообразныя и чудныя, пособіемъ которыхъ человѣкъ выполняетъ великій законъ труда къ своей собственной пользѣ и къ выгодѣ всего общества, котораго онъ членъ. Усовершенствованіе ихъ тѣмъ болѣе желательно, что, по справедливому замѣчанію, по мѣрѣ того какъ человѣкъ умножаетъ посредствующія орудія, помогающія дѣлу рукъ его и часто замѣняющія ихъ, его умственная дѣятельность съ бо́льшимъ досугомъ должна пріобрѣтать болѣе силы, независимости, свободы, и можетъ тѣмъ лучше возвышать успѣхи нравственности и религіи; наконецъ науки правильно понятыя, составляютъ звенья безконечной цѣпи, соединяющей твореніе съ Творцомъ и ведущей человѣка къ Богу. «Философы нашего времени,

воскликаетъ Боссюэтъ въ вѣкъ Ньютоновъ, Декартовъ, Лейбницовъ, къ какому бы званію вы ни принадлежали, наблюдателей ли свѣтилъ небесныхъ, или созерцателей земной природы, избравшихъ себѣ предметомъ такъ-называемую физику, или отвлеченную науку математики, гдѣ истина преобладаетъ болѣе явнымъ образомъ, чѣмъ въ другихъ, я не буду говорить, что вы не имѣете предметовъ достойныхъ для вашихъ мыслей; ибо переходя отъ одной истины къ другой, вы можете дойдти до Бога, Который есть истина всѣхъ истинъ, или источникъ истины, самая истина, вмѣщающая въ себѣ тѣ истины, которыя вы называете вѣчными, истины непреложныя, неизмѣнныя. Эту-то истину должны вы искать въ вашихъ наукахъ. Изучайте же эти науки, но не поглощайтесь ими, или не дозволяйте имъ поглощать васъ!» (*).

Какъ Искупитель нашъ, Богъ проявилъ еще бо́льшія чудеса благости и силы для спасенія человѣчества, Онъ расточилъ еще большія милости, которыхъ умъ человѣческій никогда достаточно познать, сердце оцѣнить, и языкъ достойно превознести не возможетъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ, потребность просвѣщенія для христіанина очевидна. Ученіе есть хлѣбъ насущный для ума, и можно по истинѣ сказать объ этомъ хлѣбѣ тоже, что и о хлѣбѣ, питающемъ тѣло: что человѣкъ долженъ вкушать его въ потѣ лица.

(*) Это напоминаетъ превосходную проповѣдь Высок. Преосв. Митрополита московскаго Филарета, при освященіи храма Великомученицы Татіаны въ Университетѣ, 12 января 1848 года: о разныхъ наукахъ человѣческихъ и направленіи ихъ къ высшей наукѣ небесной и обращеніи ихъ къ Богу. *Прим. перев.*

Ученіе и воспитаніе бываютъ полезны и достойны человѣка, когда даютъ ему вмѣстѣ, по возможности, достойныя познанія о природѣ, наукахъ и искусствѣ, а съ другой стороны, просвѣщаютъ его касательно отношеній связывающихъ тварь съ Творцомъ, дабы онъ исполнилъ въ полномъ смыслѣ благородное свое назначеніе.

«Религія есть ароматъ, сохраняющій науку отъ порчи.»

(Бэконъ).

«Коль скоро вы будете имѣть на то возможность, считайте для себя священнымъ долгомъ заняться образованіемъ вашего ума. Вы тѣмъ сдѣлаетесь болѣе способными прославлять Бога, отечество, вашихъ родителей, друзей. Наука въ соединеніи съ скромностію располагаетъ душу глубже любить Бога и родъ человѣческій... Дѣло религіи, отечества, чести требуетъ защитниковъ вооруженныхъ, во первыхъ благими намѣреніями, а затѣмъ наукой и добрымъ расположеніемъ къ ближнимъ.» (*Сильвіо Пеллико*).

«Душа живетъ великою жизнію, говоритъ сочинитель прекраснаго, хотя не совсѣмъ новаго толкованія на молитву Господню, и если она не питается постоянно здравою пищею, то она впадаетъ въ разслабленіе».

Душа есть огнь, требующій питанія.
Онъ гаснетъ, коль скоро не возрастаетъ.

(Вольтеръ).

Нельзя довольно повторять это: всѣ души имѣютъ равное право на пищу имъ приличную и соразмѣрную съ ихъ силами.

Поэтому то, что религія требуетъ касательно про-

свѣщенія народа, тоже самое здравая и благонамѣренная политика всегда совѣтывала, а мудрое законодательство предписывало.

Лѣтъ шестьдесятъ и болѣе тому назадъ дворянство вмѣстѣ съ духовенствомъ умоляло государя распространять даже въ селахъ и деревняхъ средства преподаванія достаточныя для жителей ихъ, со включеніемъ даже и бѣдныхъ.

Въ свѣтлые дни 1789 года, когда Франція, въ радостномъ ожиданіи возрожденія своего, готовилась провозгласить Людовика XVI *возстановителемъ свободы*, тоже самое дворянство и духовенство многократно присоединялись къ этому движенію умовъ и вѣка, и они торжественно доказали это, требуя чтобы общественное воспитаніе было усовершенствовано, чтобы оно было распространено на всѣ классы гражданъ, и чтобы всѣ французы, бѣдные равно какъ и богатые, научались съ самаго рожденія, познавать, уважать и любить законы свои».

Уже и въ предшествовавшіе вѣка дворянство, не опасаясь просвѣщенія народа, требовало «наставниковъ и людей грамотныхъ въ города и села для обученія нуждающейся молодежи внутри государства *закону христіанскому, доброй нравственности* и прочимъ потребнымъ наукамъ.»

Эти послѣднія слова естественно приводятъ насъ къ тому, чтобы говорить пространнѣе о точкѣ зрѣнія, съ которой государственные люди должны смотрѣть на просвѣщеніе народа.

Подлинно, есть науки нужныя для народа, собственно

для народа, независимо отъ первѣйшей необходимѣйшей изъ всѣхъ наукъ, науки религіи и доброй нравственности.

Эти науки потребныя для народа состоятъ изъ всего могущаго возбудить, ободрить и развить въ немъ трудолюбіе—источникъ всѣхъ добродѣтелей.

Правительства сильныя и благоразумныя всячески должны разнообразить, размножать, до самыхъ низшихъ слоевъ общества, средства къ приведенію въ дѣйствіе этого великаго закона труда, наложеннаго на человѣка отъ начала міра, и составляющаго неизсякаемый источникъ благополучія общественнаго и частнаго; они самимъ себѣ обязаны не упускать никоднаго усилія, никодного соображенія для достиженія того, чтобы не было въ обширнѣйшей имперіи нединаго человѣка осужденнаго по неволѣ на муку и бѣдствіе праздности. Съ 1814 года, благодѣяніе просвѣщенія сдѣлалось болѣе чѣмъ когда-либо долгомъ и потребностію всѣхъ французовъ. Не даромъ раздались эти слова великаго гражданина, занимавшаго мѣсто предсѣдателя въ королевскомъ совѣтѣ въ 1819 году: *въ день обнародованія хартіи, всеобщее просвѣщеніе было обѣщано, потому что оно сдѣлалось необходимостію* (*).

Отъ первоначальнаго преподаванія, раскрывающаго

(*) Г. Ройе-Колларъ произносилъ эти памятныя слова, говоря о народномъ преподаваніи, посреди воспитанниковъ всѣхъ общественныхъ заведеній въ Парижѣ, собранныхъ въ зданіи института, для раздачи премій по общему конкурсу. Свобода предполагаетъ просвѣщеніе.

умъ, отъ перваго воспитанія, направляющаго волю, зависитъ весь человѣкъ; если справедливо изъ того заключить, что главы, начальники народовъ, обязанные безпрестанно устроивать физическое и нравственное благосостояніе людей, счастіе которыхъ ввѣрено имъ Богомъ, должны считать въ числѣ первѣйшихъ своихъ обязанностей попеченіе о доставленіи всѣмъ преподаванія, приспособленнаго ко всѣмъ умамъ, воспитанія приличнаго всѣмъ душамъ; то сколько истины эти съ ихъ послѣдствіями становятся разительнѣе и непреложнѣе, когда дѣло идетъ о наставленіи и воспитаніи народа!

Просвѣщеніе и воспитаніе народа! слова лишенныя смысла, прежде чѣмъ міръ былъ просвѣщенъ христіанствомъ; мысль трогательная, высокая, съ тѣхъ поръ, какъ Богъ содѣлался человѣкомъ, бесѣдовалъ съ людьми и призвалъ ихъ къ свѣту Евангелія.

Ибо съ того времени, какъ *Слово сдѣлалось плотію* лишь только разумъ божественный далъ нашимъ чувствамъ удивленнымъ и восхищеннымъ видѣть себя, слышать и осязать, и Богъ снизшелъ до человѣка, чтобы возвести его до Бога, съ того времени все имѣющее человѣческій образъ, возвращенное въ первобытное достоинство должно было усиливаться достигнуть образа божественнаго; и при мысли о семъ великолѣпномъ назначеніи, въ виду безконечности, какъ незначущи показались въ глазахъ христіанъ ничтожныя неравенства по имѣнію, званію, или происхожденію! Какъ они исчезли, подобно легкому дыму, развѣваемому бурнымъ вѣтромъ, подобно воску, который не можетъ выдержать близости пламени! Тогда истинно горы сравнялись, доли-

ны наполнились, и въ томъ новомъ мірѣ нравственномъ, уравненномъ религіей Іисуса Христа, каждый житель земнаго шара, бывшаго до тѣхъ поръ достояніемъ гордости и насилія, *всякой человѣкъ могъ видѣть Спасителя, Котораго Богъ послалъ въ міръ.* Всякой человѣкъ могъ идти этимъ *путемъ*, питаться этой *истиной*, жить этой *жизнію.* Всякой человѣкъ могъ сдѣлаться христіаниномъ, и, по выраженію одного изъ отцевъ Церкви, «*во всякомъ христіанинѣ живетъ Христосъ* (Блаженный Августинъ).» Апостолъ Павелъ сказалъ: *живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (къ Галат. гл. II ст. 20).

ГЛАВА III.

Объ истинныхъ благахъ.

Такъ какъ человѣкъ равенъ человѣку, и всѣ люди творенія одного Бога, служители общаго Владыки, дѣти Единаго Отца, ученики одного и того же Христа, имѣющіе равное право на счастіе, то справедливо будетъ заключить, что истинныя блага должны быть такого рода, чтобъ они могли принадлежать всѣмъ, безъ ущерба для кого либо; и сего достаточно для рѣшенія выбора между богатствомъ и добродѣтелью, временными благами и вѣчными, между счастіемъ обѣщаннымъ отъ міра, и тѣмъ, которое даетъ Евангеліе.

При размышленіи о всѣхъ человѣческихъ вещахъ, столь ограниченныхъ и непрочныхъ, легко понять, и изъ глубины сердца повторить трогательное признаніе, торжественное восклицаніе царя, извѣдавшаго всѣ удо-

вольствія и обладавшаго всѣми богатствами и славой: *суета суетъ, и всяческая суета, кромѣ любви къ Богу и служенія Ему единому.*»

«Высшая премудрость состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ царству небесному презрѣніемъ къ міру, говоритъ авторъ *Подражанія Христу*. Суета добиваться богатствъ тлѣнныхъ, и на нихъ надѣяться, доискиваться почестей и стараться о повышеніи, желать жизни долгой, а мало заботиться о жизни хорошей, помышлять только о настоящей жизни, и не предусматривать будущаго, любить то, что съ крайнею быстротою проходитъ, и не спѣшить въ то мѣсто, гдѣ насъ ожидаетъ вѣчная радость.»

«Какая презрительная вещь есть человѣкъ, когда онъ не возвышается надъ всѣми человѣческими вещами!» Эту прекрасную мысль Плинія христіане повторяютъ ежедневно въ сихъ благочестивыхъ и простыхъ словахъ литургіи, произносимыхъ священникомъ: *Горѣ имѣемъ сердца*, на что ликъ отвѣчаетъ за предстоящихъ: *Имамы ко Господу.*»

«Любовь Божія къ людямъ производитъ на семъ свѣтѣ и на томъ два рода дѣйствій совершенно различныхъ. Въ будущей жизни она производитъ неизрѣченную радость и славу; но въ здѣшней только множество страданій соразмѣрныхъ этой любви. Причина сему заключается въ томъ, что счастіе въ нынѣшней жизни состоитъ въ приращеніи добродѣтелей; а добродѣтели возрастаютъ только посредствомъ испытаній, искушеній и страданій.»

(Николь.)

Слава и радость на небѣ, благодать и добродѣтель на землѣ, вотъ блага евангельскія.

«Безъ дара благодати, ничто не заслуживаетъ названія блага, и съ этимъ даромъ нѣтъ истиннаго зла, говоритъ еще Николь. Пусть человѣкъ обладаетъ всѣми благами земными, пусть наслаждается здоровьемъ, силою, красотою, ловкостью, умомъ, богатствомъ, величіемъ, доброй славой, значеніемъ въ свѣтѣ, любовію всѣхъ людей; если Богъ не присоединитъ къ тому Своего дара, превосходящаго все прочее, то есть любви Своей, всѣ сіи блага человѣческія, всѣ сіи дары, наружные только, сдѣлаютъ его болѣе несчастнымъ, потому что безъ любви Божіей онъ употребитъ во зло сіи блага, и они послужатъ ему только къ тому, чтобы раздражить Бога. Пусть человѣкъ, напротивъ того, впадетъ во всевозможныя бѣдствія, сей даръ единственный превратитъ ихъ въ блага весьма существенныя и истинныя, сдѣлавъ ихъ источниками заслугъ и сѣменами вѣнцовъ безсмертныхъ и неувядаемыхъ на небѣ. Съ этимъ даромъ намъ бываетъ вездѣ хорошо, потому что мы находимъ вездѣ то, что любимъ.»

«Настоящая жизнь имѣетъ нѣкоторую цѣну только тогда, когда она служитъ къ религіозному образованію нашего сердца, когда она приготовляетъ къ высшимъ судьбамъ свободнымъ избраніемъ добродѣтели на землѣ.»

(Г-жа Сталь. Часть III о Герман.)

Не довольно помышляютъ о томъ, сколько бываетъ неудобства для отдѣльныхъ лицъ, сколько смутъ и бѣдствій для человѣческаго общества, когда распростра-

няются безъ перевѣса и безъ предѣловъ ученія чисто матеріяльныя, полагающія человѣческое счастіе въ обладаніи золотомъ и въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Человѣкъ не менѣе того ощущаетъ въ глубинѣ души желанія безконечныя, и если онъ ограничивается землею, то хотя бы поглотилъ ее всю, не насытился бы и тогда.

И такъ блаженъ и блаженъ только тотъ народъ, говоритъ царь пророкъ, который имѣетъ Господа Богомъ своимъ!

Блаженъ и блаженъ только тотъ человѣкъ, который любитъ Бога, боится Его и служитъ Ему единому!

«*Человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, но всякимъ словомъ исходящимъ изъ устъ Божіихъ.*» Эти слова евангельскія заключаютъ въ себѣ, при всей ихъ простотѣ, все законоположеніе многочисленныхъ сословій живущихъ трудами рукъ своихъ. Возьмите для примѣра: какой радостный свѣтъ, какія могучія утѣшенія, какую силу и бодрость проливаетъ въ душу бѣднаго поселянина, наклоненнаго надъ сохою, и съ трудомъ проводящаго борозду по землѣ, воспоминаніе о тѣхъ осьми блаженствахъ, которыя начинаются духомъ самоотверженія, и кончаются радостію въ скорбяхъ!

Конечно, трудъ вещественный нуженъ, необходимъ и достоинъ всякаго покровительства; торговля и промышленность должны быть сильно и постоянно ободряемы; богатство дозволительно, и при большомъ достаткѣ можно быть добродѣтельнымъ; умъ человѣческій долженъ получить свое развитіе приличное высокой его природѣ. Но изъ уваженія къ этому самому уму,

изъ состраданія къ роду человѣческому, изъ любви къ отечеству рядомъ со всѣми усиліями промышленности, наукъ и искусствъ, выше всего счастія, всѣхъ удовольствій земныхъ, возстановимъ на законное ихъ мѣсто тѣ прекрасныя религіозныя ученія, которыя сохраняютъ человѣку всю его цѣну и все его достоинство, возвышая его до Бога, начала и конца его.

«Какъ превосходенъ плодъ цивилизаціи, когда онъ развивается подъ вліяніемъ вѣрованій и добрыхъ нравовъ, когда онъ созрѣваетъ и окрашивается солнцемъ вѣры! Религія, первая пробудившая его, можетъ одна только предохранить его отъ порчи. Подвигайтесь смѣло въ океанъ изысканій и открытій, могущихъ прибавить къ благосостоянію и даже къ пріятности и украшенію жизни человѣческой; распускайте паруса ваши для принятія всѣхъ вдохновеній генія, всѣхъ вѣяній фортуны; но если вы не желаете, чтобы вашъ челнокъ былъ увлеченъ потоками и разбитъ о подводные камни, или поглощенъ пучиною, держите въ рукѣ кормило, не переставая смотрѣть на небо.» *(Изъ пастырскаго посланія епископа Камбрейскаго.* 1842 г.)

Люди умные, и даже здравомыслящіе, составляютъ себѣ иногда странныя понятія о законѣ христіанскомъ. Они видятъ, что Церковь въ нѣкоторые дни предписываетъ вѣрнымъ возлагать на себя нѣкоторыя лишенія легкія и кратковременныя (*), что во всѣхъ вещахъ и

(*) Не излишнимъ будетъ привести здѣсь одну изъ хорошихъ мыслей г. Жубера. «Дѣлать малѣйшія вещи по величайшимъ побужденіямъ, и видѣть въ малѣйшихъ предметахъ величайшія отно-

даже въ наилучшихъ она предписываетъ умѣренность и запрещаетъ излишество, что освящая, какъ заповѣдь божественную, обязанность труда, она напоминаетъ другую заповѣдь Бога, верховнаго Владыки надъ человѣкомъ и временемъ, которою одинъ изъ семи дней былъ отдѣленъ для отдыха тѣла и для досуга души. Все это видимо благоразумно, здраво, сообразно со истинною пользою и съ достоинствомъ рода человѣческаго, однимъ словомъ выгодно и частнымъ лицамъ и обществу; несмотря на это, подъ вліяніемъ непонятныхъ мечтаній, возбужденныхъ жадными расчетами, или сластолюбивымъ воображеніемъ утверждаютъ что «народы не хотятъ уступить ничего изъ пріобрѣтеній умственныхъ, или политическихъ, сдѣланныхъ ими въ продолженіи послѣдняго вѣка, и такъ изобильно орошенныхъ ими своимъ потомъ и кровію, что они не хотятъ отказываться въ пользу благочестивыхъ обрядовъ, въ пользу мертвыхъ символовъ воздержанія и поста, отъ тѣхъ великихъ наслажденій матеріальныхъ, которыя со всякимъ днемъ приносятъ имъ промышленность, и которыя размножаетъ демократическая дѣятельность».... Какъ будто есть противорѣчіе и несовмѣстность, между употребленіемъ вещей и умѣренностію въ употребленіи ихъ, между свободной и полезной дѣятельностію честной промышленности, и владычествомъ надъ собою этой въ упражненіи промышленностію. Какъ будто бы побѣды

шенія—вотъ истинный способъ усовершенствовать въ себѣ человѣка чувствующаго и человѣка мыслящаго.» Никакое общество не умѣло понять это лучше Церкви христіанской.

умственныя и политическія подвергались малѣйшей опасности отъ того, что люди считая духъ владыкою, а тѣло рабомъ, находя, что въ сущности потребности истины заключаются въ предѣлахъ довольно тѣсныхъ, согласились бы добровольно прекратить свои *огромныя матеріальныя наслажденія* на нѣсколько часовъ, въ нѣкоторые дни, и на нѣсколько дней въ году!

Бездна раздѣляетъ эти мысли совершенно земныя, эти низкія стремленія, эти грубыя удовольствія, отъ неизрѣченныхъ радостей, открытыхъ Іисусомъ Христомъ, которыя водворяютъ въ душу человѣка миръ съ Богомъ, съ прочими людьми и съ самимъ собою. Очевидно, тутъ находятся истинныя блага: блаженъ умѣющій вкушать ихъ.

Благочестивое правило, положенное въ сердцѣ человѣка трудящагося и страдающаго, услаждаетъ его бѣдствія и подкрѣпляетъ бодрость его, равно какъ положенное въ сердцѣ могучаго и богатаго человѣка, оно охраняетъ его противъ искушеній благополучія, очищаетъ, облагороживаетъ и довершаетъ его счастіе.

ГЛАВА IV.

Объ отвращеніи и удаленіи отъ грѣха.

Грѣшить, значитъ нарушать долгъ свой. Мы обязаны слѣдовательно ненавидѣть грѣхъ всею силою любви, которую должны питать къ своему долгу. Въ исполненіи долга заключается вмѣстѣ любовь къ себѣ, любовь къ людямъ, любовь къ Богу, любовь къ самому долгу, любовь къ совершенству. Таковы, въ самомъ дѣлѣ

главнѣйшіе двигатели, дѣйствующіе на душу человѣческую и направляющіе обыкновенно наши мысли, рѣчи и дѣйствія. Это признано всѣми философами, которые съ большимъ тщаніемъ занимались изслѣдованіемъ всего, могущаго благопріятствовать успѣхамъ жизни нравственной и религіозной; но въ то же время, они намъ показали при помощи исторіи, сколько важныхъ безпорядковъ и страшныхъ злоупотребленій возникло отъ исключительнаго преобладанія одного изъ этихъ чувствъ, самихъ по себѣ столь законныхъ, отъ слѣпаго натиска каждаго изъ сихъ двигателей, впрочемъ столь естественныхъ и необходимыхъ. Одно христіанство могло одушевить сердце человѣка всѣми сими побужденіями, притомъ и въ той должной мѣрѣ, которая согласуетъ, оплодотворяетъ и сохраняетъ все.

Равнымъ образомъ одно христіанство въ грѣхѣ показываетъ намъ вмѣстѣ самаго грѣшника униженнаго, другихъ людей соблазненныхъ, Бога оскорбленнаго, обязанность не познанную, совершенство прегражденное.

Нужда есть соблазнамъ прiити! Никогда не раздавалось слова болѣе глубокаго и страшнаго между людьми. Эта ужасающая необходимость соблазна есть послѣдствіе полной и совершенной свободы, оставленной Богомъ благоразумной твари. «Жизнь и смерть, добро и зло, говоритъ Писаніе, были показаны человѣку: ему будетъ дано то, что онъ больше возлюбилъ.»

Великая книга явится въ послѣдній день. Она состоитъ изъ листовъ, на которыхъ каждый день, въ каждое мгновеніе живой свѣтъ правосудія Божія начертываетъ всѣ рѣчи и всѣ поступки человѣческіе. Къ сча-

стію, Богъ опредѣлилъ покаяніе, для того чтобъ изглаждать, по мѣрѣ надобности, эти обличительныя начертанія.

Человѣкъ, который въ продолженіи времени, даннаго ему Богомъ для выбора, рѣшается предпочесть зло добру и смерть жизни, будетъ имѣть на всю вѣчность предпочтенное имъ зло и смерть. Но и на кого ему жаловаться, какъ не на самаго себя?

«Богу, говоритъ Боссюэтъ, разсуждая о падшихъ ангелахъ, не было надобности ни въ громахъ, ни въ силѣ непобѣдимой десницы, чтобъ поразить мятежниковъ. Ему стоило только отступить отъ тѣхъ, которые отъ Него отступали, и предать самимъ себѣ искавшихъ самихъ себя.» Онъ поступаетъ съ человѣкомъ преступнымъ и не кающимся также, какъ поступилъ съ непокорнымъ ангеломъ.

Есть значительная разница между временемъ и вѣчностію. Здѣсь зрѣніе коротко, мысль слаба, чувство ограниченно, и чѣмъ болѣе мы предаемся злу, тѣмъ болѣе теряемъ вѣдѣніе и даже самое понятіе о благѣ. Тамъ душа, униженная отъ привычки и расположенія къ злу, въ одно время будетъ скорбѣть отъ невозможности когда нибудь наслаждаться зломъ, и будетъ знать добро, почувствуетъ, что была создана любить его, и сожалѣя, что не избрала его цѣлію своихъ усилій, впадетъ въ новую скорбь, глубочайшую первой, отъ отчаянія, что никогда уже не будетъ въ состояніи обладать имъ.

Это двойное отчаяніе души, поставленной въ виду самой себя и обладающей всей энергіей своихъ спо-

собностей, безъ возможности когда либо удовлетворить имъ, вотъ *скрежетъ зубовъ*, о которомъ говорится въ Евангеліи, вотъ вѣчный плачъ, о которомъ такъ сильно скорбитъ Боссюэтъ; самые язычники провидѣли это ужасное состояніе, когда они представляли своего Тантала, вѣчно снѣдаемаго палящей жаждой среди водъ, или злодѣевъ, снѣдаемыхъ отъ досады при видѣ добродѣтели.

Отецъ Ривиньянъ проповѣдывалъ однажды въ древнемъ соборѣ парижской Бого-Матери, въ присутствіи отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ молодыхъ людей. Это было 23-го марта 1842 года. «Въ здѣшнемъ мірѣ, говорилъ онъ, со грѣхомъ соединены наслажденія и сомнѣнія. Въ аду вмѣстѣ съ грѣхомъ будутъ страдать и вѣровать; да, вѣровать, полно, и всецѣло, чтобы содрогаться и ненавидѣть.» *Демоны вѣруютъ и трепещутъ.*

«При видѣ праведныхъ спасенныхъ», говоритъ намъ еще Писаніе, знающее тайны будущаго и вѣчности», при видѣ праведныхъ спасенныхъ, злыми овладѣетъ ужасный страхъ, и, полные раскаянія, они воздохнутъ и съ стѣсненными сердцами скажутъ: вотъ тѣ, которые были когда-то предметомъ нашихъ насмѣшекъ, и о которыхъ мы говорили только съ крайнимъ презрѣніемъ. Какъ безумны были мы! Жизнь ихъ казалась намъ безсмысленною и смерть постыдною. Вотъ они однакоже введены въ число чадъ Божіихъ, и удѣлъ ихъ со святыми. Стало быть правда, что мы совратились съ пути истины, свѣтъ правды не сіялъ для насъ, и солнце разума не взошло надъ нами. Мы утомились на стезѣ беззаконія и пагубы; мы ходили по путямъ жесткимъ и

трудным, и не познали пути Господня. Къ чему послужила гордость? Что принесла намъ тщеславная похвала нашими богатствами? Всѣ эти вещи изчезли какъ тѣнь, какъ быстрый гонецъ, какъ корабль разсѣкающій смятенныя волны и не оставляющій по себѣ никакого слѣда, какъ птица разсѣкающая воздухъ или какъ стрѣла, пущенная къ своей цѣли. Мы не могли обнаружить въ себѣ никакого слѣда добродѣтели, и злоба наша погубила насъ.»

(Изъ книги Премудрости, гл. V.)

По истинѣ, удивительно ослѣпленіе людей, всегда предостерегаемыхъ и всегда нечувствительныхъ, строптивыхъ. Масилльонъ даетъ поразительное о томъ понятіе въ слѣдующемъ превосходномъ мѣстѣ изъ его рѣчи къ воинамъ при благословеніи знаменъ: «ничто не пребываетъ, все истребляется, все угасаетъ, Богъ Единъ пребываетъ неизмѣнный, и лѣта Его не оскудѣютъ. Потокъ вѣковъ течетъ предъ глазами Его, и Онъ смотритъ съ видомъ мщенія и гнѣва на слабыхъ смертныхъ въ то самое время, когда они увлекаемые роковымъ теченіемъ мимо-ходя ругаются Ему, пользуясь однимъ мгновеніемъ, чтобъ обезчестить имя Его, и впасть по выходѣ оттуда въ руки вѣчнаго гнѣва и правосудія Его.»

Видъ всѣхъ золъ, опустошающихъ міръ физическій и нравственный, изумляетъ, печалитъ и соблазняетъ. Но пусть спросятъ себя, какъ много погибло бы добраго и прекраснаго, еслибъ это зло не существовало. Очевидно, что для порожденія всѣхъ добродѣтелей возвышающихъ и усовершенствующихъ человѣка, Богъ восхотѣлъ дать

ему свободу и дозволилъ всѣ злоупотребленія этой свободы, подобно тому, какъ дозволяетъ Онъ гладъ и губительныя болѣзни.

ГЛАВА V.

Объ умѣренности въ желаніяхъ.

«Мы должны любить безконечно то, что безконечно достойно любви; мы должны ненавидѣть безконечно то, что заслуживаетъ безконечной ненависти. Это весьма справедливо сказано христіанскими философами, которые находили нужнымъ обуздывать страсти и укрощать желанія, безпрестанно возраждающіяся въ человѣческомъ духѣ.

Все это легко согласовать подъ вліяніемъ духа христіанскаго.

«Умѣренность христіанская, говоритъ Николь, состоитъ вообще въ томъ, чтобы пользоваться тварями въ предѣлахъ необходимости..... Человѣкъ унижаетъ себя наслажденіемъ благъ недостойныхъ превосходства его природы, и разслабляетъ душу свою привязанностію къ этимъ наслажденіямъ. Воздержаніе напротивъ имѣетъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ укрѣплять душу, избавлять, изцѣлять ее. Должно наблюдать строгую умѣренность не только относительно пищи и питія, но хранить такое же воздержаніе и при употребленіи всѣхъ вещей въ мірѣ. Нѣтъ ничего болѣе противнаго благочестію и духу молитвы, какъ шумныя увеселенія и тревожныя волненія. Умъ черезъ нихъ прилѣпляется къ предметамъ земнымъ, и трудно потомъ отрѣшить

его отъ нихъ, и собрать его, когда нужно хвалить Бога. Воображеніе привыкаетъ къ непостоянству, и умъ не въ состояніи уже болѣе заняться Богомъ и внимать себѣ. Избѣжать разсѣянности ума можно только общимъ воздержаніемъ отъ всѣхъ излишнихъ удовольствій и умѣряя себя даже въ употребленіи почитаемыхъ нужными, какъ и въ прочихъ потребностяхъ, не предавая имъ ума нашего и сердца; это относится къ благоразумному употребленію всѣхъ чувственныхъ предметовъ.

«Истинное спокойствіе сердца можно находить только въ сопротивленіи страстямъ, а не въ раболѣпствѣ имъ. Всякій разъ, когда человѣкъ желаетъ чего нибудь необдуманно, онъ дѣлается безпокоенъ въ себѣ. Горделивый и скупой не бываютъ никогда въ покоѣ; смиренный сердцемъ и довольный въ бѣдности живутъ въ глубокомъ мирѣ.

«И такъ приложимъ сѣкиру къ корню дерева, дабы, очистившись отъ страстей, вкусить миръ душевный.»

Для чего хотите вы видѣть то, чего не позволено имѣть? Міръ преходитъ, и предметы вождѣленій преходятъ съ нимъ. Оставьте вещи суетныя людямъ суетнымъ; вы же старайтесь исполнять повелѣнное вамъ Богомъ.» *(Изъ Подражанія Іисусу Христу).*

«Взгляните на птицы небесныя: они не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

«Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, не прядутъ, но Я вамъ говорю, что и Соломонъ во всей славѣ своей такъ не одѣвался, какъ всякая изъ нихъ. Если же полевую траву, которая сего-

дня растетъ, а завтра брошена будетъ въ печь, Богъ такъ одѣваетъ; то кольми паче васъ, маловѣры.

«Не заботьтесь же, говоря: что намъ ѣсть, или что пить, или во что одѣться? Потому что всего сего ищутъ язычники, и потому что знаетъ Отецъ вашъ небесный, что вы во всемъ томъ имѣете нужду.

«Ищите же прежде всего Царствія Божія и правды Его, и все сіе приложится вамъ.

(Изъ Евангелія отъ Матѳея VI. 26—33.)

И такъ будемъ укрошать наши желанія, а тлѣнныхъ и преходящихъ благъ міра сего будемъ искать единственно по необходимости, при чемъ должно остерегаться отнять у души человѣческой ея ненасытимую алчность величія и славы, свойственную самой ея природѣ и безсмертнымъ надеждамъ ея. Будемъ стараться съ помощію Божіею поддерживать ее парящею надъ землею, и устремленною со всею ревностію и горячностію своихъ желаній къ благамъ вѣчнаго отечества.

Всякое величіе, которое можно опредѣлить, измѣрить, недостойно законныхъ надеждъ человѣка. Мысль человѣческая стремится далѣе, и все, что она можетъ обнять, должно быть доступнымъ и для ея наслажденія; иначе мысль эта, составляющая славу человѣка, содѣлала бы его несчастіе. Вѣчное блаженство, обѣщанное Богомъ избраннымъ своимъ, одно соотвѣтствуетъ этой безконечной потребности.

Замѣчательно, что самъ апостолъ, который былъ восхищенъ до третьяго неба, и слышалъ неизреченныя слова, довольствуется указаніемъ въ неопредѣленныхъ и таинственныхъ выраженіяхъ, ускользающихъ отъ вся-

каго анализа, благъ, которыя Богъ уготовляетъ избраннымъ своимъ въ этомъ селеніи вѣчныхъ утѣхъ: «глазъ не видалъ, ухо не слышало, и на сердце человѣческое не восходило, что Господь уготовалъ любящимъ Его». И, по истинѣ, всякое описаніе, выраженное человѣческими звуками, было бы слабо, всякое опредѣленіе было бы опасно; то что умъ человѣческій могъ бы разложить, разсѣялось бы и потерялось въ его тщетныхъ и холодныхъ умствованіяхъ. Двухъ словъ достаточно для того, кто знаетъ, что значитъ любить: вы будете любить вѣчно, и вѣчно наслаждаться любимымъ предметомъ.

ГЛАВА VI.

О презрѣніи страданій и смерти.

Христіанство заключаетъ все ученіе о страданіяхъ и смерти въ двухъ словахъ: *да несетъ крестъ свой* всякой человѣкъ. Крестъ необходимъ всѣмъ, какъ воздаяніе за грѣхъ, и какъ условіе будущей славы.

И дабы оживить изнемогающее наше мужество, дабы облегчить этотъ крестъ, возложенный на человѣка, грѣшника, христіанство безпрерывно представляетъ намъ зрѣлище Богочеловѣка, страждущаго и умирающаго на Голгоѳѣ. Жертва невинная и добровольная для спасенія человѣка, Іисусъ Христосъ, по словамъ Писанія, не иначе взошелъ въ Свою славу, какъ путемъ страданія и смерти. *Тако бо подобаше пострадати Христу.*

Христіанинъ есть иной Христосъ, сказалъ блаженный Августинъ; и папа Левъ святый любилъ повторять вѣрнымъ, тѣснившимся около каѳедры св. Петра,

эти прекрасныя слова: «познайте, христіане, познайте свое достоинство». Какъ же будемъ мы искать иного пути, кромѣ царскаго пути креста?

Жизнь человѣка есть испытаніе, борьба, непрерывное искушеніе. Душа человѣка есть грубый алмазъ, на который небесный Художникъ наводитъ грань, и который полируетъ треніемъ скорбей. Человѣкъ, живой камень, назначенный вѣчнымъ Строителемъ для святаго града.

«Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся». *(Мѳ. глава V ст. 4).*

«Блаженъ человѣкъ, который переноситъ искушеніе, потому что, прошедши испытаніе, онъ получитъ вѣнецъ жизни, который обѣщалъ Господь любящимъ Его. *(Іакова 1, 12)*

«Я увѣренъ, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стóятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ». *(Св. Павла посланіе къ Римлянамъ, глава VIII, 18)*

«*Страданіе есть молитва*», превосходно сказалъ Николь; и какая молитва, принесенная Богу, оставалась когда-либо безъ утѣшенія?»

«Не слѣдуетъ, говоритъ Паскаль, описывая смерть отца своего, не слѣдуетъ, чтобы мы были безчувственны и не ощущали боли въ печаляхъ и скорбныхъ случаяхъ подобно ангеламъ, стоящимъ выше чувствъ человѣческихъ. Также не слѣдуетъ намъ быть безъ утѣшенія, какъ язычникамъ, лишеннымъ ощущенія благодати; но должно намъ скорбѣтъ и утѣшаться, какъ христіанамъ, чтобы утѣшеніе благодати превозмогало природное чувство, и чтобы наши печали служили какъ бы веще-

ствомъ для жертвы, приносимой благодатію во славу Господню».

«Богъ меня истязуетъ, Онъ имѣетъ на то свои причины». Это слово Коммина стоитъ цѣлыхъ томовъ.

«Мудрый, въ смыслѣ міра, страдаетъ безъ жалобъ и пребываетъ твердъ среди мученій душевныхъ. Но одному христіанину дано вкушать страданіе и наслаждаться слезами, о чемъ прочіе люди не имѣютъ понятія. О какъ зналъ нищету и нужды Своей твари Тотъ, Кто для нее сотворилъ блаженство и пользу слезъ! *Блаженни плачущіи!*

Какъ Богъ хочетъ, такъ и бываетъ; вотъ божественное всемогущество! Тому, что бываетъ, человѣкъ покоряется, это человѣческая мудрость. Что бываетъ, человѣкъ того хочетъ, и хочетъ такъ, какъ Богу угодно, когда Богу угодно, потому что Богу такъ угодно; это христіанское любомудріе.

Это любомудріе, умѣющее страдать и принимать страданіе, какъ воздаяніе за содѣланные грѣхи, и какъ ручательство и залогъ будущаго, доступно всѣмъ людямъ, отъ хижины бѣдняка до царскихъ палатъ. Это любомудріе внушило одной царственной особѣ молитву изумительную по христіанской преданности. «Что будетъ со мною сегодня, Боже мой? Я не знаю. Все, что знаю, это то, что не будетъ со мною ничего, кромѣ того, что Ты предвидѣлъ, предустановилъ, хотѣлъ и повелѣлъ отъ вѣчности. Сего довольно. Благоговѣю предъ Твоими судьбами вѣчными, неизслѣдимыми, преклоняюсь предъ ними отъ всего сердца, изъ любви къ Тебѣ. Хочу всего, принимаю все, жертвую Тебѣ всѣмъ, и эту жертву осмѣ-

ливаюсь приложить къ жертвѣ моего Божественнаго Спасителя. Прошу у Тебя, Господи, терпѣнія въ страданіяхъ и совершенной покорности ко всему, что Ты хочешь или дозволяешь». Насталъ день воли Божіей для этой мужественной женщины, жены, дочери и сестры царской, бывшей образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Въ этотъ день она претерпѣла смерть со всѣми ея ужасами, со всѣмъ позоромъ на эшафотѣ, воздвигнутомъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ погибли ея братъ, сынъ св. Лудовика и сестра ея, дщерь кесарей.

Величайшее зрѣлище, сказали древніе, какое земля можетъ представить небу, это праведникъ въ борьбѣ съ нещастіемъ. Не менѣе достоинъ неба христіанинъ въ борьбѣ съ страстями, не уступающій имъ, сражающійся и преслѣдующій ихъ неутомимо во внутреннѣйшихъ глубинахъ души, до того славнаго дня, когда великодушный борецъ достигнетъ цѣли, и увѣренный въ торжествѣ, воспоетъ во славу Трисвятаго Бога гимнъ побѣды.

«Всякой знаетъ, что онъ умретъ; все ему о томъ непрестанно напоминаетъ: эта неминуемая смерть должна рѣшить будущую судьбу нашу, вѣчно блаженную, или вѣчно бѣдственную. Эти двѣ вѣчности столь различныя, одна столь ужасная, другая столь вожделѣнная, зависятъ отъ расположенія нашего сердца въ послѣднюю минуту. Въ эту минуту непремѣнный приговоръ рѣшитъ навсегда судьбу нашу, и этотъ приговоръ дѣлается для насъ благосклоннымъ, или грознымъ, смотря по тому, какъ мы употребляемъ краткое время жизни, данное намъ на приготовленіе. Люди все это знаютъ, и большая часть

не думаетъ объ этомъ! Они, напротивъ того, стараются всѣми силами изгнать изъ памяти эти предметы, избѣгать, сколько возможно, встрѣчи съ ними, удалять все, что живо представляетъ смерть, и многіе въ томъ успѣваютъ до того, что умираютъ, никогда не подумавъ о смертномъ часѣ.»

Однакоже всѣ люди призваны побѣдить эту смерть, которой Богъ не создалъ, эту смерть—послѣдствіе грѣха, которая побѣждена на крестѣ. Всѣ, если бы хотѣли, облеченные славою и безсмертіемъ, могли бы нѣкогда быть въ правѣ дерзновенно воскликнуть съ апостоломъ: «О смерть! гдѣ твоя побѣда? О смерть, гдѣ твое жало?»

Человѣкъ, умирая, оканчиваетъ свое земное назначеніе; онъ, конечно, становится жертвою, но жертвою разумною и покорною, блаженною и торжествующею. Онъ возвращаетъ съ лихвою данное ему: небу душу пришедшую съ неба; землѣ тѣло, рожденное отъ земли. Онъ предаетъ землѣ тѣло, этого вѣрнаго спутника души, какъ земледѣлецъ кладетъ въ плодоносную почву пшеничное зерно долженствующее истлѣть, умереть въ нѣкоторомъ смыслѣ, чтобы принесть обильный плодъ.

Христіанская Церковь достойна удивленія, когда она вознося молитвы надъ гробомъ преставшагося, услаждаетъ слезы скорбящаго сына, супруга или друга, и устремляя взоръ на божественную жертву, приношеніе которой она возобновляетъ, призываетъ торжествовать съ нею вѣру въ блаженную вѣчность.

Церковь еще достойна удивленія, когда на другой день празднованія различныхъ торжествъ, по воспоминанію

безсмертныхъ вѣнцевъ и блаженства чадъ ея, уже прославленныхъ и ликующихъ въ вѣчности, она обращается къ другимъ чадамъ своимъ, которые уже болѣе не подвизаются землѣ, но еще воздыхаютъ въ чаяніи блаженства ожидающаго ихъ.

Вчера въ гимнахъ и пѣснопѣніяхъ мы праздновали радостное торжество подвижниковъ, пламенное рвеніе которыхъ восхитило царство небесное; сегодня мы проливаемъ слезы о душахъ томимыхъ горестію. Но плачъ нашъ есть радость ихъ. Могущественной молитвѣ дано облегчать участь терпящихъ временное мученіе. Пойдемъ же, посѣтимъ гробницы, въ которыхъ покоятся ихъ бренные остатки. Человѣкъ ежечасно приближается къ смерти, поражается ею; но утѣшимся! небесный лучъ проникнетъ даже въ мрачную страну могилъ.

Здѣсь ощутительно непзмѣримое различіе эры христіанской, отъ временъ предшествовавшихъ ей.

Кесарь, когда приходилось ему посреди сената подвергать жизнь опасности, дабы спасти Римъ отъ ужасовъ Катилины, въ этомъ случаѣ, представлялъ смерть какъ конецъ страданій человѣческихъ, не оставляющій мѣста ни для горести, ни для радости.

Тацитъ, этотъ важный историкъ, глубокій философъ и притомъ столь сильно чувствовавшій все великое, этотъ нѣжный родственникъ оплакиваетъ съ трогательнымъ краснорѣчіемъ смерть своего вотчима. Онъ отыскиваетъ всѣ причины, могущія облегчить его собственную печаль и содѣлать менѣе горькими слезы неутѣшной вдовы и любимой дочери. Описавши всѣ добродѣтели образцоваго человѣка, память коего онъ хочетъ передать по-

томству, не запятнанною, и полный воспоминанія столь прекрасной жизни, онъ не идетъ далѣе этого боязливаго размышленія. «Если есть обитель для тѣней людей добродѣтельныхъ, если, по вѣрованію мудрыхъ, великія души не угасаютъ съ тѣлами, то покойся съ миромъ, Агрикола!» Несравненно положительнѣе, несравненно утѣшительнѣе, языкъ Церкви, получившей обѣтованіе будущаго вѣка. Да простятъ намъ, если мы повторимъ еще разъ: «печальтесь, христіане, но не какъ безнадежные: для васъ жизнь лишь видоизмѣнилась. Когда душа видитъ разрушеніе своей земной храмины, вѣчная обитель уже уготована ей на небесахъ (*).

ГЛАВА VII.

О совѣсти и доброй славѣ (честномъ имени.)

Истинная свобода и истинная радость только въ страхѣ Божіемъ и въ доброй совѣсти.

«Имѣй чистую совѣсть, и ты не убоишься смерти.

«Кто любитъ Бога всѣмъ сердцемъ, тотъ не боится ни

(*) Замѣтимъ мимоходомъ, что тоже самое можно сказать и о всѣхъ догматахъ христіанскаго ученія касательно великихъ интересовъ человѣчества. Вездѣ религія Богочеловѣка замѣнила сомнѣніе увѣренностію, тьму свѣтомъ, и не только для великихъ душъ, для людей знаменитыхъ и для отличившихся блестящими подвигами тайны вѣчности открыты. Даже неимущимъ, и имъ въ особенности возвѣщено Евангеліе. Передъ Богомъ всѣ души велики, всѣ души равны, потому что всѣ созданы по Его образу и подобію, всѣ искуплены цѣною неоцѣненною, всѣ призваны къ одной участи, какъ происшедшіе отъ одного корня.

смерти, ни суда, ни ада. Совершенная любовь даетъ къ Богу дерзновеніе.

«Во всѣхъ вещахъ разсматривай конецъ, и то, какъ ты явишься передъ строгаго Судію, Которому все открыто, Который не умилостивляется дарами, не принимаетъ оправданій, но все судитъ по правдѣ.

И блаженъ, кто умѣетъ избѣгать всего того, что чернитъ и обременяетъ совѣсть! *(Изъ Подражанія Іисусу Христу).*

Но если совѣсть уже была замарана и обременена, потеряна ли всякая надежда? Міръ, по слабости или по гордости, съ трудомъ вѣритъ въ раскаяніе и по своему невѣрію, жестокосердый, очень часто лишаетъ его бодрости и отталкиваетъ его отъ себя. *Единъ Богъ благъ*, и по безконечной Его благости, тѣ коихъ Онъ наиболѣе возлюбилъ въ продолженіи земной Своей жизни, тѣ коимъ Онъ благовѣствовалъ съ бо́льшимъ усердіемъ и нѣжностію послѣ бѣдныхъ, это грѣшники. Съ какою радостію Отецъ Небесный видитъ возвращеніе въ Свои объятія, блуднаго сына, явившаго себя столь недостойнымъ Его любви и покинувшаго Его! Съ какимъ нѣжнымъ состраданіемъ утѣшаетъ Онъ взглядомъ женщину, исполненную раскаянія и любви.

Невинность сохраненная, невинность возстановленная, вотъ два большіе пути, открытые для человѣчества къ достиженію конца своего совершенства и блаженства въ Богѣ. Блаженъ, кто идетъ первымъ путемъ; не менѣе блаженъ, кто имѣетъ мужество проходить и вторымъ!

«Будемъ прислушиваться къ гласу нашей совѣсти, краснѣть отъ поступковъ, которые она порицаетъ, бу-

демъ ихъ исповѣдывать, чтобъ отъ нихъ очиститься, и не престанемъ до конца дней нашихъ омываться въ священной купели покаянія. Если эту обязанность будемъ исполнять не съ дремлющей волей, если не будемъ довольствоваться тѣмъ только, чтобы порицать свои недостатки одними устами, но если къ покаянію присоединится истинное желаніе исправленія (смѣйся кто хочетъ), то нѣтъ ничего спасительнѣе, ничего возвышеннѣе, ничего достойнѣе человѣка.» (Сильвіо Пеллико.)

Лейбницъ громко призналъ сіи истины въ своей *философской Системѣ*. «Нельзя не признать, что сіе установленіе достойно божественной мудрости, и нѣтъ ничего превосходнѣе въ законѣ христіанскомъ. Необходимость исповѣди отводитъ многихъ отъ зла; она подаетъ большія утѣшенія падшимъ, и потому на всякаго духовника, благочестиваго, строгаго и осторожнаго я смотрю, какъ на великаго проводника божественной воли для спасенія душъ. Его совѣты научаютъ насъ, какъ управлять нашими наклонностями, сознавать свои недостатки, избѣгать случаевъ ко грѣху, возвращать отнятое, исправлять соблазны, разсѣявать сомнѣнія; они возстановляютъ духъ унывающій, наконецъ исцѣляютъ и облегчаютъ всѣ страданія душъ страждущихъ, и если трудно въ дѣлахъ человѣческихъ сыскать что либо превосходнѣе вѣрнаго друга, то во сколько разъ превосходнѣе другъ связанный ненарушимымъ обѣтомъ божественной религіи, и тѣмъ обязанный хранить тайну вашу и оказывать вамъ возможное пособіе?

Церковь разрѣшила эту трудную задачу: заставить признаться въ винѣ и спасти честное имя виновнаго. Таинство покаянія достигаетъ сей двойной цѣли. Грѣхъ

сознанъ, но сознаніе пребываетъ въ ненарушимой тайнѣ. Недавно въ торжественномъ судѣ, почетный судія поставивъ на видъ, какъ должны быть уважаемы тайны ввѣренныя врачамъ, стряпчимъ, нотаріусамъ, «не говоримъ уже, прибавилъ онъ, о тайнѣ исповѣди; исповѣдаются не человѣку, а Богу».

«Слава добраго человѣка въ его совѣсти, а не въ устахъ людей; однако же когда совѣсть уже просвѣщена и удовлетворена, позволительно позаботиться и о пріобрѣтеніи честнаго имени. Это обязанность, передъ самимъ собой, и обязанность въ отношеніи къ ближнимъ; ибо хорошо, дабы поддержаться въ добродѣтели не отнимать у собственной слабости той поддержки, которую подаетъ ей благопріятное мнѣніе честныхъ людей; хорошо также доказать имъ, что мы цѣнимъ ихъ одобреніе и изъ онаго почерпаемъ новыя силы для добра.

«Добрая слава, говоритъ Писаніе, выше богатствъ, а дружба цѣннѣе золота и серебра.

«Какъ свѣтъ очей радость души, такъ добрая слава источникъ радости и здоровья.

«Старайся снискать добрую славу; добрая слава пребываетъ во вѣки.»

Послѣ этого, пусть мнѣніе и обязанность на время окажутся несогласными и въ противорѣчіи, пусть исполненіе обязанности на время показывается вреднымъ для чести и добраго имени, пусть добродѣтель покрывается позоромъ. Это жестокія испытанія, которымъ Господь иногда подвергаетъ души, вооруженныя Имъ особенною крѣпостію. Но можетъ ли христіанинъ колебаться? Привыкшій созерцать на крестѣ Святаго святыхъ, смѣшан-

наго съ злодѣями и убиваемаго своимъ собственнымъ народомъ, какъ врага Бога и человѣковъ, христіанинъ въ свою очередь принимаетъ чашу горечи, онъ испиваетъ желчь, опускаетъ голову и, если нужно, умираетъ для исполненія судебъ Божіихъ съ полною покорностію опредѣленію вѣчной правды Его.

Но и когда человѣкъ не доведенъ еще до этой жестокой крайности долженъ сказать себѣ, что невозможно въ здѣшнемъ мірѣ угодить всѣмъ, и что осторожность научаетъ насъ ожидать похвалы отъ однихъ, и порицанія отъ другихъ. Или ты не имѣешь никакой репутаціи, или пріобрѣлъ ихъ двѣ. Или ты пройдешь незамѣченнымъ по большому пути жизни, смѣшенный въ темной толпѣ подвигающейся безмолвно къ смерти и забвенію; или ты будешь замѣченъ, указываемъ пальцемъ, и въ этомъ случаѣ, по закону непостоянной природы человѣческой, одни хвалятъ, другіе бранятъ. Одни и тѣ же дѣйствія и слова иначе перетолковываются благосклонностію, и иначе ненавистію. Иногда порицаніе бываетъ всеобщее, и за тебя одна совѣсть твоя и Богъ; но правду сказать: этого достаточно.

ГЛАВА VIII.

О выборѣ состоянія.

«Вещь удивительная, восклицалъ благороднымъ и трогательнымъ языкомъ своимъ авторъ разсужденія *Объ обязанностяхъ*»; всѣ состоянія, начиная отъ самыхъ блистательныхъ до состоянія смиреннаго ремесленника имѣютъ своего рода сладость и истинное достоинство. Для

этого нужно только питать въ себѣ добродѣтель принадлежащую всякому званію. Разъ осторожно выбравши путь, не подражай людямъ жалующимся безпрестанно. Не тревожься никакими сожалѣніями, ни тщетнымъ желаніемъ перемѣны. Всякой путь въ жизни имѣетъ свое терніе. Коль скоро ты поставилъ ногу на одинъ изъ нихъ, продолжай идти. Отступленіе есть подлость. Постоянство и твердость похвальны во всемъ, кромѣ зла.» (*Сильвіо Пеллико.*)

Назначеніе человѣка въ этой жизни не есть счастіе, но усовершенствованіе. Какимъ образомъ будетъ цѣлію нашей нравственной свободы счастіе этой краткой жизни, которую страданіе, старость и смерть исторгаютъ изъ власти нашей? Но не такъ съ усовершенствованіемъ. Всякій день, всякій часъ и всякое мгновеніе могутъ способствовать ему. Всѣ приключенія счастливыя и несчастливыя могутъ равно служить къ тому, въ какомъ бы положеніи мы ни находились на землѣ. (*Г-жа Сталь.*)

Крѣпко держаться дороги избранной съ зрѣлымъ разсужденіемъ; и какіе бы ни были шансы этой дороги въ отношеніи къ выгодамъ матеріальнымъ, къ славѣ человѣческой, крѣпко себя увѣрить, что мы въ этой жизни не для веселья и покоя, но для усовершенствованія души, дабы привести ее къ безсмертному и славному концу; вотъ два отличныя средства пройдти путь жизни мужественно и добродѣтельно.

Но чтобъ лучше оцѣнить трудность и важность выбора состоянія, надобно начать издалека и загля нуть поглубже въ жизнь всякаго человѣка.

«Отцы и матери, говоритъ Николь, должны подумать, что Богъ, будучи творцемъ ихъ дѣтей, есть также ихъ господинъ и отецъ, что они надъ дѣтьми не имѣютъ никакихъ правъ въ ущербъ Бога; что Онъ имъ поручилъ дѣтей на храненіе и соблюденіе, какъ наслѣдниковъ, которымъ назначено царство вѣчное, что попеченіе о ихъ воспитаніи важнѣйшее изъ ихъ дѣлъ, и что воля Божія должна быть ихъ основнымъ правиломъ въ выборѣ состоянія. Отсюда двѣ существенныя истины для руководства въ жизни: первая, что не довольно отцамъ и матерямъ выбирать состояніе или занятіе для своихъ дѣтей, не разсматривая, есть ли на то ему Божіе призваніе, и не слѣдовать въ своемъ выборѣ однимъ человѣческимъ выгодамъ и временной пользѣ; вторая, что отцы и матери должны всѣми силами уважать и поддерживать выборъ Божій, коль скоро Онъ его проявляетъ.»

Мы зависимъ отъ Бога существованіемъ и образомъ существованія; всѣ наши дѣйствія должны относиться къ Нему, тѣмъ болѣе тѣ дѣйствія, которыя, какъ родъ жизни, служатъ источникомъ множества другихъ дѣйствій.

«Вы знаете, говорилъ Массильонъ, что такъ какъ наша судьба входитъ въ общее управленіе вселенной и въ связи съ окружающими насъ безчисленными и тайными отношеніями, то мы не можемъ располагать оною, точно также какъ и ходомъ всемірнымъ и цѣлой гармоніей видимаго міра; вы знаете, что выборъ состоянія въ жизни, будучи главнѣйшимъ средствомъ къ нашему оправданію, этотъ выборъ не можетъ быть дѣломъ одного человѣка, такъ какъ и самое оправданіе; и, если правда, что человѣкъ предоставленъ собственному своему совѣту,

то также правда, что участь его всегда въ рукахъ Божіихъ. (*Изъ духовныхъ конференцій*).

Различныя поприща, открывающіяся передъ молодымъ христіаниномъ, суть столько же путей, которыми онъ долженъ стремиться къ Богу.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ ДРУГИМЪ ЛЮДЯМЪ.

ГЛАВА I.

О любви къ справедливости.

Одинъ французскій законовѣдъ, одинъ изъ христіанскихъ философовъ, составившихъ украшеніе вѣка д'Агессо (des d'Aguessau) и Паскалей, (des Pascal), ученый и добродѣтельный Доматъ (Domat), показалъ въ своемъ разсужденіи о законахъ (Traite' des lois), какимъ образомъ всѣ обязанности человѣка въ отношеніи къ себѣ самому и обществу, естественно вытекаютъ изъ двойной заповѣди о любви къ Богу и къ ближнимъ.

Честь Домату! Честь религіи, которая внушила ему такую прекрасную и плодотворную мысль!

«Первый законъ человѣка, законъ повелѣвающій ему искать и любить верховное благо, общій всѣмъ людямъ; онъ заключаетъ въ себѣ другой законъ, обязывающій ихъ къ взаимному единодушію и любви. Они

имѣютъ своимъ назначеніемъ соединенно обладать благомъ единственнымъ, которое должно составить ихъ общее счастіе. Но люди не могутъ быть достойны такого единства въ обладаніи ихъ общею цѣлію, если не начнутъ своего единенія взаимною любовію въ жизни, которая ведетъ къ этой цѣли. Богъ такъ приспособилъ людей между собою и вселенную къ нимъ, что одни и тѣ же предметы, которые должны возбуждать въ людяхъ любовь къ верховному благу, налагаютъ на нихъ обязанности въ отношеніи къ обществу и взаимной любви; ибо ни внѣ человѣка, ни въ человѣкѣ не видно ничего такого, чтобы не указывало на его назначеніе въ обществѣ.»

Первое основаніе этого общества, и такъ сказать, первая форма любви, которую мы обязаны имѣть другъ къ другу, это справедливость.

Справедливость состоитъ существенно въ неотлагательномъ и неослабномъ исполненіи слѣдующаго великаго правила: *воздавать каждому должное.*

Это—верховное правило царя на престолѣ, судьи на судѣ, прясяжнаго на совѣщаніи, администратора въ кабинетѣ, отца семейства среди его дѣтей, господина среди служителей; это — правило наставника въ отношеніи къ воспитанникамъ, владѣльца къ сосѣдямъ, негоціанта въ отношеніи къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; наконецъ это—верховный законъ всѣхъ, на комъ лежитъ исполненіе какой-либо обязанности относительно всѣхъ тѣхъ, которые пользуются какимъ-либо правомъ.

Право и обязанность, эти два понятія имѣютъ между собою необходимое соотношеніе. «Мы хорошо понима-

емъ, что̀ слѣдуетъ другимъ справедливо сказалъ сочинитель *Нравственной Философіи*: только обращеніемъ къ самимъ себѣ, по сознанію нашихъ собственныхъ правъ, и того, что мы отъ нарушенія ихъ терпимъ. Надобно, чтобы мы когда-либо были жертвами несправедливости, чтобы чувствовать и цѣнить правосудіе Отсюда вытекаетъ нравственное правило: не дѣлай того другому, чего себѣ не желаешь; правило болѣе доступное для всѣхъ, чѣмъ отвлеченная юридическая формула, потому что обращая вниманіе наше на самихъ себя и на сравненіе съ другими, оно помогаетъ намъ признать ихъ права. По прискорбію, испытанному нами при отнятіи у насъ собственности, мы судимъ о томъ, что чувствовали другіе въ подобномъ случаѣ. Это правило есть основаніе гражданскаго законодательства, которое, долженствуя сохранять людей въ мирѣ среди общества, въ ихъ вседневныхъ отношеніяхъ, воспрещаетъ имъ, во имя правосудія и истинной ихъ пользы, все что можетъ вредить человѣческой личности.

Да и священное Писаніе непрестанно напоминаетъ намъ объ этомъ чувствѣ правоты, каково бы ни было наше положеніе въ этомъ мірѣ. Верховная власть, говоритъ одинъ великій святитель (*), дана царямъ для того, чтобы облегчая для добрыхъ исполненіе всѣхъ желаній благоразумныхъ и добродѣтельныхъ, содѣлать путь къ небесамъ болѣе широкимъ и открытымъ.»

«Правда возвышаетъ народы, правосудіе укрѣпляетъ престолы царей.» (*Прит. XIV, 35. XXV, 5.*)

(*) Св. Григорій Двоесловъ, папа римскій въ LXV своемъ посланіи.

«Правда угодна Богу болѣе, чѣмъ жертвоприношеніе.»

«Передъ Богомъ одинаково преступенъ и тотъ, кто оправдываетъ виновнаго, и тотъ, кто осуждаетъ невиннаго. Великое зло изъ уваженія къ званію человѣка беззаконнаго, извращать истину на судахъ.»

«Двойной вѣсъ и двойная мѣра—мерзость предъ очами Божіими.» (*Притч. 11, 1.*)

«Не касайтесь межей владѣній слабыхъ и малыхъ, не завладѣвайте полемъ сиротъ. Богъ, признавая ихъ присными себѣ, силенъ Самъ заступиться за нихъ противъ васъ.»

«Не пренебрегайте защитою невинныхъ. Если вы говорите, что не имѣете на это власти, то видящій глубину сердецъ съумѣетъ это различить. Ничто не бываетъ скрыто отъ Того, Кто даетъ бытіе душамъ нашимъ, и Онъ воздастъ каждому по дѣламъ его.» (*Рим. II, 6.*)

«Не ищите званія судьи, если вы не имѣете достаточно силы побороть неправду.» (*Прем. Сир. VII, 6.*)

«Тотъ, кто проливаетъ кровь и кто отказываетъ въ платѣ наемнику за трудъ его, между собою братья.»

«Тѣ, которые говорятъ злому человѣку: ты справедливъ, будутъ прокляты народами и ненавидимы ими.» (*Прит. XXIV, 24.*)

«Боритесь за неправду до смерти; правда постоянна и безсмертна; праведные будутъ жить вѣчно; Господь уготовляетъ имъ великую награду, и Всевышній печется о нихъ; они получатъ отъ руки Его благолѣпное царство и вѣнецъ сіяющій славою.» (*Прит. 1, 19.*)

«Горе, напротивъ, горе тѣмъ, которые составляютъ законы и уставы несправедливые, для притѣсненія бѣд-

ныхъ въ судахъ, для подавленія невинныхъ, но безсильныхъ, для снѣденія домовъ вдовицы, для похищенія имущества сиротъ! Что сдѣлаютъ они, когда Господь посѣтитъ ихъ, и къ кому прибѣгнутъ они?» *(Мѳ. XXIII 14.)*

«Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся.» *(Мѳ. V. 6.)*

«Блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное.» *(Мѳ. V. 10.)*

«Поступающій неправедно получитъ воздаяніе за свою неправду: ибо нѣсть на лица зрѣнія у Бога.» (Рим. II, 11.)

«Да будетъ вашъ вѣсъ праведный и справедливый, употребляйте вѣсы равные и вѣрные, ибо Господь ненавидитъ всякую неправду.»

ГЛАВА II.

О любви къ общественному благу.

Сильвіо Пеллико справедливо сказалъ, «что любовь измѣряется уваженіемъ; чтобы много любить человѣчество, нужно много уважать его.»

Благодаря христіанству, человѣчество возстановлено на такую степень чести и славы, которая вызываетъ всякаго рода подвиги человѣколюбія, и дѣлаетъ возможными самые чудесные подвиги милосердія.

По ученію религіи, богатый облегчающій участь бѣднаго, сильный поддерживающій слабаго, хозяинъ принимающій пришельца, добродѣтельный человѣкъ отирающій слезы несчастнаго—всѣ они облегчаютъ, под-

держиваютъ, утѣшаютъ и принимаютъ существо, созданное по образу Божію, осмѣлимся сказать, даже самаго Бога.

И если благодѣяніе принадлежитъ бо̀льшему числу людей, цѣлому классу общества, всему человѣческому роду, то счастливое орудіе такого блага приближается тогда, сколько возможно, къ священному первообразу, предложенному ему въ примѣръ; оно дѣлается вторымъ провидѣніемъ, и не можетъ довольно благословлять божественную благость за удѣлъ выпавшій ему на землѣ.

«Дѣлаютъ много, когда любятъ много; дѣлаютъ много, когда хорошо дѣлаютъ то, что дѣлаютъ; а дѣлаютъ хорошо, когда стремятся къ общей пользѣ, а не къ удовлетворенію себя самихъ.» *(Изъ Подраж. Іисусу Христу.)*

«Мы должны любить другъ друга, говоритъ Боссюэтъ, потому что всѣ вмѣстѣ мы должны любить нашего общаго Отца Бога, и Его единство есть наша связь... Богъ кромѣ того установилъ братство между людьми, производя насъ всѣхъ отъ одного человѣка... Всѣ—ближніе наши, всѣ одного происхожденія отъ одной крови; слѣдовательно всѣ мы обязаны заботиться другъ о другѣ, и не безъ причины сказано, что Господь повелѣлъ каждому человѣку пещись о ближнемъ своемъ...

Нужно помогать ближнему, имѣя въ виду отдать отчетъ Богу насъ видящему. Силы умножаются общеніемъ и взаимною помощію; такъ только можно утѣшать, помогать и укрѣплять другъ друга. Богъ, создавая общество, хотѣлъ, чтобы каждый находилъ въ немъ свое благо, и этимъ побужденіемъ прикрѣплялся къ нему. Вотъ почему Онъ и даровалъ людямъ различныя спо-

собности: одинъ способенъ къ одному дѣлу, другой къ другому, чтобы всѣ вмѣстѣ, какъ члены тѣла, могли поддерживать другъ друга, и чтобы это единеніе было скрѣплено взаимною нуждою. Каждый изъ насъ имѣетъ свой даръ, свое особенное дарованіе, и, по этому различію способностей, сильный нуждается въ слабомъ, великій въ маломъ; всякій нуждается въ томъ, что болѣе удалено отъ него, потому что взаимная нужда сближаетъ все, и дѣлаетъ необходимымъ одного для другаго. Міръ держится этимъ закономъ, и мы видимъ, что человѣческое общество опирается на этихъ незыблемыхъ основаніяхъ, видимъ единаго Бога, единую цѣль, единый конецъ, общее всѣмъ начало, одно происхожденіе, одинъ и тотъ же интересъ, одинаково нуждаемся другъ въ другѣ, какъ въ нашихъ дѣлахъ, такъ и въ наслажденіи жизнію.»

Тацитъ однимъ прекраснымъ выраженіемъ опредѣляетъ постоянную и полную уваженія другъ къ другу любовь Агриколы и его добродѣтельной жены: «*они жили въ чудномъ согласіи, отдавая преимущество другъ другу.*» Есть что-то подобное этому чувству въ той любви къ ближнему, которая предписывается христіанскою религіею (*), такъ какъ всякій человѣкъ дѣйствительно уже есть, или можетъ сдѣлаться достойнымъ сыномъ Божіимъ, достойнымъ братомъ Іисуса Христа. Необходимымъ слѣдствіемъ такого благосклоннаго расположенія, съ какимъ люди должны вести себя въ от-

---

(*) На это отношеніе указываетъ Ап. Павелъ словама: честію другъ друга больше творяще. (Римл. XII, 10)

ношеніи другъ друга будетъ общее благо, пока зло не принудитъ ихъ замѣнить довѣріе мѣрами предосторожности, а уваженіе другъ къ другу взаимнымъ презрѣніемъ.

ГЛАВА III.

О любви къ отечеству.

Основаніе тому, чтобы любить все носящее имя человѣка, лежитъ въ томъ, что мы созданіе единаго Бога, дѣти одного и того же отца, наслѣдники того же царствія; но если мы не хотимъ себя обманывать и создавать себѣ призраки, то эта общая любовь къ человѣчеству не помѣшаетъ привязанности болѣе дѣятельной и болѣе живой, связующей насъ тѣснѣе съ тѣми изъ нашихъ ближнихъ, среди которыхъ мы рождаемся, живемъ, страдаемъ и дѣйствуемъ. Два слова: *семейство и отечество* составляютъ сокращенную исторію тѣхъ особенныхъ милостей и благодѣяній, которыя уготовило для насъ божественное провидѣніе. Эти два слова представляютъ намъ въ тоже время цѣлый рядъ болѣе или менѣе обширныхъ, болѣе или менѣе трудныхъ дѣйствій, какими мы призваны доказать эту самую любовь къ человѣчеству, подвергающуюся иначе опасности никогда не осуществиться и остаться лишь гордою и пустою отвлеченностію.

И такъ будемъ любить семейство и отечество предпочтительною любовію.

И прежде всего должно любить родителей. Но въ случаѣ нужды и опасности общественной мы должны

жертвовать всѣмъ и любить больше всего отечество, *(Іоан: XV, 13)* эту совокупность людей, имѣющихъ одну религію, одни законы, одни нравы, одинъ языкъ, одно происхожденіе, одну славу, одни бѣдствія, однѣ надежды, и связуемыхъ всѣми этими условіями въ одно цѣлое, взаимнымъ и общимъ сочувствіемъ. *(Сильвіо Пеллико.)*

«Отечество можно уподобить нравственному лицу, имѣющему духъ, душу и тѣло. Заключая въ нѣдрахъ своихъ, и питая сущностію своею всѣхъ живущихъ въ немъ, оно имѣетъ нѣчто материнское, внушающее чувство, подобное дѣтской любви. Правительство, руководящее государствомъ и пекущееся о всѣхъ, подобно власти отцовской, имѣетъ право на тоже почтеніе. Наконецъ во всякомъ обществѣ, какъ бы оно ни было устроено, надъ правящими и управляемыми носится идеалъ правды, представляющій провидѣніе и налагающій на государства характеръ священный.»

Боссюэтъ даетъ намъ замѣтить, какое значеніе получаетъ это чувство въ священныхъ книгахъ.

«Общество человѣческое требуетъ, чтобъ любили землю, на которой живутъ; на нее смотрятъ, какъ на мать и общую кормилицу; люди сознаютъ, что они связаны между собою чѣмъ то прочнымъ, когда думаютъ, что таже самая земля, которая носила ихъ на себѣ и питала ихъ во время жизни, приметъ ихъ въ свои нѣдра и послѣ смерти. Іосифъ, умирая, просилъ своихъ братьевъ взять съ собою его прахъ. Для него была пріятна надежда сопровождать братьевъ въ обѣтованную землю.... Пока іудеи были въ землѣ чужой, они не переставали плакать, они не рѣшались пѣть священные

гимны на берегу рѣкъ вавилонскихъ; ихъ музыкальные инструменты, бывшіе нѣкогда ихъ утѣшеніемъ и радостію, оставались на ивахъ, покрывавшихъ берегъ. О, Іерусалиме! говорили они, если когда-нибудь можно забыть тебя, то можно забыть себя самаго»!

«Іисусъ Христосъ научилъ насъ самъ и чрезъ своихъ апостоловъ тому, что дѣлаетъ людей счастливыми. Евангеліе Его тѣмъ болѣе дѣлаетъ людей хорошими гражданами на землѣ, что указываетъ имъ въ томъ средство сдѣлаться достойнѣйшими гражданами неба.» *(Изъ Политики, извлеченной изъ св. Писанія.)*

ГЛАВА IV.

Объ отеческой любви и о воспитаніи дѣтей.

Всякое отечество именуется отъ Бога, какъ говоритъ священное Писаніе. Богъ возращаетъ новое существо, находящееся въ утробѣ матери. Онъ оживляетъ это слабое дитя тѣмъ же духомъ, которымъ сотворилъ душу перваго человѣка. «Не утаися кость моя отъ Тебе, юже сотворилъ еси въ тайнѣ, и составъ мой въ преисподнихъ земли. Не содѣланное мое видѣсте очи твои, и въ книгѣ твоей вси напишутся.» *(Псаломъ CXXXVIII ст. 15 и 16).*

Если Господь допустилъ человѣка участвовать въ чудномъ твореніи существъ, создаваемыхъ по подобію Его, то Онъ желалъ также, чтобы человѣкъ раздѣлялъ съ нимъ попеченія и неизчислимыя благодѣянія, которыхъ требуютъ эти благородныя, но слабыя существа.

Не будемъ же удивляться, если Онъ, давая почув-

ствовать намъ всю возможность и силу любви Своей къ человѣку, сравниваетъ ее съ отеческой любовью. «Какъ отецъ любитъ чадъ своихъ, говоритъ псалмопѣвецъ, такъ и Господь милостивъ къ боящимся Его.

Уразумѣемъ же изъ этого, что любовь отца къ дѣтямъ должна быть подобна любви Бога къ человѣкамъ, и чтобы понять, какова должна быть отеческая любовь, представимъ себѣ всѣ великія свойства любви Божіей.

Любовь эта великодушна и безкорыстна. Богъ не имѣетъ нужды въ людяхъ; не для увеличенія Своего блаженства Онъ создалъ ихъ, печется о нихъ, осыпаетъ ихъ благодѣяніями.

Любовь Его нѣжна и полна прелести. Господь покрываетъ насъ крылами своего милосердія, бережетъ насъ, какъ зѣницу ока, любитъ пребывать среди сыновъ человѣческихъ.

Любовь Его милосерда и снисходительна. Онъ помнитъ, что мы взяты изъ персти. Часто мы платимъ неблагодарностію за Его благодѣянія, не признаемъ Его милостей, забываемъ, оскорбляемъ Его, и даже когда помышляемъ о Немъ и чувствуемъ желаніе служить Ему, то и тогда дѣлаемъ это съ какою холодностію, съ какимъ пренебреженіемъ! Сколько поступковъ недостойныхъ, сколько мыслей непокорныхъ!

Любовь Господа, какъ мы уже сказали, исполнена нѣжности, но она тверда и клонится къ истинной пользѣ нашей. Богъ создалъ насъ для высокаго и вѣчнаго назначенія. Онъ всѣми путями ведетъ насъ къ этой высокой цѣли, поддерживаетъ нашу твердость, оживляетъ надежду, подкрѣпляетъ слабость, отстраняетъ препят-

ствія и даетъ силу восторжествовать надъ ними; однимъ словомъ устрояетъ все, чтобы сдѣлать насъ достойными того счастія, которое мы заслужимъ добродѣтелію.

Вы, которые хотите быть достойными прекраснаго названія *отца*, вы, которые должны образовать будущихъ наслѣдниковъ царствія Божія, старайтесь постигнуть Того, чьему примѣру вы должны послѣдовать: возлюбите Его всѣмъ сердцемъ!

Какъ милы и драгоцѣнны дѣти, которыхъ Господь поручилъ попеченію вашему! Какъ священно сокровище это, за которое вы должны дать строгій отчетъ землѣ, небу, отечеству, Богу! Какое чудное призваніе содѣйствовать, по соизволенію Божію, развитію этихъ слабыхъ умовъ, направленію этихъ возникающихъ стремленій, для того чтобы доставить имъ въ настоящемъ времени и въ вѣчности познаніе и любовь безконечнаго Существа, Котораго нельзя знать и не любить. Котораго нельзя любить и не быть счастливымъ.

Отцы и матери! Если вы насъ поняли, то вы видите и чувствуете, что въ этомъ состоитъ все воспитаніе съ безчисленными затрудненіями и со всѣми выгодами его.

«Научайте сына вашего, говоритъ священное Писаніе, и онъ освѣжитъ душу вашу и наполнитъ блаженствомъ сердце ваше. *(Прит. XXIX. 18.)*

«Научайте дитя, при вступленіи его въ жизнь, и онъ до старости не собьется съ прямаго пути.» *(Сир. XXX. 12.)*

«Господь печется о боящихся Его; Онъ Всемогущій покровитель ихъ; Онъ подкрѣпляетъ ихъ въ добродѣтели, защищаетъ ихъ отъ всякихъ невзгодъ, милуетъ,

когда они падаютъ, возвышаетъ ихъ душу, просвѣщаетъ умъ, даетъ имъ здравіе, жизнь, благословеніе.» *(Пс. XXIV. 14. LXXXIV. 10. CX. 5.)*

«Милость Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его.» *(Пс. CIII. 17.)*

«Добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы.» *(Іоан. X. 11.)*

«Мы познали любовь Божію къ намъ изъ того, что Онъ жизнь свою отдалъ за насъ, и мы также жизнь свою должны отдавать за братій нашихъ.» *(Іоан. III. 16.)*

«Господь первый возлюбилъ насъ, и послалъ Сына Своего во искупленіе грѣховъ нашихъ.» *(Іоан. IV. 10.)*

«Благоговѣйте передъ безпредѣльной благостію Господа, сказалъ святитель Григорій Назіанзенъ: Онъ дорого цѣнитъ даже и добрыя намѣренія наши, Онъ пылаетъ ревностію къ намъ, для того чтобы мы имѣли ревность къ нему, Онъ считаетъ за благодѣяніе то, что мы молимъ Его о благодѣяніяхъ, Онъ даетъ намъ съ бо́льшею радостію, нежели какую мы ощущаемъ при полученіи Его даровъ. Не будьте только слишкомъ равнодушны въ вашихъ стремленіяхъ, слишкомъ ограниченны въ вашихъ желаніяхъ; не будемъ просить Его о предметахъ слишкомъ ничтожныхъ, недостойныхъ Его величія.»

«Если благоволеніе къ людямъ есть божеское свойство, говоритъ другой учитель Церкви, то не будемъ искать другой причины пришествія Іисуса Христа на землю. Наша природа была страждущая, и Онъ исцѣлилъ ее, падшая, и Онъ поднялъ ее, покрытая мракомъ, и Онъ просвѣтилъ ее, въ плѣну, и Онъ искупилъ ее, въ

рабствѣ, и Онъ освободилъ ее. Неужели вы не находите, прибавляетъ св. Григорій Нисскій, причинъ этихъ достаточными для того, чтобы Господь по благости Своей сошелъ на землю и пришелъ на помощь человѣческой природѣ, сотворенной Имъ?»

«А вы, отцы и матери, не находите ли причинъ этихъ достаточными для того, чтобы и вы принесли всевозможныя жертвы для просвѣщенія, освобожденія и спасенія этихъ почти божественныхъ существъ, которыхъ вы съ помощію Божіею произвели на свѣтъ.»

При таковыхъ размышленіяхъ, которыя возбуждаются вѣрой христіанской, понятно, что чѣмъ ранѣе мы научаемъ дѣтей счастію произносить имя Божіе, тѣмъ болѣе мы согласуемся съ видами Его безконечной благости, Его отеческаго провидѣнія.

«Если отличительныя свойства христіанства и средства, почерпаемыя въ священныхъ книгахъ, дозволяютъ намъ внушить нашимъ дѣтямъ любовь къ Богу, то какъ не воспользоваться этимъ преимуществомъ? Какъ не предвидѣть, что это чувство, испытываемое съ раннихъ лѣтъ, пуститъ глубокіе корни въ сердцѣ? Именно въ ту пору жизни, когда все вокругъ насъ улыбается, когда ближніе насъ любятъ и покровительствуютъ намъ, мысль о Богѣ покровителѣ легко овладѣваетъ душой нашей. И какое благословеніе въ этой мысли! Кто можетъ оцѣнить всѣ ея благодѣянія? Кто оцѣнитъ, что значитъ для насъ обиліе надежды, никогда неизчерпаемой, указывающей намъ лучезарный міръ за этимъ міромъ, совершенство небесное выше совершенства земнаго, блаженство болѣе чистое воображаемаго нами въ

здѣшней жизни, и которое доказываетъ намъ, что наши здѣшнія горести посылаются для нашего же блага?» Господь поражаетъ меня, говоритъ Іовъ, но я не перестану надѣяться на Него.» Съ упованіемъ на Бога нѣтъ ни одиночества, ни ссылки, ни старости, ни смерти: Господь пребываетъ съ нами, поддерживаетъ насъ, говоритъ намъ, ободряетъ насъ, и если опасность велика и неминуема, если уже сѣнь смертная окружаетъ насъ, это значитъ, что Онъ желаетъ принять насъ въ лоно Свое. Чувство любви разливается по всей вселенной. Оно все обнимаетъ: людей, животныхъ, растенія, источники, горы.

Во всемъ образъ Божества, во всемъ слышатся слова, увѣряющія насъ, что Богъ есть Отецъ нашъ. Спокойствіе и счастіе, которыми онъ наполняетъ душу, говорятъ намъ это еще сильнѣе. Для того чтобы передать такія впечатлѣнія, нѣтъ времени благопріятнѣе дѣтства. Въ какую другую пору жизни можно сдѣлать наслажденіемъ то, что всегда будетъ обязанностію?

Нельзя также безъ особеннаго удовольствія прочесть разсужденія почтеннаго отца Жирара. "Первая наставница языка, мать, не старается о томъ только, чтобы просвѣтить умъ ученика своего, она сверхъ того желаетъ открыть его сердце къ принятію добрыхъ началъ, и поэтому, ставя благочестіе выше всего, она даетъ оному первое мѣсто въ сердцѣ его. Она знаетъ, что воспитанникъ ея похожъ на маленькую птичку, крылья которой еще слабы и которая рѣдко возносится къ небу, и потому-то она требуетъ, чтобы онъ произносилъ нѣсколько молитвенныхъ словъ, когда проснется, всякій разъ предъ вкушеніемъ пищи, и когда ложится спать,

въ полной увѣренности, что молитва эта произнесена будетъ отъ сердца,—и она не ошибается. Она убѣждена, что дитя ея чувствуетъ къ ней и къ отцу своему благодарность, и заключаетъ изъ этого, что оно будетъ также благодарно Отцу небесному, познавать Котораго она научаетъ его. Религія есть ничто иное, какъ сыновнее благочестіе, которое сначала обращено къ родителямъ земнымъ, и потомъ возвышается къ небу, къ отцу рода человѣческаго. Мать пользуется возникающими чувствами благочестія своего воспитанника, чтобы укрѣпить въ немъ начала нравственности. Она говоритъ, что Отецъ небесный любитъ все доброе и ненавидитъ дурное, что Ему открыты самые тайные помыслы наши, что Онъ благословляетъ только добрыхъ, и что злые будутъ наказаны, какъ они того заслуживаютъ. Слѣдовательно она внушаетъ дитяти своему нравственность религіозную, самую памятную для него и самую плодотворную даже до глубокой старости.

Вмѣстѣ съ этой счастливой и святой обязанностію научать дѣтей съ самаго ранняго возраста понятію о Богѣ, создавшемъ ихъ и приготовляющемъ ихъ къ небу, надобно стараться сохранить въ этихъ душахъ столь еще нѣжныхъ и открытыхъ къ принятію всѣхъ впечатлѣній, чистую невинность, составляющую ихъ первую прелесть.

Тотъ, говоритъ сочинитель *Трактата объ Обязанностяхъ*, кто огорчаетъ, или несправедливо презираетъ дѣтство, если еще не развращенъ, то сдѣлается таковымъ. Человѣкъ недостаточно внимательный къ сохраненію невинности въ дитяти, къ предотвращенію его отъ дурныхъ наставниковъ, къ утвержденію его въ со-

стояніи воспламеняться одною любовію къ добродѣтели, конечно, долженъ будетъ упрекать себя, если дитя сдѣлается въ послѣствіи чудовищемъ. Но къ чему желать слабѣйшими словами замѣнить святыя и ужасныя слова, произнесенныя божественнымъ Другомъ младенцевъ—Спасителемъ: *иже аще пріиметъ отроча во имя Мое, Мене пріиметъ: а иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.*» *(Мѳ VIII, 6, 7.)*

Чтоже подумать о томъ, если несчастный, соблазняющій дитя—наставникъ, или самъ отецъ его?

Мы произнесли имя *наставника*, и сколько чувствъ и мыслей это слово возбудило въ насъ! Представивъ обязанности отцевъ и матерей, мы объяснили, въ чемъ должны заключаться и обязанности человѣка, принимающаго на себя трудную и почтенную должность воспитывать чужихъ дѣтей.

«Будьте отцами, говоритъ Фенелонъ своимъ левитамъ; я не говорю будьте матерями.»

Возблагодаримъ при семъ Господа за то, что съ христіанствомъ явилось въ мірѣ нѣчто еще чудеснѣе, нежели чудо материнской любви. Воспитать ребенка, и такимъ образомъ довершить дѣло природы дѣломъ благодати, быть орудіемъ милосердія Божія, призывающаго къ вѣчному блаженству это существо, сначала такое слабое, однимъ словомъ исполнить настоятельную волю Спасителя, Который такъ любилъ маленькихъ дѣтей,—вотъ подвигъ изъ подвиговъ, и его совершаютъ ежедневно съ такою пламенною любовію, съ такимъ

дивнымъ самоотверженіемъ, съ такою невыразимою радостію братья христіанскихъ школъ, сестры провидѣнія, сестры милосердія, сестры свят. Іосифа, сестры свят. Маѳы, и столько другихъ, которыя существуютъ во Франціи, и которыхъ она во множествѣ каждый годъ разсылаетъ въ отдаленнѣйшіе края вселенной.

Кто не удивлялся чудесамъ, совершающимся въ ульѣ пчелъ? Одна только пчела есть главная матка, и тысячи пчелъ, которыя никого не произвели на свѣтъ, посвящаютъ себя всевозможнымъ заботамъ, попеченіямъ, трудамъ, и наперерывъ доказываютъ дѣломъ любовь самую нѣжную, самую предусмотрительную. Здѣсь, кажется, представляется прекрасный и трогательный образъ этой нѣжной попечительности: міръ знаетъ, какъ въ продолженіи 800 лѣтъ религія христіанъ осуществила его.

ГЛАВА V.

О дѣтской любви.

Господь повелѣваетъ намъ любить тѣхъ, которымъ мы, послѣ Него, всѣмъ обязаны, и которые намъ столько оказали любви. Нѣтъ обязанности священнѣе и вмѣстѣ усладительнѣе этой. Казалось бы, что любовь дѣтей должна быть также велика къ родителямъ, какъ родителей къ дѣтямъ, и мы видѣли, какъ безпредѣльна любовь ихъ.

Но любовь, которую дѣти обязаны имѣть къ родителямъ, должна отличаться особеннымъ свойствомъ, безъ котораго произошло бы важное нарушеніе общественнаго порядка.

Внутренній голосъ внушаетъ дѣтямъ, что они обязаны воздавать родителямъ за ихъ привязанность такою же привязанностію, и этотъ голосъ рѣдко не находитъ сочувствія въ ихъ нѣжныхъ сердцахъ. Въ послѣдствіи же, когда они приходятъ въ возрастъ, страсти, гордость и въ особенности желаніе независимости располагаютъ юные умы къ увѣренности, что уже собственный разсудокъ можетъ служить имъ вѣрнымъ руководствомъ, и они спѣшатъ предаться ему.

По этому-то религія сильно настаиваетъ на обязанности уваженія и почтенія къ тѣмъ, которые послѣ Бога составляютъ на землѣ вторую власть.

«*Чти отца твоего и матерь твою*, сказалъ Творецъ человѣковъ, когда съ высоты Синая издалъ эти божественныя правила, сдѣлавшіяся закономъ всленной.»

И вслѣдъ за этой божественной заповѣдью, священное писаніе, съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца и главныхъ потребностей общества, многократно предписываетъ дѣтямъ повиновеніе, кротость, глубокое почтеніе къ родителямъ и за тѣмъ еще попеченіе, снисхожденіе, даже терпѣніе; о другомъ же чувствѣ, болѣе сильномъ и болѣе нѣжномъ оно едва упоминаетъ.

«Слушайте, дѣти, отца вашего и слѣдуйте ему, чтобы быть счастливыми: ибо Господь поставилъ отца надъ дѣтьми и далъ матери судъ надъ сыновьями. *(Сир. глава 3, ст. I. 2.)*

«Кто уважаетъ своего отца, тотъ будетъ имѣть радость въ своихъ дѣтяхъ, и въ день молитвы своей будетъ услышанъ. *(Сир. III. 5.)*

«Кто боится Бога, тотъ станетъ почитать своего

отца, и будетъ служить своимъ родителямъ, какъ рабъ своему господину. *(Сир. III. 7).*

«Почитай своего отца словомъ и дѣломъ, чтобъ низошло на тебя его благословеніе: благословеніе отца утверждаетъ домы дѣтей, а проклятіе матери разрушаетъ ихъ до основанія. *(Сир. III. 8.)*

«Сынъ мой, прими своего отца въ его старости, и не огорчай его, доколѣ онъ живъ. Если онъ становится слабъ умомъ, то имѣй снисхожденіе и не презирай его въ полнотѣ твоей силы. Милость оказанная отцу, не будетъ забыта и пойдетъ въ плату за твои грѣхи, и Богъ наградитъ тебя за снисхожденіе къ недостаткамъ матери твоей. Въ день скорби твоей ты будешь помянутъ; какъ ледъ, въ ясную погоду, растаютъ грѣхи твои. *(Сир. III. 12, 13, 14, 15).*

«Тоже, что богохульникъ, тотъ кто оставляетъ своего отца, и проклятъ Господомъ кто оскорбляетъ свою мать.»

Какъ жалки тѣ отцы и матери, которые принуждены сказать съ пророкомъ: «я имѣлъ дѣтей и воспиталъ ихъ, а они оказали мнѣ одно только презрѣніе». Несчастнѣе этихъ родителей никого нѣтъ въ мірѣ, развѣ только тѣ дѣти, которые причиняютъ подобное огорченіе.

Какъ жалокъ тотъ вѣкъ, къ которому могло бы относиться сказанное г-жею Сталь о Франціи: «во Франціи замѣтенъ недостатокъ общій во всѣхъ отношеніяхъ жизни,—это недостатокъ чувства и привычки уваженія. Тамъ легко переходятъ отъ разбора могущаго просвѣтить, къ насмѣшкѣ все уничтожающей въ прахъ.»

«Пусть, говоритъ Сильвіо Пеллико, душѣ вашей часто доступна будетъ печальная, но вмѣстѣ съ тѣмъ научающая терпѣнію и состраданію мысль, что эти почтенныя убѣленныя сѣдинами головы, которыя безпрестанно находятся съ нами, можетъ быть скоро низойдутъ во гробъ. Пока еще вы имѣете счастіе ихъ видѣть, почитайте ихъ и старайтесь доставлять утѣшеніе въ недугахъ, столь многочисленныхъ во время старости.»

Можно въ одномъ только случаѣ допустить неповиновеніе къ приказаніямъ родителей—это тогда, когда приказанія ихъ противорѣчатъ волѣ Господней. Апостолъ Павелъ говоритъ: «Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ въ томъ, что угодно Господу». *(Еф. VI.)*

ГЛАВА VI.

О братской любви.

«Всѣ люди братья, повторяетъ намъ религія христіанская, *(Мѳ. XXIII. 8.)*, и мы должны любить всѣхъ людей, какъ любимъ себя самихъ.» *(Мѳ. XXII. 39.)*

Съ перваго взгляда кажется, будто эта любовь всеобщая, столь широко распростаненная, должна уничтожить сильнѣйшія чувства любви. привязывающія насъ къ лицамъ тѣснѣйшими узами родства или дружбы.

Но это не такъ: и само Священное Писаніе освятило ту особенную любовь, которая связываетъ между собой членовъ одной семьи. «*Треми украсихся и стахъ красна предъ Господемъ и человѣки: единомыслiемъ бра-*

тій, и любовію искреннихъ, и мужъ и жена между собою согласни.» (Сир. XXV. 1.)

Слово Божіе съ особеннымъ благословеніемъ прославляетъ братскую любовь.

«*Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ. (Пс. CXXXII. 1).* Это согласіе подобно превосходному ѳиміаму; оно подобно росѣ, нисходящей на гору Сіонъ (—3.)»

«*Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же яко же основаное царство.» (XVIII. 19.)*

Поколебать эту взаимную нѣжность, возмутить миръ, царствующій между братьями—это, въ очахъ религіи, одно изъ величайшихъ преступленій.

«Шесть вещей ненавидитъ Господь, и душа Его не терпитъ седьмой: очи высокомѣрныя, лживый языкъ, руки, проливающія кровь невинную, сердце замышляющее коварство, ноги быстро стремящіяся къ злу, неправеднаго свидѣтеля, утверждающаго ложь, и того, который посѣваетъ распри между братьями.» *(Пр. VI. 16, 17.)*

Безъ сомнѣнія, братъ можетъ провиниться противъ брата своего, но тогда съ какимъ счастіемъ должны мы вспоминать божественную заповѣдь о прощеніи и забвеніи проступковъ! «*Помяни заповѣди и не гнѣвайся на ближняго (Сир. XXVIII. 7.)*

Если справедливо, что воспоминанія дѣтства полезны для души, и для нравовъ, то это главнымъ образомъ потому, что они намъ приводятъ на память то сладкое общеніе чувствъ, мыслей, радостей и печалей, которыя долгое время соединяли какъ бы въ одной судьбѣ и жизни существа, рожденныя одною утробою, воскорм-

ленныя однимъ молокомъ, согрѣтыя одними заботами, возросшія вмѣстѣ вокругъ одной трапезы, какъ юныя растѣнія масличныя; водимыя вмѣстѣ въ домъ Господень, образуемыя по тѣмъ же примѣрамъ, наставляемыя въ томъ же ученіи и покланяющіяся всѣ вмѣстѣ передъ одними и тѣми же алтарями, призывающія, благословляющія и прославляющія того же Бога, и за предѣлами скоропреходящаго времени уповающія на одну и туже вѣчность.

«Чтобы хорошо исполнять божественный законъ любви въ отношеніи всѣхъ людей, должно научаться сему въ семьѣ своей. Какъ дорога эта мысль—мы всѣ дѣти единой матери! При самомъ появленіи нашемъ въ мірѣ, тѣже предметы представились любви и уваженію нашему—какая въ этомъ еще сладость! Если хотите быть добрымъ братомъ, избѣгайте эгоизма; пусть каждый изъ вашихъ братьевъ и сестеръ видитъ, что выгоды его вамъ столько же дороги, какъ ваши собственныя. Если одинъ изъ нихъ впадетъ въ проступокъ, будьте снисходительны къ виновному, не только такъ, какъ бы въ отношеніи всякаго другаго, но еще болѣе того. Радуйтесь ихъ добродѣтелямъ, подражайте имъ, возбуждайте ихъ въ свою очередь вашимъ примѣромъ, поступайте такъ, чтобъ они могли благословлять провидѣніе за то, что имѣютъ васъ своимъ братомъ. (Сельвіо Пеллико).

ГЛАВА VII.

О дружбѣ.

Поэтъ достойно восхвалилъ братскую любовь и дружбу, когда сказалъ:

«Братъ есть другъ, данный намъ природою.»

«Дружба есть связь братская, сказалъ Сильвіо Пеллико, и въ возвышенномъ своемъ смыслѣ она представляетъ прекрасный идеалъ братства. Она есть ничто иное, какъ созвучіе двухъ или трехъ (не распространяясь никогда на бо́льшее число) душъ, которыя сдѣлались необходимы другъ для друга, нашли одна въ другой совершенное расположеніе взаимно понимать помогать, ободрять и поощрять себя ко всему благородному и благому.»

Какъ всякое даяніе благо и всякій даръ совершенъ, дружба истинная приходитъ съ неба и стремится туда. Къ истиннымъ друзьямъ въ особенности можно отнести сказанное человѣкомъ даровитымъ и благороднаго характера: *«они не любили бы другъ друга столько, еслибъ эта любовь не должна была продолжаться навсегда.»*

Дружба даръ неба, наслажденіе великихъ душъ! Дружба есть растѣніе, которое должно устоять въ засухѣ.

(Жуберъ.)

Священныя книги помѣстили дружбу въ числѣ благоразумнѣйшихъ привязанностей человѣка и драгоцѣннѣйшихъ благъ его.

«Истинный другъ любитъ во всякое время, а братъ познается въ несчастіи.» *(Притч. XVII. 17.)*

«Другъ вѣрный—крѣпкая защита, и кто нашелъ его, нашелъ сокровище.» *(Сир. VI. 14.)*

«Ничто не можетъ сравниться съ другомъ вѣрнымъ; серебро и золото не достойны быть взвѣшены на однихъ вѣсахъ съ нимъ. Боящіеся Господа находятъ такого друга.» *(Сир. VI. 15, 16).*

«Сохраняй въ сердцѣ память о своемъ другѣ, и не забывай его, когда бы ты даже сдѣлался богатъ.» *(Сир. XXVII. 6.)*

«Увѣщавай твоего друга и предупреждай его, если онъ въ чемъ-либо обвиняется, можетъ быть онъ, того не сдѣлалъ, а если онъ это и сдѣлалъ, то дабы впредь не дѣлалъ.» *(Сир. XIX. 13, 14.)*

Бросающій камнемъ въ птицъ заставитъ ихъ улетѣть, и дѣлающій обидные упреки другу разрушитъ тѣмъ дружбу.

«Будь вѣренъ своему ближнему въ его бѣдности, чтобы радоваться съ нимъ въ его благоденствіи. *(Сир. XXII. 26.)*

И такъ счастливъ тотъ, кто нашелъ друга! Счастливъ тотъ, кто обладаетъ вторымъ я, съ которымъ можетъ вспоминать дни прошедшіе, противопоставлять двойное мужество превратностямъ жизни, наслаждаться вдвойнѣ ея скоропреходящими радостями и размышлять въ общемъ упованіи о приближающейся вѣчности!

Но выборъ друга труденъ, и это можетъ быть единственный случай, гдѣ дозволено непремѣнно справедливо и съ строгимъ вниманіемъ испытывать дѣла, даже чувства и мысли другаго человѣка.

«Даръ сердца есть вещь слишкомъ важная, говоритъ Сильвіо Пеллико; бросать его первому, съ кѣмъ встрѣтишься—это была бы преступная неосторожность и отсутствіе всякаго достоинства.»

Относительно самой вѣчности, священное Писаніе предписываетъ дѣлать этотъ выборъ съ величайшимъ вниманіемъ.

«Тотъ, кто посѣщаетъ мудрыхъ, сдѣлается мудрымъ; другъ безумныхъ сдѣлается подобенъ имъ.»

«Не будьте другомъ человѣка гнѣвливаго, чтобъ не научиться жить подобно ему, и не подвергнуть душу вашу опасности.»

«Если хотите имѣть друга, не берите, не испытавъ его.»

«Не открывайте сердца вашего всякаго рода людямъ, чтобъ тотъ, кому вы ввѣрились, не оказался ложнымъ другомъ, и не сталъ бы потомъ злословить васъ.»

«Обратитесь къ человѣку добродѣтельному, держите себя постоянно близь того, котораго вы нашли вѣрнымъ послѣдователемъ закона Божія, котораго направленія согласны съ вашими, который скорбитъ съ вами, когда вы преткнулись во мракѣ.»

Францискъ Сальскій превозносилъ также счастіе имѣть друга; онъ видѣлъ въ этомъ способъ усовершенствованія и спасенія, который нельзя достаточно оцѣнить среди опасностей, коими усѣяна жизнь христіанская.

«Въ свѣтѣ, говоритъ онъ, нужно, чтобъ тѣ соединились, которые хотятъ подвизаться подъ знаменемъ добродѣтели, подъ знаменемъ креста... Люди, живущіе въ мірѣ, гдѣ имъ приходится переступать черезъ столько трудныхъ мѣстъ, чтобъ идти къ Богу, походятъ на странниковъ, которые на путяхъ скользкихъ или трудныхъ привязываютъ себя другъ къ другу, чтобъ поддержать себя и идти вѣрнѣе.»

Нужно, чтобъ другъ былъ увѣренъ въ расположеніи друга своего, говорилъ ему откровенно всѣ истины, полезныя для его усовершенствованія, и чтобъ онъ любилъ и ободрялъ это великодушное расположеніе.

ГЛАВА VIII.

О благотворительности.

Іисусъ прошелъ (по землѣ), творя добро.

Вотъ образецъ нашъ!

Мы въ особенности, слабые смертные, мы проходимъ, и проходимъ скоро, ускоряемъ шагъ, и поспѣшаемъ предстать предъ праведнаго Судію, Который воздастъ каждому по дѣламъ его. И такъ, счастливы тѣ, которые проходятъ, творя добро!

Тысячу разъ счастливы тѣ, которые оставляютъ по себѣ продолжительные слѣды добрыхъ дѣлъ,—дѣлъ милосердія и благости; которые могли, восхотѣли, и умѣли творить добро безъ шума, безъ молвы, и какъ бы уплачивая долгъ священный,—долгъ людямъ, которыхъ каждый изъ насъ обязанъ любить какъ самого себя; долгъ Богу, Который въ воздаяніе за всѣ щедроты, которыми Онъ насъ осыпалъ, велѣлъ намъ такъ любить человѣковъ!

«*Блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.*» *(Мѳ. V, 7.)*

«*Просящему у тебя дай и хотящаго занять у тебя не отвратн.*» (— 42)

Для несчастнаго всего утѣшительнѣе то, когда высшіе оказываютъ ему благосклонное вниманіе. Сердце его наполняется благодарностію; болѣе того онъ понимаетъ тогда, почему богатый одаренъ богатствомъ, и прощаетъ ему это преимущество, котораго считаетъ его достойнымъ.

А для человѣка, облегчившаго несчастіе, какое слад-

кое и чистое наслажденіе! Какой благородный способъ доказать, что онъ созданъ по подобію Бога, высочайшаго и неутомимаго благодѣтеля человѣческаго рода!

«Все, что хотите, чтобъ люди творили вамъ, творите имъ то же самое; ибо въ томъ состоитъ законъ и пророки.»

«Впрочемъ чтобъ лѣвая рука ваша не вѣдала, что дѣлаетъ правая. Берегитесь раздавать милостыню вашу предъ людьми съ тѣмъ, чтобъ они васъ видѣли... И когда раздаешь милостыню, не труби предъ собой, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобъ прославляли ихъ человѣки. Истинно говорю вамъ: они получили уже себѣ награду.»

И суетные, они получили суетную свою награду (*). Вы же, христіане, творите добро въ тайнѣ. И однакоже, если вы любите славу дозволенную, будьте покойны: извѣстность дѣлъ вашихъ только отложена, ибо «нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не долженствовало сдѣлаться явнымъ, и Отецъ вашъ небесный, видѣвшій тайное, воздастъ вамъ явно.»

Богъ долготерпѣливъ, потому что Онъ вѣченъ, сказалъ одинъ отецъ Церкви, и онъ объяснилъ этимъ тѣ замедленія небеснаго правосудія, которыя для нѣкоторыхъ праведниковъ, изумлявшихся благополучію грѣшныхъ, по неосторожности, скажу даже по жестокости ихъ, казались продолжительными. Эта самая мысль о вѣчности Бога объясняетъ также, почему Онъ, повидимому, замедляетъ даровать должную награду добрымъ дѣ-

(*) Слово блаженнаго Августина.

лямъ, почему Онъ терпитъ иногда, чтобъ дѣла самыя святыя и милосердыя встрѣчали не только неблагодарность, сопротивленіе, клевету, но даже преслѣдованіе со стороны людей. Повторимъ съ блаженнымъ Августиномъ: Богъ долготерпѣливъ, потому что Онъ вѣченъ, и мы, предназначенные участвовать въ Его вѣчности, будемъ ожидать великаго дня, когда милосердіе будетъ награждено и увѣнчано.

«Когда же придетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, и всѣ святые ангелы съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы, и отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга такъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ: и поставитъ овецъ по правую свою руку, а козловъ по лѣвую. Тогда скажетъ Царь стоящимъ по правую руку Его: пріидите благословенные Отца Моего! наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; болѣнъ былъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ. Тогда праведники, отвѣтствуя Ему, скажутъ: Господи! Когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда также мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли, или нагимъ, и одѣли? Когда также видѣли мы Тебя больнымъ, или въ темницѣ, и посѣтили Тебя? Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то мнѣ сдѣлали. И пойдутъ праведники въ жизнь вѣчную.» *Мѳ. XXV, 31—40.*

ГЛАВА IX.

О любви къ служителямъ (*).

Что Монтескьё сказалъ о правѣ народномъ и объ отношеніяхъ одной націи къ другой, мы должны тоже сказать безъ опасенія, о правѣ частномъ и объ отношеніяхъ одного человѣка къ другому: христіанская религія ввела въ міръ нѣкотораго рода взаимное уваженіе, котораго человѣческая природа не можетъ достаточно признать. О! безъ сомнѣнія съ неба снизошла и ясно явила небесное свое происхожденіе эта возвышенная религія, которая явилась на землѣ, возвращая всѣхъ людей къ общему и естественному ихъ достоинству, обязывая всѣхъ къ труду и добродѣтели, показывая всѣмъ испытаніе здѣсь, а тамъ лишь блаженство послѣ побѣды, и предназначая всѣхъ, взаимно помогать, услуживать другъ другу, чтобъ исполнить намѣреніе общаго ихъ Отца.

Не забудемъ никогда, что апостолъ обращался ко всѣмъ людямъ, когда написалъ сіи трогательныя слова: «облекитесь, какъ избраные Божіе, святые и возлюблен-

---

(*) Глава эта, какъ видно, сходна, но не совершенно подобна главѣ, соотвѣтствующей ей въ нашей первой части, подъ заглавіемъ *О человѣколюбіи къ рабамъ*. Нужно было измѣнить это заглавіе, потому что мы живемъ и дѣйствуемъ теперь подъ вліяніемъ совершенно другаго порядка мыслей. *Вмѣсто рабовъ* мы имѣемъ свободныхъ служителей; вмѣсто *человѣколюбія* или *филантропіи* мы имѣемъ побужденіемъ любовь, любовь къ Богу для Него Самого, и любовь къ людямъ, и ко всѣмъ людямъ, ради Бога.

ные въ милосердіе, благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисходя другъ другу, и прощая одинъ другаго; если кто на кого имѣетъ жалобу, какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы; а паче всего облекитесь въ любовь, которая есть союзъ совершенства. И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ Божій, къ которому вы и призваны въ одно тѣло».

Вспомнимъ, что Самъ Іисусъ Христосъ объявилъ, что онъ пришелъ не для того, чтобы Ему служили, и не будемъ удивляться, когда встрѣчаемъ въ святыхъ книгахъ настоятельныя напоминанія въ пользу тѣхъ изъ насъ, которыхъ Богъ заставляетъ идти къ небу тѣснымъ и труднымъ путемъ подчиненности господину.

«Заботьтесь о всѣхъ, состоящихъ подъ вашимъ управленіемъ и не предавайтесь покою прежде, нежели исполните всѣ ваши обязанности.»

«Когда кто либо работалъ на васъ, заплатите ему въ точности все, что ему слѣдуетъ за труды его, не удерживайте никогда мзды работника.»

«Не обходитесь дурно съ служителемъ, работающимъ вѣрно, и который совершенно преданъ вамъ. Служителя вѣрнаго, предусмотрительнаго, цѣните, какъ душу свою, и не давайте ему впасть въ бѣдность.»

«А вы, господа, поступайте съ рабами, умѣряя къ нимъ строгость, зная, что надъ вами самими и надъ ними есть на небесахъ Господь, у Котораго нѣтъ лицепріятія.»

«Если кто изъ васъ не печется о ближнихъ своихъ, и въ особенности о домашнихъ, то онъ отрекся вѣры, и хуже невѣрнаго.»

Было время (и мы, прожившіе уже довольно долго на свѣтѣ, сами были очевидцами этихъ прекрасныхъ и святыхъ нравовъ отцевъ нашихъ), было время, когда семейства самыя почетныя вмѣняли себѣ въ честь званіе христіанъ, и соображая жизнь свою съ вѣрованіемъ, утѣшали и ободряли трогательнымъ общеніемъ въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ людей, состоящихъ у нихъ въ услуженіи. Глава семейства собиралъ всякій вечеръ чадъ почтительныхъ и служителей вѣрныхъ къ общей молитвѣ; въ торжественные же дни пріобщенія св. Таинъ, онъ являлся въ церковь, окруженный этими же дѣтьми и служителями, которые толпились около досточтимаго ими патріарха своего. Когда же всякій годъ они внимали вмѣстѣ съ умиленіемъ и сердечнымъ сокрушеніемъ великому канону покаянія, открывающему св. время поста, призывающему царей и народы смиренно преклонять главы свои во исповѣданіе грѣховъ, весь этотъ домъ, господа съ домочадцами, упадали вмѣстѣ предъ престоломъ Божіимъ, воспоминая паденіе праотца Адама и приговоръ, произнесенный тогда надъ нимъ. Такія зрѣлища были истинно умилительны и поучительны!

Кто же въ глубинѣ души и спокойствіи страстей не почувствуетъ нѣмое краснорѣчіе этихъ христіанскихъ обычаевъ? Кто не пожелаетъ, чтобъ они возстановились между нами? (*)

(*) Здѣсь въ подлинникѣ упоминается обычай въ римской церкви, посыпать головы пепломъ, въ первый день великаго поста, начинающагося у нихъ съ среды, потому называемой: *Mercredi des Cendres*. Мы сочли лучше отнести эти размышленія къ прекрас-

ГЛАВА X.

О лжи и клятвѣ.

Для удостовѣренія человѣка въ истинѣ, повидимому, достаточно было бы одного слова другаго человѣка. Когда не вѣрятъ слову, надо полагать, что не повѣрятъ и клятвѣ; но въ такомъ случаѣ, что станется съ человѣческимъ обществомъ!

Отъ того и священное Писаніе исполнено угрозъ и проклятій противъ тѣхъ, которые нарушаютъ истину, малѣйшею ложью. Писаніе ясно показываетъ, что болѣе разстоянія между истиною и ложью, чѣмъ между ложью и клятвопреступленіемъ.

нымъ обычаямъ, существующимъ въ нашей православной Церкви. Намъ русскимъ нужно заботиться не о возвращеніи, но о сохраненіи драгоцѣнныхъ этихъ обычаевъ, связывающихъ между собою членовъ одного семейства и дома. Будемъ же дорожить ими, пока они еще только поколебались, а не вовсе истребились, и потщимся, каждый въ душѣ и кругу своемъ, поддержать и утвердить ихъ, соблюдая ихъ съ полнымъ сознаніемъ высокаго ихъ значенія и смысла. Такъ отцы наши въ первый день великаго поста, собравшись вмѣстѣ съ своими домочадцами, слушали постную молитву, и потомъ испрашивали прощенія другъ у друга; такъ привѣтствовали опять взаимно другъ друга безъ различія званій. радостнымъ лобзаніемъ въ торжественную ночь свѣтлаго воскресенія; но конечно при этомъ нужно стараться, чтобъ дѣйствія эти не были одной бездушной формой, и только наружнымъ проявленіемъ чувствъ сокрушенія о грѣхахъ, смиренія, и братской любви во Христѣ Богѣ нашемъ, постоянно долженствующихъ обитать въ сердцахъ нашихъ.

«Уста лживыя мерзость предъ Господомъ, поступающій же съ искренностію пріятенъ Ему.

«Лживый свидѣтель будетъ наказанъ, и произносящій лживыя слова не избѣгнетъ Божьяго правосудія.

«Льстивыя уста умерщвляютъ душу.

«Горе сердцу двоедушному, развращенному языку, рукамъ оскверненнымъ преступленіемъ, и грѣшникамъ, ходящимъ по землѣ кривыми путями.

«Не стыдитесь говорить истину, хотя бы и жизнь ваша подверглась отъ этого опасности.

«Есть стыдъ, увлекающій въ бездну грѣха, и есть стыдъ, привлекающій благодать и славу.

«Не зрите на лица людей въ ущербъ своему спасенію, и не подвергайте души вашей погибели, увлекаясь ложью.

«Никогда не противорѣчьте слову истины, и стыдитесь даже ненамѣренной лжи.

«Воздерживайтесь отъ всякой лжи, ибо привычка лгать пагубна.

«Жизнь лжецовъ постыдная жизнь, и стыдъ, который они заглушили, никогда не покидаетъ ихъ.

«Кто дастъ храненіе устамъ моимъ и наложитъ на нихъ печать молчанія, чтобы мнѣ не споткнуться и не погибнуть отъ моего языка?

«Не дозволяй устамъ твоимъ привыкать къ клятвѣ, ибо клянущійся часто забываетъ Бога. Имя Божіе да не будетъ постоянно на устахъ твоихъ; человѣкъ безпрестанно клянущійся впадаетъ въ беззаконіе и наказаніе пребываетъ въ дому его.

Въ Новомъ Завѣтѣ не менѣе вмѣняется въ обязанность искренность и простота въ словѣ. (*Мат. V. 33, 37*).

«Вы сыпшали, что сказано древнимъ: не нарушай клятвы, но исполняй, въ чемъ клялся предъ Господомъ. А Я говорю вамъ: вовсе не клянись: ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ градъ Великаго Царя. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; и что сверхъ сего, то отъ лукаваго (*). *(Матѳ. Гл. V. 33, 37).*

Человѣкъ, уважающій самаго себя, безъ труда пріобрѣтаетъ уваженіе къ простому своему слову. Ему всегда присуще сознаніе, что онъ дѣйствуетъ и говоритъ въ присутствіи Бога, и ему нѣтъ надобности призывать Его каждый разъ въ свидѣтели обѣщаній, которыя онъ всегда исполняетъ, или словъ, въ употребленіи которыхъ онъ долженъ отдать строгій отчетъ. Онъ знаетъ, какъ говоритъ Николь, что ложь есть намѣренное противорѣчіе Богу, утверждающему то, что лжецъ отрицаетъ, отрицающему то, что лжецъ утверждаетъ. Сверхъ того она есть нарушеніе того молчаливаго обязательства не отступать отъ истины, кото-

---

(*) Это запрещеніе не клясться вовсе, эта заповѣдь, говорить только да, или нѣтъ, никогда не была распространяема на общественныя дѣла, для которыхъ законы должны были найдти огражденіе отъ непостоянства и невѣрности человѣческой. Простое слово всегда должно бы быть достаточно; но нельзя не признать, что присяга при явномъ призываніи Бога, карателя за ея нарушеніе, есть вѣрнѣйшее обезпеченіе того, что истина будетъ уважена и обѣщанія соблюдены.

рое лежитъ въ основаніи словеснаго общенія между людьми, того закона любви, который долженъ соединять членовъ единаго тѣла, наконецъ во всѣхъ отношеніяхъ ложь есть посягательство на достоинство и на жизнь души, которая ею растлѣвается, или разрушается.

ГЛАВА XI.

О злословіи.

Богъ не запрещаетъ судить по правдѣ дѣла и рѣчи другихъ людей; Онъ даже повелѣваетъ произносить справедливый судъ, когда Самъ указываетъ къ тому случай, ибо Онъ Самъ есть правда и истина.

Но большая разница между оцѣнкою поступковъ ближняго во глубинѣ нашего духа съ знаніемъ дѣла и съ очевидностію истины, и между внѣшнимъ выраженіемъ и сообщеніемъ другимъ сужденій внутри насъ образовавшихся.

Многія причины должны внушить намъ въ этомъ величайшую осторожность. Съ одной стороны мы вовсе можетъ-быть не увѣрены въ истинѣ своихъ сужденій; ибо истина для насъ бываетъ омрачена, покрыта предразсудками и страстями, и если мы ошиблись, если мнимый нашъ судъ ничто иное, какъ вопіющая несправедливость, можетъ быть чистый обманъ воображенія, или пустая мечта, то какое прегрѣшеніе, какое несчастіе легкомысленнымъ, насмѣшливымъ, невоздержнымъ словомъ, поколебать, а можетъ быть разрушить добрую славу отца семейства, или вообще человѣка, котораго намъ заповѣдано любить, какъ самихъ себя.

Предположимъ съ другой стороны, что мы въ самомъ дѣлѣ убѣждены въ печальной истинѣ, и принуждены признать слабость, или порокъ въ братѣ, родственникѣ, въ другѣ, согражданинѣ—какое право тогда имѣемъ мы нарушать тайну, скрывавшую доселѣ этотъ порокъ, или недостатокъ, тайну, подъ покровомъ которой представлялось болѣе возможности къ исправленію? Мы должны были соболѣзновать нравственному недугу; а мы способствуемъ его развитію! Мы должны бы подумать, сколько разъ мы сами нуждались со стороны другихъ въ кроткой снисходительности, въ благосклонной умѣренности въ сужденіяхъ; а у насъ одна суровость и стремленье огласить во всеуслышаніе поступки ближнихъ. Наше быстрое и неумолимое правосудіе, можетъ быть, ничто иное, какъ жалкое удовлетвореніе лукавства, гнѣва, самолюбія и зависти.

То, чего требуетъ отъ насъ разумъ и справедливость, то положительно предписывается религіей. Нѣтъ у нея довольно сильныхъ упрековъ, чтобы осудить влеченіе человѣка къ пересудамъ и къ клеветѣ.

«Берегитесь льстиваго языка, и уста льстивыя да будутъ далеки отъ васъ.

«Въ горячности спора не открывай тобою видѣннаго, ибо отнявши честь у друга, ты можетъ быть, не будешь въ состояніи загладить твоего поступка. Слова разносителя ложныхъ слуховъ иногда, повидимому, просты, но проникаютъ до глубины сердецъ; пересказчикъ подвергается зависти и безчестію.

«Не передавайте слова коварнаго и обиднаго, не говорите ни другу, ни врагу о слабостяхъ другихъ, и

не открывайте того, что видите порочнаго въ ихъ поведеніи. Если ты услышишь слово противъ твоего ближняго, скрой его въ себѣ и навѣрное не погибнешь. (*Изъ кн. Прем. и Прит.*)

«Не судите, чтобъ не быть судимыми, ибо какимъ судомъ судите, такимъ судимы будете; и какою мѣрою мѣрите такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на спицу въ глазѣ брата твоего, а въ своемъ глазѣ бревна не чувствуешь. Или какъ можешь сказать брату твоему: дай, я выну спицу изъ глаза твоего, тогда какъ у тебя въ глазѣ бревно? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза; и тогда увидишь, какъ вынуть спицу изъ глаза брата твоего. (*Изъ Евангелія отъ Матѳея глава VII, 1*).

«За чѣмъ осуждаешь брата, за чѣмъ презираешь брата? Мы всѣ явимся предъ судомъ Христовымъ, и всякій дастъ Богу отчетъ за себя. И такъ да не судимъ другъ друга. (*Изъ посланія Апостола Павла къ Римлянамъ*).

«Останови взоръ на себѣ и остерегайся отъ сужденія о поступкахъ другихъ; судя другихъ, ты мятешься всуе, часто ошибаешься и часто впадаешь въ заблужденіе, но когда ты себя разсматриваешь и судишь, то всегда работаешь съ пользой. (Изъ *Подражанія Христу*).

ОТДѢЛЪ XII.

О томъ, какъ должно поступать съ врагами.

Прощеніе обидъ было у древнихъ дѣломъ героевъ, усиліемъ великой души, одною изъ тѣхъ добродѣте-

лей, которымъ удивлялись, но подражать имъ не считали возможнымъ; нѣкоторые мудрецы исполняли ее ради похвалы, но не считали возможнымъ предложить ее въ видѣ всеобщаго закона.

У христіанъ прощеніе обидъ и прощеніе ихъ семдесять кратъ седмерицею есть обязанность общая, безусловная, необходимая, и основанная на самыхъ сильныхъ побужденіяхъ — побужденіяхъ такого рода, что возвышая душу благороднымъ наслажденіемъ добраго дѣла, они ее немедленно возвращаютъ къ чувству глубокаго и слишкомъ основательнаго смиренія... «Странная участь человѣка! сказалъ въ одномъ мѣстѣ Николь: созерцаніе собственыхъ добродѣтелей вредитъ ему, размышленіе о своихъ грѣхахъ очищаетъ его!

Христіанинъ, прощающій брату вовсе не гордится своимъ милосердіемъ; онъ самъ нуждается въ прощеніи, въ помилованіи отъ Бога; ему нужно милосердіе Божіе, и онъ почитаетъ себя счастливымъ, что Богъ заслугами смерти Единороднаго Своего Сына, далъ ему средство заслужить это милосердіе.

Ибо такъ изрѣкло вѣчное слово, и судьба наша въ рукахъ нашихъ: мы сами пишемъ себѣ приговоръ, который произноситъ надъ нами верховный Судія живыхъ и мертвыхъ.

«Какимъ судомъ судите, такимъ судимы будете, и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить.»

«Если вы прощаете человѣкамъ прегрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный проститъ вамъ прегрѣшенія ваши; а если вы не прощаете, человѣкамъ, и Отецъ вашъ небесный не проститъ вамъ прегрѣшеній вашихъ».

«Царствіе небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими. Когда же началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему, нѣкто, который былъ ему долженъ десятью тысячами талантовъ. А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить; то государь приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и возвратить долгъ. Но рабъ тотъ палъ, и кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу. Государь, умилосердясь надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его и долгъ простилъ ему. Вышедши рабъ тотъ, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто денаріевъ; и схватя его, душилъ, говоря: отдай мнѣ долгъ. Товарищъ его, падши къ его ногамъ, умолялъ его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все заплачу тебѣ. Но онъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ тюрьму, пока не отдастъ долга. Товарищи его, видѣвъ происшедшее весьма огорчились, и пришедши разказали государю своему все, что случилось. Тогда государь призываетъ его и говоритъ ему: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня. Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ я тебя помиловалъ? И разгнѣвавшись, государь отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ всего, чѣмъ долженъ ему. Такъ и Отецъ Мой небесный поступитъ съ вами, если каждый не проститъ отъ сердца брату своему согрѣшеній его. *(Евангеліе отъ Мат. XVIII. 23—37).*

И Тотъ, Кто возвѣщаетъ людямъ это ученіе о прощеніи, и Самъ оканчивая на крестѣ жизнь, всецѣло посвященную спасенію человѣковъ, изу-

вѣченный, обезображенный, исполненный поношеній преклонилъ главу и молился за враговъ къ Отцу Своему небесному:

«Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ».

Послѣ такихъ словъ, послѣ такого примѣра, при видѣ распятаго Господа, какъ можетъ христіанинъ сохранить въ сердцѣ хотя бы тѣнь недоброжелательства! Гдѣ царствуетъ любовь къ Богу, тамъ нѣтъ мѣста ненависти къ ближнему.

И поелику человѣкъ въ силу своего человѣческаго естества, носитъ въ себѣ образъ своего Создателя, то каждый послѣ Бога обязанъ любить и Его образъ; посему намъ безразлично надо любить и друзей и враговъ, благодѣющихъ намъ и враждующихъ противъ насъ, ибо все это люди, и слѣдовательно образъ и подобіе Божіе! *(Естественное Богословіе Раймунда. Пер. Монтаньемъ).*

Окончимъ истинными и простыми словами книги *О Подражаніи Христу*:

«Есть въ мірѣ семъ великое и чудное чистилище для человѣка терпѣливаго, который, страдая отъ несправедливости, болѣе смущается лукавствомъ другихъ, чѣмъ собственною бѣдою. Онъ съ любовію молитъ о враждующихъ противъ него и прощаетъ имъ изъ глубины души. Онъ не медлитъ испросить прощенія у другихъ, болѣе расположенъ къ милосердію, чѣмъ къ гнѣву; онъ насилуетъ себя самаго и старается всецѣло плоть поработить духу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

О повиновеніи законамъ.

Мы вкратцѣ очертили обязанности человѣка въ отношеніи къ Богу, къ самому себѣ и къ другимъ людямъ. Обязанности человѣка—это его законъ.

«Всѣ существа имѣютъ свои законы, говоритъ Монтескьё *(Духъ законовъ, кн. I, гл. I)*. Божество имѣетъ свои законы; міръ вещественный подчиненъ законамъ; умныя силы міра ангельскаго имѣютъ свои законы; ихъ имѣетъ и человѣкъ».

Но вотъ мы усматриваемъ въ міровомъ порядкѣ нѣчто необычайное.

Богъ имѣетъ свои законы и слѣдуетъ имъ; міръ вещественный, животныя слѣдуютъ своимъ законамъ; одинъ человѣкъ не признаетъ своихъ законовъ, или нарушаетъ ихъ.

Человѣкъ въ двойственной своей природѣ находитъ источникъ этого необыкновеннаго дара—имѣть возможность не признавать своихъ законовъ, и это изуми-

тельное свойство двойственной его природы доказывается для насъ тѣмъ, что онъ можетъ съ полною свободою выбрать порядокъ или безпорядокъ, послушаніе или сопротивленіе.

Человѣкъ, говоритъ также Монтескьё въ томъ же мѣстѣ, какъ существо міра физическаго подчиненъ неизмѣннымъ законамъ, какъ и всѣ другія тѣла этого міра. Какъ существо мыслящее онъ безпрестанно нарушаетъ законы, установленые Богомъ, и измѣняетъ учрежденные имъ самимъ. Онъ долженъ управлять собою, и онъ однако существо ограниченное; онъ впадаетъ въ невѣденіе и въ заблужденіе подобно всѣмъ конечнымъ существамъ; онъ легко утрачиваетъ и тѣ слабыя познанія, которыя онъ пріобрѣлъ. Какъ существо живущее внѣшними чувствами, онъ подчиняется множеству страстей.

Отсюда очевидная необходимость положительныхъ законовъ для того, чтобы возбуждать дремлющую совѣсть, или направлять на болѣе правильный путь блуждающій разумъ.

Такое существо, продожаетъ Монтескьё, могло на каждомъ шагу забыть своего Создателя: Богъ призвалъ его къ себѣ законами религіи. Такое существо могло каждую минуту забыть про самаго себя: философы предостерегли его нравственными законами. Созданное жить въ обществѣ оно могло забыть о другихъ себѣ подобныхъ, законодатели напомнили ему его обязанности посредствомъ законовъ политическихъ и гражданскихъ».

И такъ законъ религіи, законъ нравственный, законъ государственный—вотъ троякое правило для человѣка. Пока онъ съ нимъ сообразуется, нравственный міръ

пользуется порядкомъ, какъ и міръ физическій. Если онъ отъ этого правила отступитъ, то необходимо возникаетъ безпорядокъ, безначаліе, раждаются преступленія; беззаконіе распространяется тогда по землѣ, и зло увеличивается среди сыновъ человѣческихъ, разстроиваетъ государства, вноситъ несчастіе въ семейства, доколѣ Господь, попустившій человѣку распоряжаться во времени, но предоставившій Себѣ вѣчность, не возвратитъ къ Себѣ всякую власть и силу, и давъ полное дѣйствіе Своему небесному правосудію, не поставитъ насъ лицемъ къ лицу съ дѣлами нашими, воздавая каждому, по слову Писанія, то что онъ самъ избралъ— добро или зло, жизнь или смерть.

Въ ожиданіи этого великаго и неизбѣжнаго конца всяческихъ, мы въ самомъ дѣлѣ слышимъ часто, и видимъ законы религіи забытыми, презрѣнными, оставленными, самые нравственные законы пренебреженными и нарушенными, такъ что по неволѣ подумаешь, что въ такомъ обществѣ, изнѣженномъ и униженномъ, нѣтъ иного правила для дѣлъ человѣческихъ, нѣтъ другой преграды людскимъ страстямъ, кромѣ законовъ государственныхъ.

Но эта преграда слаба и ненадежна, пока она одна, это правило невѣрно и чисто внѣшнее.

Что могутъ сдѣлать человѣческіе законы, если законы божескіе болѣе не уважаются? Что станетъ съ властью человѣческою, если власть Божія болѣе не признается? Во всеобщемъ почти крушеніи высокихъ чувствъ, великодушныхъ помысловъ, благочестивыхъ привязанностей и благородныхъ стремленій развѣ мож-

но надѣяться, что интересъ грубый и вещественный, не имѣющій въ виду ни будущности, ни безсмертія, способенъ будетъ спасти общества и семейства? Если мысль о Богѣ отнять изъ міра, можно ли надѣяться, что властолюбіе и самолюбіе сохранятъ въ немъ спокойствіе и порядокъ?

«Не станемъ прельщаться, и послушаемъ лучше гласа Писанія:» *Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе, аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій.» Пс. CXXVI, 1.*

Да, только мысль о Богѣ можетъ вмѣстѣ и укрѣпить власть человѣческую и удержать ее въ должныхъ предѣлахъ; мысль о Богѣ вмѣстѣ и облагораживаетъ повиновеніе народовъ властямъ и облегчаетъ имъ покорность.

Итакъ блаженны, и стократъ блаженны тѣ народы, у которыхъ эта высокая мысль освѣтила бы всѣ умы, одушевила бы и согрѣла всѣ сердца, гдѣ бы она могла быть первымъ лепетомъ ребенка, воинскимъ кликомъ юноши въ тяжкой жизненной брани, побѣдною пѣснью старца!

Тогда только законы человѣческіе получаютъ могучее подкрѣпленіе, владычественное величіе, высшую силу, покаряющую пожеланія и укрощающую страсти.

ОТДѢЛЪ II.

О законахъ во Франціи.

Особыя побужденія къ покорности закону.

Покорность законамъ государства есть вмѣстѣ и право и обязанность.

«Рядомъ съ обязанностью повиноваться законамъ находится, по выраженію одного философа, и право повиноваться однимъ только законамъ и бояться ихъ однихъ. Въ этомъ состоитъ свобода, и эта свобода есть первое право человѣка. Можно бороться съ этимъ чувствомъ, но нельзя его уничтожить; оно живетъ въ цѣпяхъ, въ тюрьмахъ, не угасаетъ и подъ сѣкирою палачей. Человѣкъ рожденный свободнымъ, но съ потребностью повиновенія, подчинялся всегда законамъ, а не одному произволу властителей. Никто не имѣетъ права произвольно властвовать надъ другимъ.

Такъ всегда понимали во Франціи власть и повиновеніе какъ въ политической такъ и въ религіозной области. У насъ всегда имѣло силу правило священное и непреложное, сохраняющее за человѣкомъ все его достоинство, охраняющее вмѣстѣ и власть монарховъ и свободу народовъ, миръ церкви и миръ міра, правило доступное всѣмъ умамъ, отвѣчающее на всѣ потребности—что законъ, какъ произведеніе общей воли, выше всякаго личнаго произвола.

Болѣе восьмнадцати вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ это правило порядка и прочности положено Богомъ въ основаніе чудеснаго устроенія Церкви; объ него разбились всѣ заблужденія, всякое своеволіе и всякое произвольное преобладаніе.

Это же самое правило легло въ основаніе нашего государственнаго устройства и проникло въ народные нравы.

«Все чтобы мы ни сдѣлали въ противность правиламъ Церкви, не должно имѣть силы, сказали всему міру Келестины, Львы, Адріаны, Гиларіи.

«Всякое наше повелѣніе противное законамъ не должно имѣть дѣйствія, говорили намъ наши монархи.

Что гласитъ законъ? Таково было всегда во Франціи первое возраженіе противъ всякаго рода произвола духовнаго или гражданскаго. Отсюда въ нѣдрахъ парламентовъ и генеральныхъ штатовъ противодѣйствіе противъ указовъ, по видимому, нарушавшихъ законы, противъ буллъ нарушавшихъ каноническія правила.

Конечно нація, положившая эти правила въ основу своего существованія, не изъята отъ бѣдъ и волненій. Обстоятельства могутъ быть трудны, пожертвованія значительны; законъ можетъ сдѣлаться слишкомъ строгимъ и иго его тяжелымъ. Но это иго закона, которое всѣ несутъ по своей собственной волѣ.

Первый законъ властителей, говоритъ нашъ безсмертный Генрихъ IV, самому исполнять всѣ законы; у него у самаго два государя: Богъ и законъ. *(Записки Сюлли)*. Эта царская мысль принадлежала не одной великой душѣ Генриха IV. Большая часть нашихъ монарховъ старались усилить предосторожности противъ злоупотребленія ихъ властью, дабы обойти власть закона. «Если бы кто нибудь, такъ говоритъ уже сынъ Хлодвига, обманулъ насъ и выманилъ бы у насъ повелѣнія противныя закону; то да не имѣетъ это повелѣніе никакой силы, да не дерзнутъ наши судьи исполнять его.

«Это правило было основано на высокой и здравой политикѣ, а также и на прямой справедливости. Законъ

французскій общее твореніе монарха и подданныхъ; одинъ монархъ уничтожить его не могъ (*).

Постараемся сохранить и передать въ цѣлости потомкамъ это великое и благотворное правило; выведемъ изъ него то справедливое необходимое послѣдствіе, что мы на повиновеніе законамъ должны смотрѣть, какъ на самую простую, легкую и необходимую обязанность.

Но повторимъ снова: чтобы повиновеніе закону человѣческому сдѣлалось легкимъ и пріятнымъ, чтобы это второе величіе осталось неприкосновеннымъ, постараемся познавать, почитать, любить первое божественное величіе. Убѣдимся, что всякая обязанность въ отношеніи къ отечеству есть во первыхъ обязанность въ от-

---

(*) На уваженіе къ закону, какъ на основу всякаго общественнаго порядка, указываетъ и премудрая Екатерина въ наказѣ коммиссіи составленія Уложенія.

«Общественная, или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.»

«Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принужденному дѣлать то, чего хотѣть не должно.»

«Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.»

«Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ боятися другаго, и боялись бы всѣ однихъ законовъ.»

ношеніи къ Богу, великому устроителю царствъ раздѣляющихъ вселенную; запечатлѣемъ глубоко въ сердцѣ ощущеніе присутствія Всемогущаго и Всеблагаго Бога, предписывающаго и награждающаго всякое доброе дѣло, запрещающаго и наказывающаго всякую неправду, Бога устроившаго общество гражданское, равно какъ и общество вѣрующихъ, и для того и другаго предназначившаго порядокъ и миръ. Повиновеніе Богу, покорность закону—вотъ залогъ порядка и мира.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе отъ переводчиковъ I
Вступленіе XI

Часть первая. Нравственное ученіе древнихъ философовъ.

Книга первая. Объ обязанностяхъ къ Богу.

Глава I. О бытіи Божіемъ и совершенствахъ Его.

Бытіе Божіе 1
Богъ есть Духъ чистый 2
Богъ вѣченъ . . . . . —
Богъ всемогущъ 3
Богъ безконеченъ. . . . . —
Богъ безконечно благъ. . . . . —
Богъ верховный властитель и всевѣдущъ. . 4
Богъ виновникъ всякой добродѣтели и всякаго дарованія. 5
II. О богопочтеніи 7
III. О молитвѣ 10

Книга вторая. Объ обязанностяхъ къ самому себѣ.

I. О достоинствѣ человѣческой природы 12
II. О необходимости и пользѣ просвѣщенія . . . 19
III. Объ истинныхъ благахъ. 22
IV. Объ отвращеніи и удаленіи отъ грѣха. . . . 25
V. Объ умѣренности въ желаніяхъ 30
VI. О презрѣніи страданій и смерти. 32
VII. О совѣсти и доброй славѣ (честномъ имени). . 40
VIII. О выборѣ состоянія 45

Книга третья. Объ обязанностяхъ къ другимъ людямъ.

I. О любви къ справедливости 48
II. О любви къ общественному благу 50
III. О любви къ отечеству 52
IV. О любви родительской и о воспитаніи дѣтей. . 54
V. О дѣтской любви 61
VI. О братской любви. 63
VII. О дружбѣ. 66

VIII. О благотворительности 73
IX. О человѣколюбіи къ рабамъ 80
X. О лжи и клятвѣ 85
XI. О злорѣчіи 87
XII. О томъ, какъ надобно поступать съ врагами. . 88

Часть вторая. Христіанская нравственность.

Книга первая. Объ обязанностяхъ къ Богу.

I. О бытіи Божіемъ и совершенствахъ Его . . . 97
II. О богопочтеніи. 106
III. О молитвѣ 111

Книга вторая. Объ обязанностяхъ къ самому себѣ.

I. О достоинствѣ человѣческой природы 116
II. О необходимости и пользѣ просвѣщенія . . . 123
III. Объ истинныхъ благахъ. 130
IV. Объ отвращеніи и удаленіи отъ грѣха. . . . 136
V. Объ умѣренности въ желаніяхъ . : 141
VI. О презрѣніи страданій и смерти 144
VII. О совѣсти и доброй славѣ (чѣстномъ имени). . 150
VIII. О выборѣ состоянія 154

Книга третья. Объ обязанностяхъ къ другимъ людямъ.

I. О любви къ справедливости 159
II. О любви къ общественному благу 162
III. О любви къ отечеству 165
IV. О любви родительской и о воспитаніи дѣтей. . 167
V. О дѣтской любви 175
VI. О братской любви. 178
VII. О дружбѣ 180
VIII. О благотворительности 184
IX. О любви къ служителямъ 188
X. О лжи и клятвѣ. 190
XI. О злословіи 193
XII. О томъ, какъ надобно поступать съ врагами. . 195

Книга четвертая.

Отдѣлъ первый. О повиновеніи законамъ 199
Отдѣлъ второй. О законахъ во Франціи. Особыя побужденія покорности закону. 202

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				*Слѣдуетъ быть:*
Стран.		*Стр.*		
XXI	сн.	6	частое	часто
XXIV	сн.	11	крушиться	кружиться
6	св.	2	Божій	Божіей
110	св.	10	одну	Ему
135	сн.	2	этой въ упражненіи промышленностію	въ упражненіи этой промышленностію
153	св.	2	почетный	почтенный
184	сн.	9	Просяему	Просящему

B/21

Цѣна 60 коп. сер.

LIBRARY OF CONGRESS
0001490